

~~△ 100~~
~~62~~
К. ЕЛЬНИЦКИЙ.

W ~~462~~
~~557~~ ИНОРОДЦЫ

СИБИРИ

и

СРЕДНЕАЗИАТСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ

РОССІИ.

— — — — —
ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.
— — — — —

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Д. Д. Полубояринова.

1895

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 25 Января 1895 г.

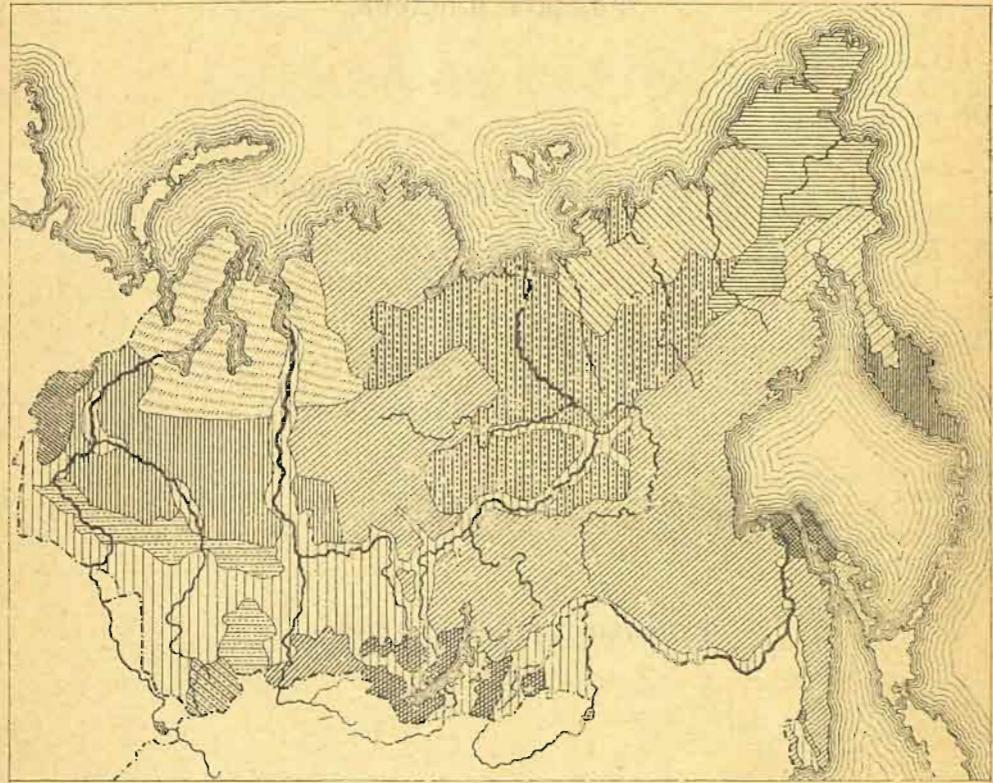

I.

ИНОРОДЦЫ СИБИРИ.

8
—
—
—
—
—

Карта инородцевъ Сибири.

Инородческое племя. Фото с карты.

Русские
Остяки
Вогулы
Солоны
Сахал'ды
Калмыки и Челутчи
Тунгусы
Буряты

Инородческое племя.

Татары
Чукчи
Юкагиры
Уралы
Кораки
Казахи
Гильчи
Алтасы

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. ИНОРОДЦЫ СИБИРИ.

Финскія племена.

I. Сибирскіе самоѣды.	стр.	7
II. Остяки.		22
III. Вогулы.		30

Монголо-манчжурскія племена.

IV. Буряты.	35
V. Калмыки.	44
VI. Тунгусы.	48
VII. Гиляки, гольды, айносы, корейши.	56

Полярныя племена.

VIII. Юкагиры.	61
IX. Чукчи.	65
X. Коряки.	72
XI. Камчадалы.	76

Турецко-татарскія племена.

XII. Якуты.	81
XIII. Сибирскіе татары.	89

II. ИНОРОДЦЫ СРЕДНЕ-АЗІАТСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ РОССІИ.

Турецко-татарскія племена.

I. Киргизы.	99
II. Сарты.	114
III. Таджики.	120
IV. Узбеки.	122
V. Туркмены.	125

Монгольскія племена.

VI. Дунгане.	130
VII. Таранчи.	134

I.

СИБИРСКИЕ САМОЁДЫ.

Самоёды сами себя называют „хозово“ (человѣкъ); остяки называют ихъ „орхой“ (ликъи человѣкъ); „самоёдами“ же называли ихъ русскіе. Такое название дано этимъ жителямъ сѣвера, по мнѣнію однихъ лицъ, оттого, что въ прежнія времена они приносили человѣческія жертвы и фили человѣческое мясо; другіе полагаютъ, что они получили свое имя отъ названія одного вида рыбы, которою питаются; третыи же думаютъ, что название ихъ есть буквальный переводъ слова „хозозо“, а именно: „хозъ“ означаетъ по-русски „само“, „ово“ — „единъ“ (одинъ), передѣланное въ „ёдъ“.

О происхожденіи своемъ самоёды разсказываютъ, что въ очень давнія времена предокъ ихъ Хозово (человѣкъ) сотворенъ былъ Нумомъ (Богомъ) въ землѣ, прилагающей къ Ледовитому океану, и потому они считаютъ себя коренными жителями сѣвера.

До XVI-го столѣтія самоёды находились въ подчиненіи остякамъ. О покореніи первыхъ послѣдними самоёдское преданіе передаетъ, что въ давнія времена самоёды жили привольно, занимая мѣста отъ рѣки Иртыша вплоть до Сѣвернаго Ледовитаго океана. Они имѣли такъ много оленей, что не знали имъ счета. Но вотъ съ верховья рѣки Оби приплыли на плотахъ остяки и начали тѣснить ихъ, отбирая рыболовныя мѣста и стада оленей; возникли постоянныя войны, во время которыхъ самоёды принуждены были подвигаться все дальше и дальше къ сѣверу. Наконецъ, когда остяки и тамъ стали притѣснять ихъ, они принуждены были признать надъ собою ихъ владычество; остяцкій князь сдѣлался правителемъ самоёдовъ, и съ тѣхъ поръ послѣдніе начали сближаться съ остяками.

Въ XVI столѣтіи русскіе подчинили своей власти остяковъ, а вмѣстѣ съ ними и самоёдовъ. Для управления покоренными инородцами и для торговли съ ними основанъ былъ городъ Обдорскъ.

Самоёды, живущіе о-бокъ съ русскими крестьянами, переняли отъ послѣднихъ и костюмъ, и постройку жилищъ, и бытовыя черты; они отличаются отъ русскихъ только большою грубостью, лѣпью, нечистоплотностью и отсутствиемъ стремленія къ уметенному и хозяйственному улучшенію. Здѣсь мы будемъ говорить преимущественно о тѣхъ самоёдахъ, которые еще не обрусили, т. е. въ значительной мѣрѣ сохранили свои народныя черты.

Въ настоящее время сибирскіе самоёды бродятъ на пространствѣ отъ 60° сѣверной широты до Сѣвернаго Ледовитаго океана и отъ рѣки Кари и сѣверо-

восточного склона Уральскихъ горъ до рѣки Енисея. Самоѣды, кочующіе на восточномъ склонѣ Уральскихъ горъ и на полуостровѣ Ялмалѣ, называются „каменными“, а тѣ, которые кочуютъ на материкѣ между Обскою и Енисеекою губами, носятъ прозваніе „низовскихъ“. Какъ тѣ, такъ и другіе живутъ отдѣльными родами или чумами. Каждый родъ или чумъ бродитъ отдѣльно отъ другихъ. Впрочемъ, нерѣдко случается, что бѣдные самоѣды ются въ чумахъ богатаго самоѣда, который кор-мить ихъ, даетъ имъ оленей для бѣды, но зато и самъ пользуется ихъ услугами. Какъ только бѣднякъ-самоѣдъ обзаведется такимъ числомъ оленей, что можетъ про-существовать безъ пособія богатаго, онъ сейчасъ отдѣляется отъ послѣдняго и начинаяетъ бродить самостоятельно.

Въ прежнее время самоѣдовъ было несравненно больше, чѣмъ мы ихъ находимъ въ настоящее время. Въ давнее время, — гласитъ самоѣдское преданіе, — ихъ было „тысячу тысячай, раздѣленныхъ на сто родовъ“; въ настоящее же время ихъ насчитываютъ не болѣе 16 тысячъ человѣкъ. Причиной вымирания ихъ служать неблагопріятныя условія жизни, главнымъ же образомъ — заразительная болѣзни и страсть къ водѣ.

По своему происхожденію самоѣды принадлежать къ восточной вѣтви финскаго племени, что подтверждается и наружный ихъ видъ. Большею частью они средняго роста, голову имѣютъ круглую, лицо широкое, съ выдавшимися скулами, носъ при-плюснутый, глаза узкие, черные, небольшіе, ротъ большой, губы толстые, лобъ узкій, вдавленный, уши небольшія, оттопырившіяся, волосы на головѣ носятъ длинные, иногда заплетенные въ двѣ косы. Выраженіе лица ихъ большою частью угрюмое, непривѣтливое, какъ угрюма и непривѣтлива природа, среди которой они живутъ.

Одежда самоѣдовъ шьется изъ шкуръ оленей, собакъ и дикихъ звѣрей. Бѣлья они не носятъ. Непосредственно на тѣло они надѣваютъ „малицу“, которая шьется изъ шкуръ молодыхъ оленей и имѣеть форму мѣшка съ рукавами, къ которымъ прививаются рукавицы въ одинъ палецъ. Она надѣвается чрезъ голову, шерстью къ тѣлу. По подолу обшивается она длинной собачьей шерстью, а по шву подола нерѣдко обводится суржкомъ красная полоска. Надѣвъ малицу, самоѣдъ опоясывается широкимъ ремнемъ, украшеннымъ разными пуговицами. Къ поясу онъ привѣшиваетъ съ лѣвой стороны ножомъ, съ правой — оселокъ, а сзади — сумку, также украшенную пуговицами; въ ней лежать: трутъ, огниво, кремень, нитки, иголки и волчий зубъ. Малица выдергивается изъ-подъ пояса настолько, что самоѣдъ можетъ за пазухой хранить десятки шкурокъ. На голову надѣвается треухъ, сшитый изъ мягкой оленьей шкуры и прикрепленный къ малице; иногда впрочемъ онъ замѣняется круглой оленьей шапкой. Поверхъ малицы самоѣды надѣваютъ „парку“, сшитую тоже изъ оленыхъ шкуръ, но надѣвающуюся шерстью наружу. Къ подолу парки прививаются узорчатыя каймы, сдѣланныя изъ кусочковъ разношерстныхъ оленыхъ кожъ и разноцвѣтнаго сукна. Въ большіе морозы самоѣды надѣваютъ еще „гусь“ и второй треухъ. „Гусь“ — это та же парка, сшитая изъ толстыхъ оленыхъ шкуръ; онъ надѣвается шерстью вверхъ. Второй треухъ дѣлается тоже изъ болѣе толстыхъ оленыхъ шкуръ. На ноги самоѣды надѣваютъ кожаныя панталоны; обувью же имъ служатъ оленьи чулки („кисы“) и длинные сапоги изъ оленыхъ шкуръ шерстью наружу („унты“). Послѣдніе прикрепляются ремешками къ панталонамъ и сверхъ того обвязываются ниже колѣнъ шерстянымъ цвѣтнымъ пояскомъ.

Женская одежда состоит из „ягушки“, т. е. длинного оленевого халата, подпоясанного шерстяным поясомъ; къ рукавамъ ягушки нерѣдко прицѣпляются коло-кольчики, бубенчики, погремушки и длиные кусочки разноцвѣтнаго сукна. Голова покрывается шапкой съ мѣховымъ околышемъ, туляя которой дѣлается изъ полосокъ разноцвѣтнаго сукна. Двѣ косы, переплетенные красною или желтою лентой и украшенныя на концахъ кольцами или погремушками, выходятъ изъ-подъ шапки. Къ ушамъ женицины прицѣпляютъ мѣдныя серьги, а на пальцахъ носятъ массу мѣдныхъ колецъ.

Нужно замѣтить, что самоѣдки — большія щеголихи, и даже бѣдныя любятъ увѣщивать себя разноцвѣтными лоскутками сукна и разными побрякушками. Это однако не мѣшаєтъ имъ, подобно ихъ мужьямъ и братьямъ, быть крайне нечистоплотными. Самоѣдки не находятъ нужнымъ даже разъ въ годъ мыть свое тѣло, которое, поэтому, всегда покрыто слоемъ копоти и грязи. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что они считаютъ себя очень чистоплотными — на томъ основаніи, что носятъ множество колецъ, а металль, особенно желтая мѣдь, по ихъ понятію, очищаетъ всѣ нечистоты, какія бы ни были на человѣкѣ.

Жилищемъ самоѣдовъ служить чумы, который устраивается такимъ образомъ: длинныя жерди ставятся конусомъ и покрываются — лѣтомъ берестой, а зимой —

двуя покрываюмы изъ оленыхъ шкуру, изъ которыхъ одно кладется шерстью внизъ, а другое—шерстью вверхъ. Вверху чума оставляется отверстіе для выхода дыма; дверью же служить боковое отверстіе, которое загѣшиается оленьей шкурой. Посреди чума—очагъ, на которомъ почти всегда горить огонь. Надъ очагомъ укрѣплюются перекладины, на которыхъ висить котель, сушится платье и варится мясо или рыба. Мѣсто противъ входа, у стѣны, считается священнымъ, переступить чрезъ него женщина не смѣеть; если же ей случится переступить его, то она спѣшить бросить туда уголекъ, какъ очистительное средство. Въ этомъ мѣстѣ помѣщаются наиболѣе цѣнныя хозяйственныя принадлежности: котелки, ящики и т. п.; тутъ же можно видѣть и истукановъ. У самаго входа въ чумъ обыкновенно лежитъ хворость для топлива. По сторонамъ очага кладутся широкія доски, замѣняющія со бою столы; у стѣнъ же чума устраиваются постели для спанья: на землю постилаются рѣшетки, сплетенные изъ ивовыхъ или березовыхъ прутьевъ, а поверхъ ихъ кладутся травяные ковры, которые покрываются оленьими шкурами. Въ чумѣ зимой, даже въ сильные морозы, тепло, если на очагѣ непрерывно поддерживается огонь. Постановка чума и снятіе его, при перекочевкѣ на другое мѣсто, лежитъ на обязанности женщинъ. Какъ только самоѣдской родѣ перекочевалъ на новое мѣсто, женщины сейчасъ же ставятъ чумъ, разводятъ огонь,—и жилище готово.

Несмотря на свой мрачный видъ, самоѣды добродушны и миролюбивы. Между ними бываютъ драки только тогда, когда они пьяны. Умственный кругозоръ ихъ крайне ограниченъ, отчего и языкъ бѣденъ. Если самоѣду приходится разсказать какое нибудь происшествіе, то разсказать свой онъ сопровождастъ всевозможной мимикой и жестикуляціей, стараясь ими выразить то, для выраженія чего у него недостаетъ словъ.

Большинство самоѣдовъ—язычники, и лишь небольшая часть ихъ крещены русскими миссіонерами; впрочемъ, нося мѣдный или серебряный крестъ на шеѣ, они не покидаютъ и своихъ языческихъ обрядовъ. У самоѣдовъ-язычниковъ высшій богъ называется Нумъ. Онъ, по ихъ понятіямъ, живеть на небѣ. Присутствіе его самоѣды видѣть во всѣхъ атмосферныхъ явленіяхъ—въ снѣгѣ, дождѣ, вѣтре и т. п. Воля Нума можетъ быть узнана людьми только при помощи избранныхъ лицъ—шамановъ, называемыхъ также тадебяями. Но и сами шаманы не непосредственно узнаютъ волю Нума, а при посредствѣ духовъ, называемыхъ тадебціями. Къ шаманамъ самоѣды обыкновенно прибегаютъ для излеченія болѣзни, для отысканія потерянныхъ оленей или вещей и т. п. Случается у самоѣда, напр., пропажа оленей,—онъ обращается къ шаману съ просьбой поворожить, кто угналь ихъ. Тотъ садится на землю, беретъ въ руки бубенъ и начинаетъ въ него бить, причемъ тяжело вздыхаетъ, издаетъ различные звуки, кричитъ, затѣмъ бѣсть себѣ по груди и животу и, наконецъ, въ изнеможеніи падаетъ. Полежавъ немножко, онъ приподнимается и говорить, что тадебціи требуютъ, чтобы въ жертву имъ принесли оленя, причемъ указываетъ примѣты его. Размѣскавъ въ стадѣ по указаннымъ примѣтамъ оленя, самоѣды давятъ его и часть приносятъ въ жертву, а остальное ссыдаются вмѣстѣ съ шаманомъ, причемъ послѣдній получаетъ самые лакомые куски. Всльдъ затѣмъ шаманъ продолжаетъ ворожить, говоря, что олени угнаны человѣкомъ такого-то роста, такого-то вида, имѣющимъ столько-то дѣтей, и т. п. Напедни человѣка съ призна-
ами, описанными шаманомъ, самоѣдъ пристаетъ къ нему, чтобы тотъ возвратилъ

оленей. Если обвиняемый не чувствует себя виновнымъ во взводимомъ на него преступлени, онъ даёт присягу въ своей невинности и тѣмъ слагаетъ съ себя обвинение; но если онъ чувствуетъ за собой вину, то никогда не дасть такой присяги: посльдней самоѣды вообще очень боятся. Присяга дается обыкновенно въ одномъ изъ слѣдующихъ видовъ: а) присягающей цѣлуется переднюю лапу медвѣдя и клянется, что если онъ говорить неправду, то пусть медвѣдь растерзаетъ его; если случится, что медвѣдь въ самомъ дѣлѣ нападетъ и помнеть его, то это считается признакомъ, что его клятва невѣрина, и онъ признается виновнымъ; б) присягающей цѣлуется ледъ, взятый изъ водъ, признаваемыхъ самоѣдами священными, и на немъ произносить клятву; в) обвиняющій беретъ пальцами одной руки за конецъ языка обвиняемаго, а другую разрѣзываетъ ножомъ скѣгъ или землю и произноситъ заклинаніе: „если скажешь неправду, то пусть твой языкъ распадется на части, какъ распадается эта скѣгъ, или эта земля“.

Кромѣ Нума, самоѣды признаютъ еще различной степени младшихъ боговъ. Чувствуя надобность прибѣгнуть къ помощи бога, самоѣдъ сначала всегда обращается съ мольбой и жертвоношениемъ къ самому младшему богу; если отъ него не получаетъ желаемаго, онъ обращается уже къ другому, постарше, и т. д. Въ жертву своимъ богамъ самоѣды приносятъ оленей, шкуры разныхъ звѣрей, шерстяные пояски, кольца и т. п.

Вѣруя, что постигшее бѣствие можно посредствомъ заклинанія перенести на животное, дерево или другой неодушевленный предметъ, самоѣдъ при каждомъ бѣствѣ и поступаетъ согласно этому вѣрованію. Случилось, напр., самоѣду заболѣть,— онъ третъ болѣное мѣсто шкуркой пеца или другою вещью, предназначеннай для жертвы, и затѣмъ вѣшасть эту шкурку или вещь на дерево и заклинаетъ, чтобы его болѣзнь перешла на это дерево. Желая перенести свою болѣзнь на оленя, самоѣдъ самъ или же посредствомъ шамана старается вызвать въ животномъ такую же боль, какою страдаетъ онъ самъ. Такимъ образомъ иногда замучиваются нѣсколько оленей, и все-таки, конечно, больному отъ такого лѣченія легче не становится.

Самоѣды дѣлаютъ истукановъ и относятся къ нимъ, какъ къ живымъ существамъ, понимающимъ ихъ. При нуждѣ они обращаются къ нимъ съ мольбой, но если не получаютъ по своей просьбѣ, то бранять, бѣть и разбрасывать ихъ, чтобы затѣмъ снова собрать въ одно мѣсто и опять просить о помощи. Чтобы задобрить истукановъ, самоѣды мажутъ имъ тубы кровью, наряжаютъ ихъ въ разноцвѣтныя лоскутки матеріи и ставятъ въ чумѣ на почетномъ мѣстѣ или же возятъ на особой нартѣ. Нерѣдко случается, что самоѣдъ, укладываясь спать, ставить среди стада оленей истукановъ для охраны этого стада. Если случится, что почью волкъ зарѣжетъ оленя, то самоѣдъ бѣть своего бездушного сторожа за то, что онъ не бдительно исполнилъ возложенную на него обязанность.

Произведеніями народнаго поэтическаго творчества самоѣды не особенно богаты. Они имѣютъ нѣсколько фантастическихъ рассказовъ о подвигахъ богатырей, мионическихъ сказокъ, лирическихъ пѣсень и—только. Пѣсни пользуются у нихъ меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ героические разсказы; въ нихъ главную роль играетъ не столько содержаніе, сколько мелодія, напѣвъ. Впрочемъ, умѣніе хорошо пѣть самоѣды ставятъ очень высоко.

Скажемъ теперь о бытовыхъ обрядахъ самоѣдовъ.

Самоёдская свадьба не сопровождается, какъ это обыкновенно бываетъ, особыми обрядами. Послѣ соглашенія между женихомъ и невѣстой, родные жениха ёдутъ къ роднымъ певѣстямъ и условливаются относительно платы (кальма) за невѣсту и приданаго за нею. Покончивъ переговоры, давятъ оленя, и начинается угощеніе сырымъ мясомъ и кровью, а если есть, то и водкой. Пьютъ всѣ, не исключая невѣсты, и напиваются до пьяна. На слѣдующій день родные жениха угощаютъ у себя въ чумѣ родныхъ невѣст. При угощеніи женихъ и невѣста сидятъ рядомъ. Женихъ, отрѣзавъ кусокъ мяса, безмолвно передаетъ его невѣстѣ; та молча береть и естъ. Точно также онъ береть вино и, отпивъ самъ, остатокъ чрезъ плечо передаетъ невѣстѣ, которая дошиваетъ его. Получивъ слѣдующій калымъ, родные невѣстамъ складываютъ ея приданое на парты и везутъ его вмѣстѣ съ нею въ чумъ жениха. Невѣста обыкновенно ёдетъ въ передней, богато убранной партѣ. По прибытии ея къ чуму жениха, ее обвозятъ нѣсколько разъ вокругъ этого чума, а родственники и знакомые, стоя кругомъ, привѣтствуютъ ее радостными криками. Свадьба оканчивается новымъ пиршествомъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ брака молодая жена ёдетъ къ своимъ роднымъ въ гости. Отправляя ее въ обратный путь, родные обязаны надѣлить ее подарками, сложенными въ особую парту, запряженную въ тройку или пару хорошихъ оленей, которые тоже поступаютъ ей въ даръ. Если случится, что родные скучо се одарять, то мужъ ея почтетъ себя обиженнымъ, что не преминеть выразить какъ ей самой, такъ и ея родственникамъ.

Къ своимъ дѣтямъ самоѣды относятся нѣжно, съ любовью. Что бы дитя ни сказало, или ни сдѣлало, все въ глазахъ родителей представляется хорошимъ, забавнымъ и даже умнымъ.

Какъ только рождается ребенокъ, его вытираютъ снѣгомъ, а лѣтомъ купаютъ въ холодной водѣ, чтобы, такимъ образомъ, съ первыхъ же дней закалить его для перенесенія стужи и всѣхъ климатическихъ невзгодъ. Затѣмъ новорожденного кладутъ въ колыбель и, прикрывши мягкой оленьей шкурой, привязываютъ его къ ней, такъ что онъ можетъ шевелить только головкой.

Воспитаніе дочерей лежитъ исключительно на обязанности матери: она учить ихъ съ малолѣтства сучить нитки изъ оленевыхъ жилъ, шить одежду, обувь, ставить чумъ и вообще исполнять работу, составляющую удѣль женшинъ-самоѣдокъ. Воспитаніе же сыновей лежитъ на обязанности отца: онъ береть ихъ съ собою на охоту, пріучаетъ владѣть лукомъ, арканомъ, учить ихъ ловить рыбу, загонять оленей и т. п.

Отецъ, имѣющій взрослыхъ сыновей, еще при своей жизни выдѣляетъ ихъ, т. е. даетъ каждому изъ нихъ часть своихъ оленей и другого имущества, и они начинаютъ кочевать самостоятельно; онъ оставляетъ при себѣ только самого младшаго сына и невыданныхъ замужъ дочерей. Если отецъ умретъ, не раздѣливши между своими сыновьями имущества, они сами дѣлять его поровну; въ такомъ случаѣ они же принимаютъ на себя обязанность имѣть попеченіе о сестрахъ, т. е. выдать ихъ замужъ, надѣливши приданымъ и получивши за нихъ соответственный калымъ. Если остались малолѣтнія дѣти, то имущество отца остается при матери, подъ надзоромъ кого-нибудь изъ взрослыхъ родственниковъ.

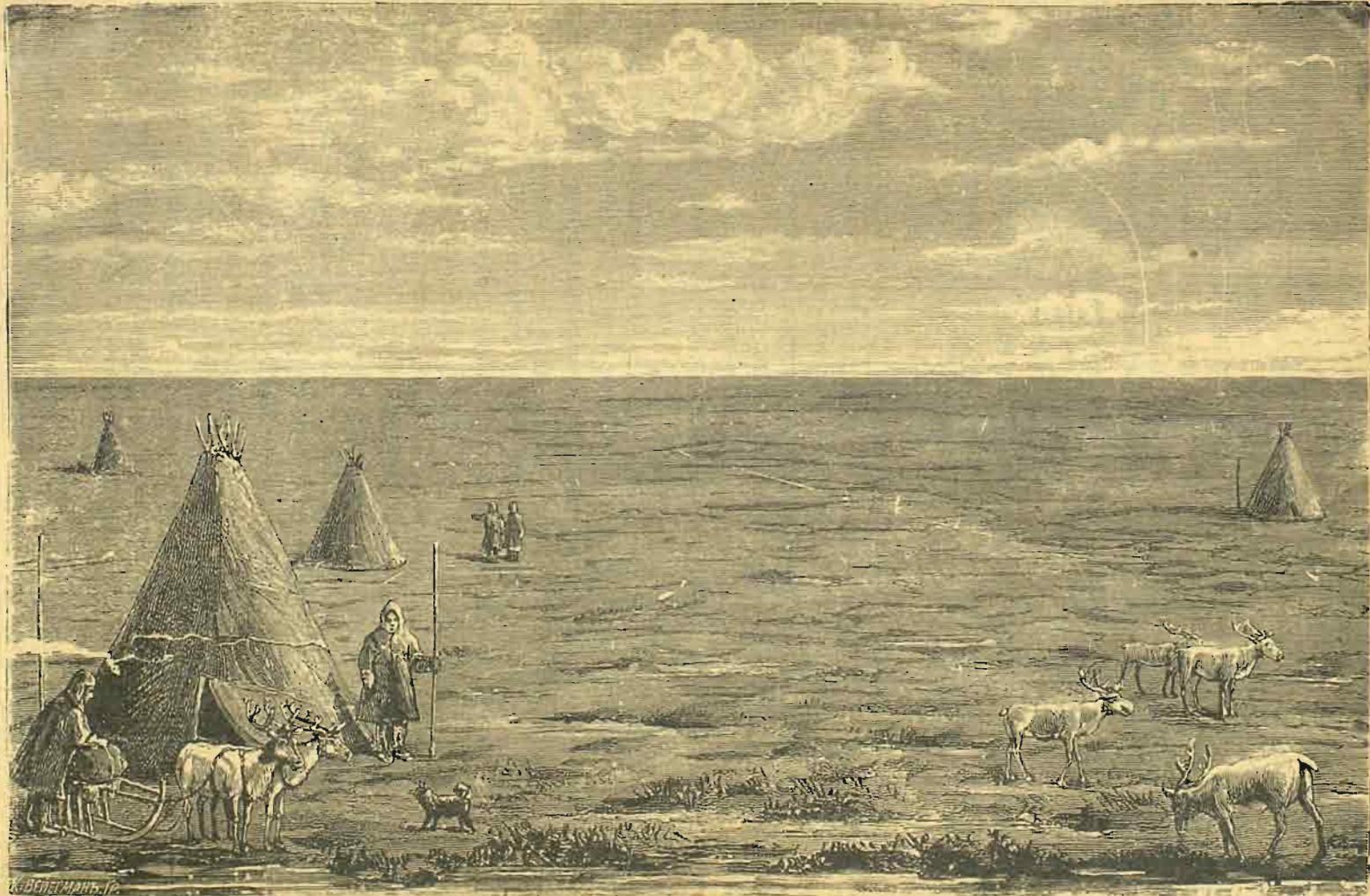
Умершій человѣкъ, по вѣрованію самоѣдовъ, переселяется въ далекую страну, за море, гдѣ живеть вмѣсть съ Нумомъ (богомъ), постоянно пируетъ и вдоволь пить вина. Трупъ покойника самоѣды выносятъ изъ чума ис чрезъ входную дверь, а чрезъ отверстіе, нарочно сдѣланное въ противоположной отъ входа стѣнѣ. Вынесши покойника, его одѣваютъ въ платы, кладутъ на парту, въ которую впряжены лучшихъ оленей, везутъ на мѣсто погребенія и здѣсь роютъ неглубокую могилу, въ которую кладутъ тѣло покойника, а съ нимъ ножъ, топоръ, рожокъ шокательного табаку и другія вещи, которыя ему необходимы были въ жизни; въ могилу женщины кладутъ чашку, иголки, нитки и другія вещи, необходимыя въ хозяйствѣ, причемъ предварительно ихъ ломаютъ или разбиваютъ. Самоѣды вѣрятъ, что всѣ вещи, положенные въ могилу покойника, послужатъ ему и въ загробной жизни, причемъ

онъ будуть обновлены. Зарывши покойника, на его могилѣ кладутъ разломанную парту, на которой онъ ъздалъ, приводятъ оленей и тутъ же, на могилѣ, ихъ давятъ. Рога задавленныхъ оленей втыкаютъ въ могилу, а мясо съѣдаются или уносятся въ чумъ. Принесши жертву, всѣ присутствующіе при похоронахъ начинаютъ ругать смерть за то, что она отняла у нихъ близкаго человѣка, а затѣмъ восхваляютъ покойника. По окончаніи похоронного обряда всѣ отходятъ отъ могилы, садятся въ парты и уѣзжаютъ обратно въ чумъ, въ который входятъ не иначе, какъ окурившись дымомъ сжигаемаго оленья жира; окуриваютъ также оленей, отвѣшившихъ покойника, и упряжь, бывшую на нихъ. Возвратившись въ чумъ, ъдѣять остатки мяса оленей, задавленныхъ на могилѣ погребеннаго.

Для сохраненія воспоминанія объ умершихъ, жена и дѣти его дѣлаютъ деревянного истукана, одѣваютъ его въ платье умершаго и помѣщаютъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно умершій сидѣлъ при жизни. Этаистуканъ изображаетъ собою покойнаго. Во время юды ставить передъ нимъ корытце съ пищей; кромѣ того, вдова или кто-нибудь изъ сыновей ежедневно мажетъ кровью или жиромъ губы истукана, какъ бы потчужъ самого покойника. Къ ночи истукана раздѣлаютъ и укладываютъ спать, а утромъ опять одѣваютъ. Однимъ словомъ, съ деревяннымъ истуканомъ дѣлаютъ все то, что дѣлалъ умершій. Такое ухаживаніе продолжается годъ и даже бельше.

Главное занятіе самоѣдовъ — оленеводство. Самоѣдъ, не имѣющій иѣсколькихъ, десятковъ оленей, считается бѣднымъ; богатые же имѣютъ ихъ по иѣскольку сотень и даже тысячу. Олени доставляютъ самоѣду все: пищу, одежду, постель и покрышки для чума; они же возятъ какъ самихъ самоѣдовъ, такъ и ихъ имущество. Между тѣмъ уходъ за этими полезными животными не требуетъ особыхъ заботъ: олени круглый годъ пытаются мохомъ, который и лѣтомъ, и зимою добываются себѣ сами. Самоѣду приходится лишь время отъ времени перемѣнить мѣсто своей кочевки. Весною появляется въ лѣсахъ, гдѣ самоѣды проводятъ зиму, безчисленное множество комаровъ, оводовъ и мошекъ, которые мучать и беспокоить и людей, и животныхъ. Олени, чтобы избавиться отъ мученій, инстинктивно рвутся на сѣверъ, гдѣ меньше насекомыхъ, и самоѣдъ принужденъ бываетъ сняться съ зимней стоянки, чтобы перекочевать въ тундрѣ, прилегающую къ Ледовитому океану. Съ наступленіемъ же зимы олени, наоборотъ, стремятся къ югу, въ лѣса, гдѣ не бываетъ такихъ суро-ыхъ мятелей и холодовъ, какъ въ тундрѣ, и гдѣ они легче могутъ добывать себѣ кормы; вслѣдъ за ними долженъ перекочевывать и ихъ хозяинъ. Кромѣ этихъ периодическихъ переходовъ, самоѣдъ долженъ постоянно перекочевывать съ мѣста на мѣсто, когда олени сбѣдятъ въ окрестности весь мохъ. Намѣреваясь перекочевать, самоѣдъ прежде всего сгонять къ чуму все свое стадо, въ чёмъ ему помогаютъ небольшія длинношерстныя собаки, которыхъ такъ пріучены сгонять оленей, что, куда бы постѣ-вѣ ни отлучились, — разыщутъ и пригонятъ къ чуму. Сами олени привыкли слушаться лая этихъ собакъ и, заслышивъ его, опрометью бѣгутъ къ чуму. Слышится, что самоѣдъ, лишившись собаки-загоняйки, самъ, обходя стадо, тякаетъ по-собачьи. Кромѣ того, оленей созываютъ еще крикомъ: „ого-го-ого-го!“ Собравши оленей къ чуму, самоѣды ловятъ тѣхъ изъ нихъ, которые предназначаются для упряжи, и запрягаютъ ихъ въ нарты, т. е. небольшія легкія сани съ широкими, круто загнутыми подозьями и высокими копыльями. На этихъ нартахъ самоѣдъ ёздить и зиму, и лѣто. Въ каждую нарту впряженіе обыкновенно по парѣ оленей, а кто хочетъ пощеголять, впряженіе въ нее и четверку, и даже шестерку одношерстныхъ оленей. Упряжью служить лямка (кожаная петля), къ которой привязывается ремень. Другой конецъ этого ремня привязывается къ подозьямъ нарты. На голову упряженаго оленя надѣвается узелочка, къ которой привѣпляется вожжа для управлѣнія имъ. Опоясываются олени выше брюха, возлѣ лопатокъ, подругой, а къ послѣдней привязывается по-вѣдь узелочки другого оленя. Погоняютъ оленей длиннымъ шестомъ, одинъ конецъ которого тоньше другого. Къ тонкому концу привѣпляется круглая косточка, которую и ударяютъ по оленю, когда желаютъ понудить его быстрѣеѣ бѣжать. На тол-стый конецъ шеста наслаживаютъ желѣзное копье, которымъ самоѣдъ бѣть дикаго

K. BECHTMANN J.P.

звѣри и упирается въ землю во время ъезды, когда прѣвратотахъ нарта закатывается. Нарта, предназначенная для хохайки чума, бываетъ украшена лучшими драгоценными каменьями: она первѣко покрывается цветнымъ сукномъ и къ ней прицепляются колокольчики; упряжь къ этой нартѣ подбирается тоже получше: лямки изъ медвѣжьей кожи, подпруги — вышиты разноцветными сукнами, узелочки — выкрашены въ красный цветъ, и т. д. Чемъ богаче сама нарта, темъ лучше бываетъ украшена нарта его жены. За хохайкой следуютъ въ особыхъ партахъ ея взрослая дочери. Мальчики 7—8 лѣтъ уже самостоятельно Ѵдуть на маленькихъ нартахъ. Взрослые мужчины Ѵдуть, смотря по надобности, то по сторонамъ женщинъ, то сзади или спереди ихъ.

Какъ только таборъ тронется, незапряженные олени следуютъ за нимъ. Пастухи наблюдаютъ, чтобы какой-нибудь олень не отсталъ отъ табора и не сдѣлался добычей волковъ. Кромѣ наблюденія со стороны пастуховъ, самымъ надежнымъ средствомъ сохранить въ целости стадо является со стороны самоѣда сбереженіе старыхъ матокъ, родоначальницъ нѣсколькихъ молодыхъ поколѣній. Около каждой такой матки группируется обыкновенно цѣлый родъ, состоящій иногда изъ 150 и даже болѣе оленей.

Таборъ богатаго самоѣда тянется иногда на нѣсколько верстъ. Щутъ обыкновенно цѣлый день, съ утра до вечера, и лишь вечеромъ останавливаются на ночь. Олени въ среднемъ могутъ пробѣгать въ день до 150 вер., но чрезъ каждые 10—15 верстъ имъ необходимо давать немного отдохнуть; схватить олень сиѣгу, переведеть духъ — и снова продолжаетъ путь. Иногда среди оленей попадаются настоящіе рысаки, которые бѣгутъ съ такой быстротой, что ихъ нельзя нагнать ни на какой лошади. Этихъ оленей употребляютъ преимущественно для охоты за дикими звѣрями.

Для определенія пути, по которому нужно Ѵхать, самоѣды руководствуются то направлениемъ вѣтра, то расположениемъ сиѣжихъ струй, то расположениемъ звѣздъ и т. п., причемъ выказываютъ изумительную сообразительность. Иногда самоѣды Ѵдуть по следу, оставленному раныше прокочевавшимъ таборомъ; если этотъ следъ занесенъ сиѣгомъ, то, чтобы узнать, куда таборъ направился, они стараются найти мѣсто, где онъ останавливался. Отыскавши это мѣсто, самоѣды уже легко, по расположению табора, опредѣляютъ, въ какую сторону послѣдний отправился. Для того, чтобы узнать, давно ли таборъ снялся съ данного мѣста, самоѣды ножомъ разрѣзываютъ сиѣгу до земли, затѣмъ по напластованію его и оставшимся следамъ предѣловъ оленей опредѣлять довольно вѣрно это время. Когда самоѣды вслѣдствіе бурана или ночной темноты не можетъ попасть въ чумъ, онъ объѣзжаетъ большими кругомъ мѣсто, въ которомъ онъ долженъ находиться, пока не попадетъ на вѣтеръ. Олени, почуявъ дымъ, голимый изъ чума вѣтромъ, поворачиваютъ въ ту сторону голову; самоѣды Ѵдеть по этому направленію и попадаютъ въ чумъ.

Кромѣ оленеводства, одно изъ самыхъ главныхъ занятій самоѣдовъ составляетъ звѣроводство. Они охотятся на лисицъ, волковъ, песцовъ, бѣлокъ, медвѣдей, дикихъ оленей и другихъ звѣрей, водящихся въ лѣсахъ и тундрѣ, причемъ употребляютъ: винтовку, калканы, лукъ, самострѣль, шесть съ желѣзными наконечникомъ и арканъ.

Наиболѣе цѣнною охотничьей добычей считается черная и чернобурая лисица. Но добить ихъ нѣкотору лалеко пелеко: иногда самоѣду приходится втечениіи нѣ-

сколькихъ недѣль выстѣнить лисицу, пока наконецъ ему удастся получить ея шкурку. Напавши на сѣть драгоценнаго звѣря, охотникъ не сразу ставить на него ловушку или самострѣль, — онъ прежде прикармливаетъ звѣря рыбой или мясомъ къ данному мѣсту.

Черный медвѣдь служить у самоѣдовъ предметомъ религіознаго обожанія. Они увѣрены, что этотъ звѣрь одаренъ высшей силою и мудростью, а потому упоминаютъ о немъ всегда съ благоговѣніемъ, называя его не иначе, какъ „прекраснымъ животнымъ“, „мохнатымъ старикомъ“ и т. д., что однако не мѣшаетъ имъ угостить его при случаѣ доброй пулѣ. Шкуру чернаго медвѣдя самоѣды не продаютъ, а обыкновенно употребляютъ на упряжь. Шкура бѣлыхъ медвѣдей, живущихъ на берегахъ и лѣдинахъ Сѣвернаго Ледовитаго океана, не имѣеть въ глазахъ самоѣдовъ религіознаго значенія, а потому нерѣдко поступаетъ въ продажу русскимъ купцамъ. Охота за этими медвѣдями хотя и очень прибыльна, однако требуетъ отъ охотниковъ крайней ловкости, смѣлости и силы, а потому неудивительно, что самоѣдъ, которому удалось убить медвѣдя, съ особенной радостью разсказываетъ о своей удали и даже навеселѣ воспѣваетъ ее.

На дикихъ оленей самоѣды охотятся или съ ружьемъ, или съ арканомъ, или же съ помощью домашнихъ оленей. Съ этою цѣлью на рога домашнаго оленя надѣваютъ петли ипускаютъ его на дикаго оленя, который, завидѣвши资料 of his rучного собрата, бросается на него и начинаетъ драться. Во время драки петли зацепляются за рога животнаго, такъ что послѣднее не можетъ освободиться. Тогда приближается самоѣдъ и ударомъ топора убиваетъ свою добычу.

Кромѣ охоты за дикими звѣрями, самоѣдами практикуется и выкормка ихъ: нашедши нору лисицы или другого звѣря охотникъ вынимаетъ изъ нея ѿткормленной и выкармливаетъ ихъ, а затѣмъ осенью или въ началѣ зимы убиваетъ, мясо употребляетъ въ пищу, а шкуру продасть русскимъ торговцамъ. Шкуры эти известны въ продажѣ подъ именемъ „кормушекъ“; шерсть на нихъ короче и менѣе пушиста, чѣмъ у звѣрей, выросшихъ на свободѣ.

Кромѣ оленеводства и звѣроловства, самоѣды занимаются также рыболовствомъ. Рѣка Обь со всѣми своими притоками и губой, а равно и другія рѣки, протекающія по тундрѣ, изобилуютъ рыбой. Весною массы послѣдней плывутъ отъ береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана вверхъ по рѣкамъ, а осенью возвращаются къ устью рѣкъ. Въ это время и производится наибольшій уловъ рыбы, для которого примѣняются различные способы. Весною самоѣды чаще всего запираютъ рыбу извѣтвимъ плетнемъ въ заливахъ, где она скапливается во время хода къ верховьямъ; осенью же при движениѣ рыбы изъ верховья въ устье, рыбаки перегораживаютъ рѣку поперекъ и, такимъ образомъ задержавши дальнѣйшее движение рыбы, вылавливаютъ ее. Производится также и ловля неводами, для чего самыми удобными мѣстами служатъ такъ наз. „салмы“. Это — глубокія ямы на меляхъ Обской губы; въ эти ямы наносятся теченiemъ воды различныя питательныя вещества; сюда же заходитъ и рыба и остается по нѣсколько дней. Отыскавши весломъ среди мели салму, самоѣды забрасываютъ въ нее неводъ и нерѣдко за одинъ разъ налавливаютъ полную лодку рыбы.

Занимаясь рыболовствомъ, самоѣды пріучаются отлично управлять лодкой. Ждетъ самоѣдъ въ своей лодкѣ (каюкѣ), гребеть длинными веслами и съ удивительными

искусствомъ пробирается среди бушующихъ волнъ большой рѣки. Если ему случится вывернуться въ лодкѣ, то онъ все-таки не утонетъ: на помощь является его изумительное умѣнье плавать; самоѣдъ плыветь и при этомъ еще тянетъ за собой лодку.

Для сбыта произведеній своего промысла (шкуръ оленей и дикихъ звѣрей, рыбы) самоѣды зимой пріѣзжаютъ въ Обдорскъ или Березовъ и ведутъ тутъ торговлю со сѣѧвшимися русскими и зырянскими купцами. Торговля чаще всего ведется при посредствѣ такъ называемыхъ „дружковъ“. Каждый самоѣдъ имѣеть въ городѣ знакомаго русскаго торговца, у котораго останавливается и которому обыкновенно продается привезенный товаръ. Этотъ торговецъ даетъ у себя помѣщеніе прі-

ѣхавшему и даже угощаетъ его, разсчитывая за это получить съ наивнаго дикаря вдвое. Вотъ такие-то пріятели и носятъ название „дружковъ“; обыкновенно они знаютъ самоѣдскій языкъ, а потому служатъ часто переводчиками для самоѣдовъ.

Въ послѣднее время самоѣды сделались болѣе осторожными въ торговлѣ; подъѣхавши, напр., къ городу съ товаромъ на нѣсколькихъ партахъ, самоѣдъ вѣзжаетъ въ городъ только на одной партѣ, дабы значительнымъ привозомъ товара не сбить съ него цѣны; затѣмъ, продавши товаръ въ одной партѣ, онъ отправляется за другой партой и т. д.

Кромъ продажи въ городѣ, самоѣды большую часть своего товара сбываютъ русскимъ или зырянскимъ торговцамъ, разѣзывающимъ съ запасомъ табаку, хлѣба, вина, по тундрѣ, отъ чума къ чуму, и вымѣнивающимъ у самоѣдовъ оленье мясо, мѣхѣ и рыбу. При продажѣ дорогой пушинны, напр., черной лисицы, самоѣды иногда нѣсколько дней торгуется съ покупателемъ и всякий разъ пьетъ у него водку, которая наконецъ и доводить его до продажи. Если онъ находитъ, что выгодно продать лисицу, особенно если онъ много разъ пилъ у покупателя водку, онъ о своей ловкой продажѣ охотно разсказываетъ роднымъ и знакомымъ и даже поетъ обѣ этомъ пѣсни, говоря въ ней, что онъ обманулъ лисицу тѣмъ, что убилъ ее, а покупателя тѣмъ, что выпилъ у него много вина, хотя на самомъ дѣлѣ самъ былъ обманутъ ловкимъ торговцемъ: лисица, можетъ быть, стоила рублей 30, а онъ получилъ за нее печенаго хлѣба, табаку и вина рублей на 5.

Торговые счеты самоѣды обозначаютъ на палкѣ нарѣзами, принимая каждый нарѣзъ за единицу цѣнности, которою служить у нихъ шкурка песца. Палку съ нарѣзами раскалываютъ пополамъ: одну половину отдаютъ кредитору, а другую держать у себя. При уплатѣ долга соединяютъ обѣ половины расколотой на-двоемъ палки, и если нарѣзы на обѣихъ половинахъ совпадаютъ, то производится расплата.

Въ свободное отъ занятій время самоѣды сидать, ничего не дѣля, въ своемъ дымномъ чумѣ, да глядѣть на огонь и поплевывать. Женщины въ это время сидѣть поодаль и сучать изъ оленевыхъ жилья нитки или починяютъ малицы и другую одежду мужчинъ. Особенно любить самоѣды, если въ это время въ его чумѣ завернетъ гость. Нужно замѣтить, что самоѣды вообще очень гостепріимны. Если у нихъ случится гость, они не преминуть раздѣлить съ нимъ самый лакомый кусокъ. Если гостю придется заночевать въ чумѣ, хозяева окажутъ ему такой же приемъ, какий они оказали бы своему близкому родственнику: ему постелютъ чистую новую оленью кожу, дадутъ надѣть на ноги новые шпмы; мало того, — если онъ уснетъ, хозяева прикроютъ его своей одеждой, чтобы ему было теплѣе спать.

Въ досужее время самоѣды нерѣдко забавляются игрою въ карты. ИграТЬ въ карты научили ихъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, русские торговцы, которые и привозятъ имъ карты. Случается, что самоѣды играютъ на рыбу или другие предметы своего хозяйства.

Иногда можно услышать у самоѣдовъ бренчаніе на трехструнной балалайкѣ. Если попотчивать самоѣдовъ виномъ да заиграть на балалайкѣ, то можно быть увѣренными, что они пойдутъ плясать. Пляска ихъ состоить въ выбрасываніи рукъ и ногъ и кривлянья. Пляшутъ все порознь, каждый пляшетъ безъ всякаго отношенія къ пляскѣ другихъ. Нерѣдко при пляскѣ не обращаютъ никакого вниманія и на тактъ, отбиваемый балалайкой.

Пищѣй самоѣдовъ служить, главнымъ образомъ, оленье мясо. Убивши оленя и снявши съ него шкуру, сейчасъ же отрѣзываютъ по куску мяса и ёдятъ его, обмакивая въ теплую кровь. Самымъ лакомымъ кускомъ считается сердце: его береть себѣ хозяинъ чума. При ёдѣ сырого мяса самоѣды съ удивительнымъ искусствомъ отрѣзываютъ его у самыхъ губъ. Кромѣ сырого мяса, они ёдятъ также вареное и копченое мясо. Второе място въ пищѣ ихъ занимаетъ рыба, которую они рѣдко варятъ, а большую частью ёдятъ сырою или же вяленою. Любить они также мерзлую рыбу: настрогаютъ ее, посолятъ и лакомятся. Не брезгаютъ они и мясомъ дикихъ

звѣрей. На хлѣбъ самоѣды смотрятъ, какъ на лакомство, которое достается высокой цѣнной, а потому питаться имъ могутъ лишь болѣе зажиточные. Хлѣбъ, преимущественно печенный, они вымѣниваютъ у русскихъ. Иногда они получаютъ отъ послѣднихъ муку и въ такомъ случаѣ сами пекутъ себѣ хлѣбъ: замѣсять изъ муки тѣсто, налѣпить его на дощечку или палочку и такимъ образомъ держать надъ пламенемъ очага до тѣхъ порь, пока не спечется.

Вино самоѣды любятъ до страсти: за бутылку вина они готовы отдать лучшаго оленя, самую дорогую шкурку лисицы. Этимъ пользуются торговцы, которые, перезжая изъ чума въ чумъ, возять съ собою запасъ вина, на которое, какъ сказано, и вымѣниваютъ у самоѣдовъ мѣхѣ, рыбу и оленей.

Въ заключеніе нужно прибавить, что самоѣды очень любятъ курить табакъ. Курятъ какъ мужчины, такъ и женщины. Они курятъ изъ костяныхъ трубочекъ, имѣющихъ видъ ложки. Набравши въ ротъ дыму столько, сколько возможно, самоѣдъ передаетъ трубку другому, а самъ старается возможно долго удержать дымъ во рту и груди и возможно тихо выпускаетъ его чрезъ носъ. При такомъ способѣ куренія одной трубки достаточно, чтобы всѣ члены семьи накурились досыта. Для экономии самоѣды прибавляютъ въ табакъ немного тальничной коры или мху.

Кромѣ куренія, самоѣды такженюхаютъ табакъ и жуютъ его. Случается, что набивши носъ табакомъ, самоѣдъ затыкаетъ носовыя отверстія „вотлеломъ“, чтобы, удержать въ носу табакъ. „Вотлекъ“ приготавливается изъ березового или тальникового сырого дерева: по снятіи съ него коры его строгаютъ и стружки сушатъ и прятуть въ запасъ.

ОСТЯКИ.

Остяки, въ числѣ около 24 тысячъ лушъ, живутъ разбросанно въ Тобольской, Томской и Енисейской губерніяхъ, преимущественно по берегамъ рѣкъ Оби, Таза и Енисея и притокамъ ихъ. Ближайшіе сосѣди ихъ—русскіе, вогулы и самоѣды. Послѣдніе живутъ сѣвернѣе остяковъ, но зимой они перекочевываютъ въ мѣста, занятыя остяками, подобно тому, какъ и эти послѣдніе лѣтомъ перекочевываютъ на сѣверъ, въ мѣста, занятыя самоѣдами. Такимъ образомъ между остяками и самоѣдами проходитъ постоянное обсужденіе. Ктому же остяки, какъ сказано, долгое время господствовали надъ самоѣдами. Все это послужило причиной образованія многихъ одинаковыхъ чертъ быта и жизни у обоихъ этихъ народовъ. Чтобы не повторяться, мы не будемъ останавливаться на сходныхъ чертахъ и отмѣтимъ лишь тѣ особенности, которые исключительно присущи остяцкому племени.

Остяки въ древности назывались „арьяхи“ (многолюдье: *аръ*—много и *хо*—человѣкъ); впослѣдствіи, поддавши подъ власть татаръ, они стали называть себя „хондихо“—ханскими людьми, ханскими подданными (*хонъ*—ханъ, царь, *хо*—человѣкъ). Татары назвали ихъ „уштиками“, что означаетъ людей грубыхъ, невѣжественныхъ, варваровъ. Съ этимъ названіемъ, измѣненнымъ русскими въ „остяки“, они и вошли въ составъ Русского государства при покореніи Сибири.

Продолжительное господство татаръ замѣтно отразилось на бытѣ и образѣ жизни остяковъ. Послѣдніе переняли отъ своихъ прежнихъ властителей устройство жилища, некоторые особенности костюма, преимущественно женскаго, и т. п. Что касается влиянія русскихъ, то оно отразилось главнымъ образомъ на тѣхъ остякахъ, которые живутъ по большинству судоходнымъ рѣкамъ, по сосѣдству съ русскими поселеніями: отъ русскихъ они приняли христіанскую вѣру, отъ нихъ же они переняли свое лѣтнее одѣяніе и заимствовались многими словами и понятіями.

По своему происхожденію остяки, какъ и самоѣды, относятся къ восточной вѣтви финской народной семьи, что замѣтно выражается и въ наружномъ ихъ видѣ: лицо остяка гравно-серебряного цвѣта, скучастое, съ широкимъ ртомъ, тонкими, блѣдными губами; темные мертвенно-тусклые и вѣчно-гноящіеся глаза его прорѣзаны довольно косо; носъ широкий, приплюснутый; жесткіе, черные волосы густыми нечесанными космами спадаютъ на лицо и плечи; бороды у остяка не бываетъ, а если и вырастаютъ волосы, остякъ ихъ тщательно выщипываетъ. Общее выраженіе остяка—большую частью пасмурное, боязливое. Роста онъ невысокаго; довольно широкое сутуловатое туловище его держится на тонкихъ слабыхъ ногахъ.

Одежда остяковъ похожа на одежду самоѣдовъ. Только осѣдлые остяки, какъ сказано, переняли отъ русскихъ лѣтнюю одежду, т. е. носятъ русскія рубахи, шаровары и зипунъ; зимою же они носятъ самоѣдскій костюмъ, который очень удобенъ

Остякъ.

Тунгусъ.

Бурятъ.

Якутъ.

Чукча.

Гилакъ.

при сильныхъ сѣверныхъ морозахъ. Остячки лѣтомъ носятъ крапивнаго холста рубахи, вышитыя на груди и по подолу разноцвѣтными шерстями, и холщевые или ситцевые однорядки; зимою же онѣ носятъ оленью шубу, шерстью внутрь, съ частыми завязками и кисточками спереди. Голову онѣ покрываютъ, подобно татаркамъ, длиннымъ и широкимъ цвѣтнымъ платкомъ съ бахромою, называемымъ „вокнимъ“. Имъ окутываютъ и лицо.

Нужно замѣтить, что остячки, какъ и самоѣдки, не чужды стремленія къ нарядамъ. Нерѣдко можно встрѣтить остячекъ съ выпущенными сзади косами, къ концамъ которыхъ прицѣплены монеты, бляхи, побрякушки; на рукахъ иной щеголихъ можно видѣть татуированное изображеніе птицы, дерева или какого-нибудь узора.

По своему характеру остяки миролюбивы, кротки, малоподвижны и молчаливы; они способны къ упорному труду, если къ тому побуждаетъ ихъ голодъ, въ противномъ же случаѣ они предпочитаютъ сидѣть у огня, ничего не дѣлая. Выносливость

остяка просто удивительна: ему нишемъ и стужа, и зной, и даже голодъ. Осенью, напр., когда морозъ уже сковываетъ рѣки, остыки, засмотрѣвшись на что-нибудь, по долгому стоять босые на берегу рѣки и только по временамъ приподнимаютъ то ту, то другую ногу. Пробить сутокъ двое безъ пищи для остыка не въ диковину; зато, если онъ добудетъ много пищи, онъ сѣбѣ за троихъ. Къ привлекательнымъ чертамъ остыкаго характера относится честность: рѣдкій остыкъ позволить себѣ уворовать или обмануть; долги своимъ заимодавцамъ они платятъ крайне аккуратно,— остыкъ скорѣе согласится поступить въ работники къ заимодавцу, чѣмъ не заплатить ему долга. Кроме того, подобно всѣмъ другимъ инородцамъ, остыки отличаются гостепріимствомъ. Зашедшій гость, кто бы онъ ни былъ, всегда найдетъ въ юртѣ остыка пріютъ и пищу. Принять отъ путника плату за пріютъ остыки считаютъ непозволительнымъ; другое дѣло— получить отъ него подарокъ. Нужно замѣтить, что остыки вообще любятъ получать подарки. Получивъ отъ путешественника подарокъ, остыкъ готовъ сдѣлать для него все, что только понадобится; мало того, онъ нерѣдко считаетъ своимъ долгомъ отдать подарившаго. Къ вепривлекательнымъ чертамъ остыка, какъ и самоѣда, относится его крайняя почистоплотность, вслѣдствіе которой тѣло его нерѣдко бываетъ почти сплошь покрыто язвами.

Живутъ остыки небольшими селеніями, хижинъ въ 10—12. Селенія ихъ отстоятъ одно отъ другого на нѣсколько десятковъ верстъ. Хижины строятся изъ дерева и покрываются берестой, засыпанной землею. Въ углу хижины, близъ дверей, всегда находится глиняный чуваль, надъ которымъ въ потолкѣ оставляется отверстіе для выхода дыма. На чуваль почти весь день горятъ дрова. Возлѣ стѣнъ идутъ нары съ разостланными на нихъ, сплетенными изъ травы или камыша, рогожами. Свѣтъ въ хижину проникаетъ чрезъ единственное оконце,— у богатыхъ со стекломъ, а у бѣдныхъ пузырчатое или со вставленной въ него льдиной. Въ одной хижинѣ живеть иногда семейство по пяти, и для каждого изъ нихъ на нарахъ отгораживается досками особое мѣсто для спанья. Возлѣ хижинъ стоять на высокихъ стойкахъ амбарчики для склада рыбы и другихъ сѣбѣственныхъ припасовъ.

Въ хижинахъ, впрочемъ, остыки живутъ только зимою; съ началомъ же весны они складываютъ все свое имущество на лодки или нарты и отправляются на всю весну и лѣто на рыболовный мѣста, гдѣ и устраиваютъ себѣ чумы или шалаши. Стѣны шалаша они выводятъ низенькія, крышу же, изъ ивовыхъ стволовъ, дѣлаютъ высокую и обкладываютъ ее древесной корой. Наверху крыши оставляется отверстіе, въ которое выходитъ дымъ изъ очага, сложеннаго изъ камней. Возлѣ чума или шалаша ставится колъ съ поперечными перекладинами для сушки рыбы и тутъ же устраивается на высокихъ столбахъ помѣщеніе для склада добычи.

Все, сказанное сейчасъ, относится, однако, лишь къ тѣмъ остыкамъ, которые, подъ вліяніемъ русскихъ, перешли къ осѣдлому образу жизни. Тѣ же остыки, которыхъ еще не коснулось вліяніе русскихъ, до сихъ поръ ведутъ кочевой образъ жизни, перекочевывая со своими оленями съ одного мѣста тундры на другое. Жилищами ихъ служать чумы.

Вообще образъ жизни остыка всецѣло зависитъ отъ его занятій. Въ этомъ отношеніи всѣхъ остыковъ можно раздѣлить на оленеводовъ, рыболововъ и звѣролововъ.

Образъ жизни первыхъ, какъ и самоѣдовъ, всецѣло зависитъ отъ оленей.

Остякъ-оленеводъ не можетъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ, но принужденъ перекочевывать туда, куда идуть олени, т. е. лѣтомъ — на сѣверъ, а зимой — въ тайгу. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что нѣкоторые остяки, имѣя небольшія стада оленей, даже и на лѣто оставляютъ ихъ въ лѣсахъ, а не перекочевываютъ къ берегамъ Сѣвернаго Ледовитаго океана. Для защиты же оленей отъ насѣкомыхъ они строятъ большия шалаші, въ которыхъ разводятъ постоянное курево; въ этихъ убѣжищахъ и спасаются олени отъ своихъ мелкихъ, но докучливыхъ враговъ, выходя отсюда для корма во время утренниковъ или сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ.

Остяки второй категоріи, т. е. рыболовы, съ ранней весны и до поздней осениѣзжатъ по рекамъ и ловятъ рыбу. Наибольшій уловъ производится ими на рекѣ Оби, а потому они боготворятъ эту реку, называя ее не иначе, какъ своимъ богомъ, своей кормилицей. Для разѣздовъ по обширнымъ водамъ Оби они обыкновенно употребляютъ длинныя и глубокія лодки. Нерѣдко двѣ такія лодки сплачиваются между собою, и поверхъ ихъ настилается дощатый помостъ, служащий для склада плавленной рыбы и рыболовныхъ снастей. Для болѣе же скорыхъ разѣздовъ остяки употребляютъ маленькия лодки-душегубки, которыми управляютъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Будь какая угодно бурия, заставляющая даже пароходъ становиться на якорь, но если по близости стоянки находятся остяцкія селенія, — къ остановившемуся судну сейчасъ же, несмотря на бушующія волны, подѣѣжаютъ въ своихъ душегубкахъ остяки. Подѣѣхавши къ пароходу, они взираются по веревочной лѣстнице на палубу, продаютъ привезенную рыбу, и затѣмъ отправляются въ обратный путь.

Остяковъ, занимающихся исключительно звѣроловствомъ, сравнительно немного. Промыселъ этотъ служитъ обыкновенно лишь добавочнымъ занятіемъ къ рыболовству или оленеводству. Охотятся остяки на тѣхъ же звѣрей, на которыхъ охотятся и самоѣды, да и охотничіи орудія у тѣхъ и другихъ одинаковыя: лукъ, стрѣлы, капканъ съ лукомъ, забойникъ, рогатина и ружье.

Всѣ домашнія работы у остяковъ исполняютъ женщины. Возвратится остякъ съ рыбной ловли или охоты, сядетъ или лжется у огня и курить себѣ трубку, а жена въ это время дѣласть для него все: и пищу приготовить, и одежду или рыболовную снасть починить, и дровъ для очага наколеть. Вообще съ женщинами остякъ обращается весьма грубо: мало того, что принуждается ею къ чрезмѣрному труду, но и бываетъ ее за малѣйшую неисправность по хозяйству.

Въ обыденной жизни остяки пользуются своими особыми единицами времени и пространства. Такъ, длину они мѣряютъ на ручную сажень, называемую „шѣль-лаль“; пространство они опредѣляютъ по оленему бѣгу, называя словомъ „выли-востане“ такое разстояніе, которое олени пробѣгаютъ безъ отдыха, т. е. около 15 верстъ; время же остяки опредѣляютъ по варкѣ пищи въ котлѣ: ихъ слово „пудль-ссы“ буквально значитъ — котелъ времени, т. е. такой промежутокъ времени, въ который пища можетъ свариться въ котлѣ. Остальная затѣмъ мѣры объема, вѣса, дѣны — у нихъ такія же, какъ и у русскихъ.

Значительная часть остяковъ крещена русскими священниками. Но вслѣдствіе разбросанности остяцкихъ селеній, а также вслѣдствіе полукучевого образа жизни остяковъ, духовенство не имѣть возможности надлежащимъ образомъ наставлять ихъ въ правилахъ христіанской вѣры; оно не имѣть даже возможности совершать свое-

времени церковных требы: случается, что дети осяковъ-христіанъ до трехъ—четырехъ лѣтъ остаются некрещеными, а покойники ихъ погребаются безъ отпѣванія. Немудрено, что осякъ, хотя и носить на груди крестъ, однако придерживается и многихъ языческихъ обычаяевъ. Очень многіе осяки имѣютъ, напр., по два имени: одно осяцкое, выражющее что-либо, замѣченное отцомъ при рожденіи ребенка, а другое—русское.

Осяки-язычники имѣютъ нѣкоторое понятіе о верховномъ божествѣ, живущемъ на небѣ. Божество это они называютъ „Торымъ“ (добрый богъ, властитель вселенной) и думаютъ, что никто изъ людей не имѣть права утруждать его просьбами. Кромѣ „Торима“, осяки вѣрюють въ низшихъ божества, которые имѣютъ власть дѣлать людямъ или добро, или зло, а потому и раздѣляются на добрыхъ и злыхъ. Осяки почитаютъ также идоловъ, которымъ приносятъ жертвы. Кромѣ идоловъ, чтимыхъ цѣлымъ родомъ, каждая семья имѣеть своего идола, къ которому осякъ обращается съ просьбой о помощи, когда собирается на рыбный или звѣринный промыселъ. Возвратившись съ удачного промысла, онъ благодарить своего идола за оказанную ему помощь и приносить ему въ жертву кусокъ мяса; если уловъ былъ не вполнѣ удаченъ, ограничивается лишь темъ, что мажетъ саломъ или кровью его губы; когда, наконецъ, уловъ былъ плохой, онъ сѣть своего идола.

При бѣдствіи, постигшемъ цѣлый родъ, напр., при повальной болѣзни, при неуловѣ звѣрей или рыбы, совершаются общее жертвоприношеніе. Шаманъ отправляется къ идолу и спрашиваетъ его о жертвахъ. Возвратившись, онъ объявляетъ народу волю божества. Осяки сходятся къ идолу и пригоняютъ оленей. Шаманъ, облекшись въ свой костюмъ, выкрикиваетъ передъ идоломъ просьбу собравшагося народа, потомъ начинаетъ бить въ бубенъ, кружиться, въ изступленіи кричать и кататься по землѣ. Затѣмъ онъ встаетъ и ударяетъ обреченаго въ жертву оленя по головѣ. Одновременно съ этимъ остальные осяки пускаются въ того же оленя стрѣлы и добиваются его кольями, стараясь сразу уложить животное, такъ какъ скорая смерть жертвы, по ихъ мнѣнію, угодна идолу. Изъ убитаго оленя вынимаютъ сердце, выпускаютъ изъ него кровь и мажутъ ею губы идола. Затѣмъ все присутствующіе пьютъ кровь жертвы и щѣять ся сырое мясо. Кожу вмѣстѣ съ головой и ногами вѣшаютъ на дерево, стоящее на мѣстѣ жертвоприношенія.

Иногда осяки-язычники совершаютъ и празднества въ честь того или другого изъ своихъ идоловъ. Въ прежнее время такія празднества происходили у нихъ гораздо чаще, и вотъ какъ совершалось, напр., въ прежніе годы празднество въ честь осяцкаго идола Елены.

Въ хижину, гдѣ помѣщался идолъ, собирались мужчины и женщины; какъ тѣ, такъ и другія, вошедши сюда, перевертывались по три раза передъ идоломъ. Затѣмъ мужчины садились на нарахъ по правую сторону, а женщины — по лѣвую. Когда все были въ сборѣ, шаманъ начиналъ гремѣть желѣзными саблями и копьями, заранѣе приготовленными и лежавшими на шестахъ передъ кумиромъ; потомъ онъ раздавалъ ставшимъ въ рядъ мужчинамъ по сабль и копью, а самъ, взявъ въ обѣ руки по саблю и оборотившись къ идолу спиною, начиналъ ударять ими одна о другую. По этому сигналу осяки принимались качаться изъ стороны въ сторону, то поднимая оружіе, то опуская его, и сопровождая каждое тѣлодвиженіе дикими криками „гай-гай!“ Чѣмъ больше осяки ревѣли и качались такимъ образомъ, тѣмъ

болѣе они приходили въ изступленіе. Наконецъ, утомившись, они смолкали, отдавали оружіе шаману и садились на нары. Тогда открывалась занавѣска, скрывавшая женщинъ, и являлась новая сцена. Начинала гудѣть домбра, — струнный инструментъ, имѣющій видъ лодки, — и подъ ся музыку остыки и остычки пускались въ плясъ. Послѣ пляски шаманъ снова раздавалъ мужчинамъ оружіе и повторялся предшествовавшій обрядъ. Такое празднество продолжалось иногда нѣсколько часовъ, съ вечера до полуночи.

Не ограничивалась почитаніемъ идоловъ, остыки богочтить также нѣкоторыя горы, камни, деревья и другіе предметы, произведшіе на нихъ особенно сильное впечатлѣніе. Мѣста возлѣ этихъ предметовъ священны: на нихъ остыкъ не осмѣлитсѧ ни напиться воды, ни срубить вѣтку, ни нарвать травы.

Клятвѣ остыки, какъ и самоѣды, придаютъ чрезвычайно большое значеніе: остыкъ никогда не осмѣлитсѧ прикрыть клятвой свое преступленіе или измѣнить тому, что подтвердилъ присягой. Остыки-язычники даютъ клятву обыкновенно въ одной изъ слѣдующихъ формъ: или обвиняемый беретъ раскаленный уголекъ и держитъ его нѣсколько секундъ въ зубахъ, затѣмъ, вынувъ его, произносить: „если я виноватъ и говорю неправду, то да сожжетъ меня огонь“; или онъ беретъ въ ротъ полный глотокъ воды, затѣмъ выплевываетъ ее и произносить: „если говорю неправду, то волны рѣки поглотятъ меня“; или, наконецъ, онъ цѣлуєтъ голову, лапу или зубъ медвѣдя и произносить: „если говорю неправду, то медвѣдь да растерзаетъ меня“. Эта послѣдняя форма клятвы считается самой страшной.

Что касается браковъ, то необходимо принадлежностью каждого брака у остыковъ, какъ и у самоѣдовъ, служить уплата за невѣсту калыма. Обыкновенно остыкъ, желающій женить своего сына, первымъ дѣломъ посыпаетъ къ родителямъ невѣсты свата, который ведеть переговоры относительно количества калыма. Иногда свать нѣсколько разъ побывасть то у родителей невѣсты, то у родителей жениха, прежде чѣмъ между ними состоится соглашеніе. Родители невѣсты обыкновенно запрашиваютъ какъ можно большие калыма, такъ какъ величиной послѣдняго опредѣляется достоинство невѣсты; а родители жениха, напротивъ, упрашиваютъ уменьшить калымъ. Уплачивается послѣдній оленями, деньгами, мѣхами и одеждой. Если женихъ не въ состояніи сразу уплатить весь калымъ, ему даютъ отсрочку. Въ свой чередъ родители невѣсты даютъ за дочерью приданое, состоящее обыкновенно изъ одежды, юрты, домашней утвари, оленей и т. п.; иногда въ приданое идетъ и часть калыма, полученнаго отъ жениха. Кромѣ уплаты калыма, у нѣкоторыхъ остыковъ существуетъ довольно оригинальный обычай принесенія свадебныхъ подарковъ. Женихъ беретъ котель или туязокъ съ подарками, идетъ къ невѣстѣ, которая ждетъ его, закрытая покрываломъ, кладетъ передъ нею подарки и уходитъ. Невѣста, откинувъ покрывало, пересматриваетъ подарки и, если находить, что ихъ недостаточно, выбрасываетъ все изъ котла или туязка, а сама садится попрежнему подъ покрывало, поддерживаемое съ боковъ двумя остычками—свахами. Черезъ нѣсколько времени женихъ снова входитъ и, видя, что его подарки разбросаны, собираетъ и уносить ихъ въ свою хижину, гдѣ перемѣняетъ подарки или добавляетъ новыми и снова приходитъ. Такимъ образомъ невѣста можетъ браковать подарки нѣсколько разъ, причемъ женихъ всякий разъ пополняетъ или замѣняетъ ихъ новыми. Наконецъ, когда подарки понравятся невѣстѣ, она укладываетъ ихъ въ порядокъ въ котель, и это

служить знакомъ для жениха, что она согласна выйти за него замужъ. Тотчасъ же въ хижину родителей невѣсты собираются родные и знакомые молодыхъ; начинается угощеніе ихъ рыбой, олениной, мясомъ дикихъ звѣрей и нерѣдко водкой; иногда подъ звуки „ломбры“ или „лебеди“ устраивается пляска.

У крещеныхъ осятковъ бракосочетаніе совершаются священникомъ; родство и свойство считается у нихъ, согласно правиламъ церкви, препятствиемъ къ заключенію брака. У некрещеныхъ же осятковъ браки не допускаются только въ самомъ близкому родствѣ. Такъ, родные братя и сестры не могутъ вступить между собою въ бракъ, двоюродные же — могутъ; два осятика могутъ для женитбы меняться родными сестрами и т. п. Вдова умершаго осятка-язычника принадлежитъ, какъ наследственная собственность, ближайшему родственнику покойнаго, родному или двоюродному брату или племяннику; если же онъ откажется отъ нея, то вдова можетъ выйти замужъ по своему желанію,—не ранѣе, впрочемъ, какъ по истеченіи четырехъ мѣсяцей и десяти дней со дня смерти мужа.

Съ приближеніемъ времени родовъ, осятка переселяется изъ общей въ особую хижину, гдѣ и живеть около четырехъ недѣль послѣ рожденія у нея младенца. Туда ей приносятъ пищу и все нужное. По истеченіи означенаго времени родильница окуливается и возвращается къ мужу, въ общую хижину.

Къ своимъ больнымъ осятики относятся съ болѣшимъ участіемъ. Если въ хижинѣ лежить больнымъ кто-нибудь изъ членовъ семьи, осятка считаетъ своею обязанностью оставаться при немъ, хотя бы самая настоятельная надобность требовала его отлучки изъ деревни. Для излеченія больного осятки нерѣдко прибегаютъ къ помоши шамаловъ. Лучшимъ лѣкарствомъ отъ всякой болѣзни они считаютъ медвѣжью желчь, разбавленную водою, а также порошокъ изъ медвѣжья зуба.

Покойника осятики погребаютъ въ томъ же платьѣ, въ которомъ онъ умеръ. Передъ погребеніемъ они обвертываютъ его въ бресту, а въ могилу его кладутъ тѣ вещи, которыя ему необходимы были при жизни: лукъ, стрѣлы, сѣстно, трубку, табакъ и т. п. На могилѣ нерѣдко убиваютъ его любимыхъ оленя и собаку. Жена и дочери покойника, въ знакъ сожалѣнія и скорби, царапаютъ себѣ до крови лицо, вырываютъ волосы и бросаютъ ихъ на трупъ, вѣря, что душа его черезъ шесть недѣль придетъ узнать, насколько о немъ сожалѣли оставшиеся въ живыхъ, и будетъ радоваться, если увидитъ, что о немъ сильно сожалѣли. Послѣ погребенія осятика, жена и дѣти его дѣлаютъ, подобно самоѣдамъ, чурбанъ, одѣваютъ его въ платье покойного и кладутъ на томъ мѣстѣ, гдѣ покойный любилъ лежать. Съ этимъ чурбаномъ обходятся такъ же, какъ, бывало, обходились съ умершимъ, а по истеченіи года съ плачомъ зарываютъ его въ землю.

Главной пищей осятковъ служить рыба, которую они ёдятъ въ самыхъ различныхъ видахъ: и сырую, и вареную, и вяленую; второе мѣсто въ столѣ ихъ занимаѣтъ оленье мясо; не брезгаютъ впрочемъ осятка и мясомъ дикихъ звѣрей: пescцовъ, лисицъ, волковъ и др. Хлѣба осятки ёдятъ мало; но изъ ржаной муки пекутъ въ золѣ прѣсныя лепешки или варятъ „салыкъ“ — похлебку, заправленную рыбьимъ жиромъ. Лакомствомъ для нихъ служить „варка“ — рыбьи брюшки и кишкы, уваренные до-густа въ рыбьемъ жирѣ, и „поземы“, т. е. хребты моксуновъ (рыбы), провяленные лѣтомъ на солнцѣ. Лѣтомъ они лакомятся также дичью, которую ловятъ въ большомъ количествѣ, а зимою — „струганиной“: стругаютъ ножомъ мерзлую

рыбу и эти стружки ъдять съ солью или безъ нея. Во время же переѣзловъ съ одного мѣста на другое главною пищею остыка служить толченая въ порошокъ су-
хая рыба.

Водку, подобно самоѣдамъ, остыки любятъ до страсти. Напиться до пьяна для нихъ величайшее наслажденіе. Каждое сколько-нибудь радостное событие сопровож-
дается новальнымъ пьянствомъ, за которымъ, какъ водится, следуютъ ссоры и драки по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Получаютъ водку остыки большую частью отъ рус-
скихъ торговцевъ, въ обмѣнъ за рыбу, мякѣ и оленину, а также изъ буфетовъ пас-
сажирскихъ пароходовъ, плавающихъ по рекѣ Оби. Какъ только присталь къ бе-
регу пароходъ, сейчасъ къ нему подѣжжаютъ или подходятъ остыки съ рыбой и спрашиваютъ: „Кабакъ есть?“ т. е. есть ли буфетъ?... Если остыкъ видитъ, что у него недостаточно водки, онъ, для усиленія ея дѣйствія, кладетъ въ чашку нюха-
тельного табаку, наливаетъ водкой, размѣшиваетъ и эту смѣсь пьетъ.

Вообще табакъ остыки любятъ не менѣе водки и охотно курятъ, нюхаютъ, даже жуютъ его. Выкурить трубку табаку или сжевать щепотку его — составляетъ для каждого остыка большое удовольствіе.

III.

ВОГУЛЫ.

Сибирские vogулы разбросаны въ Тобольской губерніи, отъ Урала до рѣки Иртыша и Оби. Всѣхъ ихъ насчитывается въ настоящее время до четырехъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ одни ведутъ еще бродячій образъ жизни, другіе же перешли уже къ осѣдлости.

Этнографически vogулы принадлежать къ финскому племени, — слѣдовательно, родственны остыкамъ, самоѣдамъ и другимъ инородцамъ того же племени. Оттого и типъ ихъ представляеть значительное сходство съ типами этихъ инородцевъ: они среднаго роста, нѣсколько сутуловаты; лицо ихъ широкое, съ выдавшимися скулами, узкими, косо лежащими глазами и рѣдкой бородой; волосы на головѣ ихъ чернаго цвета, встречаются, впрочемъ, и рыжіе.

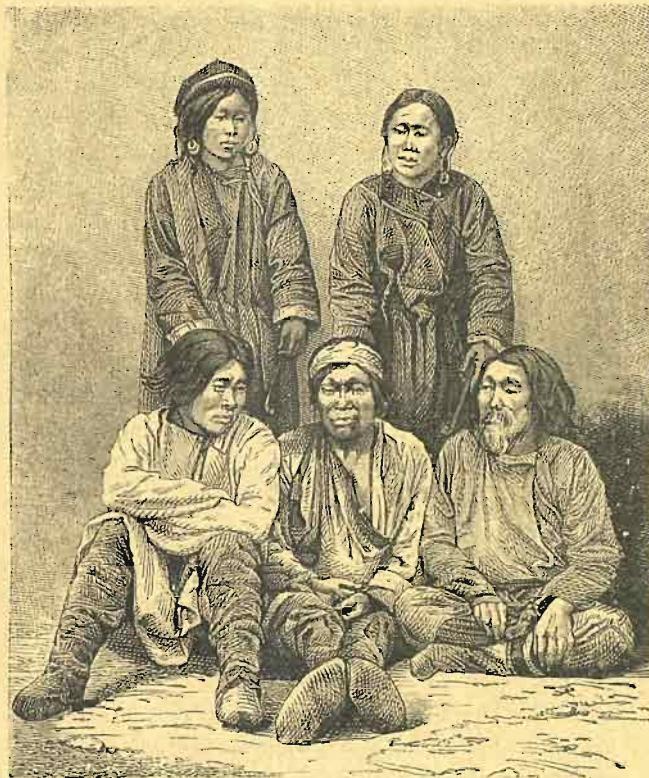
Одежда vogуловъ, ведущихъ бродячій образъ жизни, шьется изъ шкуръ оленей и дикихъ звѣрей и покроемъ своимъ похожа на одежду самоѣдовъ; осѣдлые же vogулы носятъ одежду, похожую на одежду русскихъ крестьянъ.

Жилищемъ для осѣдлыхъ vogуловъ служатъ избушки, а для бродячихъ — землянки и чумы, покрытые лѣтомъ берестой, а зимою шкурами звѣрей. Внутри избушки бываетъ большею частью грязно и дымно. Домашняя утварь состоить изъ котла, деревянныхъ мисокъ, берестяныхъ кузовковъ и мышковъ изъ оленьей шкуры. Почти передъ каждой избушкой можно видѣть вмазанный въ глиняную каменку котель, въ который бросаются кости животныхъ и рыбъ для варки ихъ собакамъ. Въ этомъ же котлѣ vogулка парить и грязное бѣлье.

По своему характеру vogулы отъ природы флегматичны, малоподвижны и молчаливы. На лицѣ ихъ рѣдко можно замѣтить выраженіе удовольствія. Даже будучи нѣянными, они сохраняютъ угрюмое выраженіе лица. Но при всемъ томъ они никогда не жалуются на свою жизнь. Сжатыя губы и глубокій, сумрачный взглядъ ихъ выражаютъ упорство и терпѣніе. Въ прежнее время vogулы были довольно воинственны; въ настоящее же время они отличаются мирнымъ и спокойнымъ характеромъ. Къ начальствующимъ лицамъ они относятся съ почтеніемъ и считаютъ даже невозможнымъ ослушаться приказанія кого-нибудь изъ властей. Ясакъ они вносятъ аккуратно и видимо гордятся этимъ. Сдавая чиновнику принесенный ясакъ, vogулъ не преминетъ заявить ему, что и въ будущее время онъ будетъ также аккуратенъ. Къ собственному положенію vogулы относятся довольно равнодушно; случается, что въ семье неѣтъ куска пищи, а vogулъ преепокойно курить свою трубку или играть въ карты. При продажѣ своего товара русскимъ купцамъ vogулы проявляютъ осторожность и даже хитрость; но если купецъ попотчуетъ водкой продавца-vogула, осторожность послѣд资料 исчезаетъ; онъ становится мягкимъ и говорчивымъ, выкладываетъ передъ покупателемъ все свое богатство и изъ-за лишняго штофа водки готовъ пролить за

безцѣнокъ свой лучшій пушной товаръ. Гостепріимствомъ вогулы отличаются подобно всѣмъ вообще инородцамъ. Вогуль охотно приметъ гостя въ своей избушкѣ и угостить его тѣмъ, что имѣеть. Несмотря на свою бѣдность, они никогда также не отказываются въ помощи другъ другу.

Въ первой половинѣ XVIII столѣтія значительная часть вогуловъ была крещена. Крещеные вогулы не прекословятъ требованиямъ священниковъ и исполняютъ наружные обряды христіанской церкви; но духомъ христіанского ученія они еще далеко не прониклись и къ христіанскимъ обрядамъ перѣдко присоединяютъ обряды своей прежней, языческой, религіи. Что касается некрещеныхъ вогуловъ, то они имѣютъ такія же религіозныя вѣрованія, какъ и остяки-язычники. Высшимъ божествомъ они, подобно остякамъ, считаютъ Торыма, жилищемъ котораго служитъ небо. Кромѣ главнаго бога, они признаютъ и второстепенныхъ боговъ. Поклоняются они

также идоламъ, которыхъ помѣщаютъ или въ избушкахъ, или въ рощахъ, на деревьяхъ. Наибольшимъ почетомъ пользуются у нихъ идолы: Ортикъ и Золотой идолъ. Святилище послѣдняго находилось (по свидѣтельству нѣкоторыхъ лицъ и теперь еще находится) въ одной возвышенной долинѣ Уральскихъ горъ, среди болотъ и дремучихъ лѣсовъ. Женщины, которымъ случалось проходить мимо этого священнаго мѣста, не имѣли права даже взглянуть на верхушки деревьевъ, подъ сѣнью которыхъ укрывалось божество. Въ честь Золотого идола вогулы перѣдко совершали празднества, на которыхъ въ жертву идолу приносилась лошадь, и присутствующіе

шили жертвенную кровь изъ священной чаши. Поклонение домашнимъ идоламъ совершается вогулами обыкновенно при пылающемъ очагѣ. Высшимъ выражениемъ религіознаго чувства служить у нихъ бичеваніе себя передъ идолами прутьями или сухими олеными кишками. Подобно тому, какъ у самбовъ, и у вогуловъ сохранилась еще вѣра въ силу шамановъ; къ послѣднимъ они прибегаютъ для заклинаній или для устраненія несчастія. Само собою разумѣется, что тѣ изъ вогуловъ, которые живутъ вдали отъ русскихъ крестьянъ и потому не имѣютъ съ ними никакого общенія, въ большей мѣрѣ придерживаются своихъ старыхъ религіозныхъ вѣрованій и обычаевъ, чѣмъ тѣ, которые живутъ по сосѣдству съ русскими и находятся съ ними въ постояннѣмъ общеніи; послѣдніе въ значительной мѣрѣ отстали отъ своихъ прежнихъ вѣрованій и обычаевъ и по своимъ религіознымъ понятіямъ приближаются къ своимъ сосѣдямъ — русскимъ.

Грамотность у вогуловъ не распространена. Трудно найти вогула, который умѣлъ бы читать или писать. Для обозначенія своихъ животныхъ или вещей, они, какъ и другие сѣверные инородцы, употребляютъ тамги или клейма, изображающія или лукъ, или кольцо, или дерево, или другой какой-нибудь предметъ. Эти же клейма они употребляютъ для за свидѣтельствованія, если представляется надобность, церковнаго или гражданскаго документа. Въ лѣсахъ они вырѣзываютъ свои клейма на стволахъ деревьевъ, для того, чтобы дать знать о своемъ проходѣ тѣмъ, которые пройдутъ послѣ нихъ. Каждый родъ имѣть свою тамгу, которая переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе. Случается, что вогуль отпечатываетъ ее на своей рукѣ или ногѣ.

Народная поэзія вогуловъ крайне бѣдна. У нихъ нельзѧ услышать ни героической, ни бытовой пѣсни, которая переходила бы изъ рода въ родъ. Если иногда вогуль и поетъ своимъ заунывнымъ, плаксивымъ тономъ пѣсню, то въ ней онъ выражаетъ лишь свои моментальныя ощущенія, имѣющія мало значенія для другихъ. Случается, что онъ сопровождаетъ свою малосодержательную пѣсню бренчаніемъ на струнномъ инструментѣ самаго первобытнаго устройства („санкультенъ“, „нерненъ“).

За жену вогулы уплачиваютъ калымъ, который простирается отъ 15 до 60 руб. Выплативши условленный калымъ, вогуль-христіанинъ обращается къ священнику, чтобы тотъ совершилъ обрядъ бракосочетанія. Положеніе женщины у вогуловъ тяжелое: на нее взвалена большая часть домашней работы. О воспитаніи дѣтей своихъ вогулы мало заботятся; по мѣрѣ того, какъ ребенокъ подрастаетъ, онъ самъ перенинаетъ отъ окружающихъ лицъ тѣ немногосложнѣя знанія, обладаніе которыми необходимо въ вогульскомъ быту. Для помѣщенія своихъ маленькихъ дѣтей вогулы устрѣзываютъ изъ берестового листа колыбель. Колыбель сгibtается подъ угломъ и подвѣшивается къ перекладинѣ въ хижинѣ или чумѣ. На дно колыбели стелются стружки, которыя покрываются мѣхомъ. Въ такую колыбель кладутъ ребенка, покрываютъ его оленевой шкурой, а чтобы онъ не вываливался, привязываютъ его къ ней по рукамъ и ногамъ.

Занятія осѣдлыхъ вогуловъ почти ничѣмъ не отличаются отъ занятій сѣдлыхъ русскихъ крестьянъ: они также преимущественно занимаются земледѣліемъ, причемъ сѣять рожь и ячмень; но вслѣдствіе суровости климата, хлѣбъ не всегда созреваетъ, и занятіе земледѣліемъ мало обеспечиваетъ ихъ существованіе. Поэтому многие вогулы занимаются и другими промыслами, особенно рыболовствомъ и пчело-

водствомъ; иѣкоторые изъ нихъ имѣютъ до 70 ульевъ. Скотоводствомъ, какъ промысломъ, осѣдлые вогулы не занимаются; земледѣльцы держать лишь столько лошадей, сколько необходимо для ихъ полевыхъ работъ. Рогатаго скота у нихъ не-иного,—только болѣе зажиточные имѣютъ по двѣ или по три коровы. Что касается бродячихъ вогуловъ, то они занимаются, подобно самоѣдамъ, оленеводствомъ; но главное ихъ занятіе состоить въ охотѣ. Какъ только земля покроется первымъ снѣгомъ, вогулы небольшими партиями отправляются на промыселъ за пушнымъ звѣремъ. Подъ ноги они подвязываютъ деревянныя, обшины оленьей шкурой, лыжи; провизію и охотничью принадлежности складываютъ въ нарты и везутъ себѣ. При охотѣ значительную услугу вогуламъ, какъ и другимъ сѣвернымъ инородцамъ, оказываютъ собаки, которыхъ бѣгутъ передъ хозяиномъ, отыскиваютъ звѣри и своеобразнымъ лаемъ даютъ ему объ этомъ знать. Въ концѣ зимы или лѣтомъ звѣроловы продаютъ прѣѣжающимъ русскимъ или зырянскимъ торговцамъ заготовленный пушной товаръ; иѣкоторые же изъ нихъ для сбыта своего товара самиѣздятъ въ различные торговые пункты, особенно въ Обдорскъ.

Пища вогуловъ всецѣло находится въ зависимости отъ ихъ занятій. Такъ, вогулы-земледѣльцы питаются хлѣбомъ, ягодами, кедровыми орѣхами, а иногда рыбой и мясомъ; рыболовы питаются преимущественно рыбой; звѣроловы же — мясомъ убитыхъ ими звѣрей. Самымъ вкуснымъ считается ими мясо лосей. Слѣдуетъ замѣтить, что вогулы вообще неразборчивы въ пищѣ. При голодѣ они єдятъ что ни попадается. Рыбу они варятъ вмѣстѣ съ внутренностями. Случается, что если у вогула истощился запасъ пищи, а голодъ между тѣмъ даетъ себѣ чувствовать, то онъ собираетъ давно выброшенныя кости, разбиваетъ ихъ и варить. Посуда, въ которой приготавливается и держится пища, большою частью бываетъ страшно грязна, такъ какъ почти никогда не моется.

Многіе вогулы, подобно осякамъ, курятъ, нюхаютъ и жуютъ табакъ. Нюхательный табакъ они держать въ рожкахъ или костяныхъ табакеркахъ, а курительный—въ кожаныхъ мѣшкахъ или кисетахъ, сдѣланныхъ изъ лапокъ лебедя: лапку очишаютъ отъ косточекъ, надуваютъ, сушатъ,—и кисетъ готовъ. Курять изъ костяныхъ трубочекъ.

IV.

БУРЯТЫ.

Буряты съ давнихъ поръ поселились вокругъ Байкальского озера, въ Иркутской губерніи и Забайкальской области, на пространствѣ отъ запада къ востоку почти на тысячу верстъ. Мѣстность, занятая ими, представляетъ всѣ удобства въ жизни: поля даютъ хорошие урожаи, степи обильны кормовыми травами, горы, окаймляющія степную полосу, покрыты густыми лѣсами, гдѣ въ изобиліи водятся дикие звѣри. Прибавимъ къ этому, что горные вершины питають множество рѣчекъ и ручьевъ, орошающихъ степи и поля. На означенномъ пространствѣ живеть около 250 тысячъ бурятъ, изъ которыхъ одни перешли уже къ осѣдлому образу жизни, другіе же продолжаютъ кочевать на просторѣ степей.

Буряты—монгольского происхожденія, что видно какъ изъ языка, такъ и изъ вида ихъ. Подобно монголу, буряты имѣть коричнево-бронзовый цвѣтъ кожи, широкое, плоское лицо, небольшой приплюснутый носъ, узкіе, косо расположенные, черные глаза, оттопыренныя уши и большой ротъ. Рѣдкая бородка бываетъ только у стариковъ; молодые же тщательно вышизываютъ ее. Голову буряты брѣютъ, но не всю: они оставляютъ на макушкѣ длинную косу, которая спускается на спину. Замужнія женщины заплетаютъ свои волосы въ двѣ косы, спускаемыя на грудь; девушки же заплетаютъ волосы во множество мелкихъ косичекъ. Если волосы недостаточно густы и длинны, то прибавляютъ къ нимъ фальшивыя косы, часто сдѣянныя изъ конскихъ волосъ. На концахъ косъ у женщинъ и девушекъ нерѣдко бываютъ привѣшены различныя металлическія украшенія и серебряныя деньги. Вообще бурятскія женщины—большія щеголихи: въ ушахъ многія изъ нихъ носятъ перегнутыя кожаныя пластинки, обшитыя бусами и металлическими блестками, на шѣб—ожерелья изъ разныхъ бусъ, перемѣшанныхъ съ монетами, а на пальцахъ—массивныя серебряныя кольца. Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ на головѣ коническая мѣховая шапка, съ цвѣтною шелковою кистью на верхушкѣ. Лѣтомъ буряты ходятъ въ бумажныхъ, а богатые нерѣдко въшелковыхъ халатахъ; зимою же обыкновенную одежду ихъ составляютъ бараны тулуны, которые у богатыхъ бываютъ покрыты шелковой матеріею и обшиты на груди и по подолу соболемъ. Верхняя одежда женщины похожа на одежду мужчинъ, только у первыхъ она бываетъ болѣе украшена, чѣмъ у послѣднихъ. Мужчины опоясываются кожанымъ или тканымъ поясомъ, на которомъ висятъ: ножъ собственаго издѣлія, кошелекъ съ огнivомъ, кремнемъ и труткомъ, кисть для табаку и маленькая металлическая трубка, называемая ганзой.

Живутъ буряты небольшими селеніями или улусами. Жилищемъ осѣдлыхъ бурятъ служать небольшія деревянныя избушки, а кочевые обитаютъ въ круглыхъ, покрытыхъ коньмами юртахъ. Полъ въ юртахъ—земляной, у богатыхъ устланъ вой-

локомъ и коврами. По сторонамъ въ юртѣ разставляются сундуки, а па стѣнахъ развѣшиваются сѣда, конская сбруя, серебряные украшения и т. п. вещи. Посрединѣ юрты устраивается очагъ, надъ которымъ стоитъ тренога. Вокругъ юрты устраиваются загородки для скота.

Каждый бурятскій родъ помѣщается въ нѣсколькихъ юртахъ, огороженныхъ загородкою изъ жердей. Юрты въ загородкѣ обыкновенно размѣщаются такъ: по срединѣ стоитъ юрта старшаго въ родѣ бурята, по бокамъ ея — юрты женатыхъ сыновей его, въ соседніхъ загородкахъ помѣщаются семейства близкихъ родственниковъ, напр., братьевъ, а въ болѣе отдаленныхъ живутъ дальние родственники. Каждый родовой кругъ имѣетъ общія нашии, покосы, скотъ и т. п. Всѣ члены круга работаютъ сообща, а иногда даже и дѣлать вмѣстѣ. Вообще слѣдуетъ сказать, что въ

быть бурята въ значительной мѣрѣ проявляется родовое, патріархальное начало. Сибирские крестьяне говорятъ про нихъ: „Да, у „братьскихъ“ не по-нашему, все артельно: ломать хлѣба — и тотъ дѣлать всѣмъ по одинаковымъ кусочкамъ“.

Управляются буряты своими начальниками — тайшами и старшинами — шуленами. Для нѣсколькихъ родовъ, соединенныхъ между собою, учреждены степенные думы изъ старшинъ. Въ этихъ думахъ, подъ предсѣдательствомъ тайши, решаются дѣла по бурятскимъ законамъ и обычаямъ. Впрочемъ, за возмущеніе, буйство, грабежъ и дѣланіе фальшивой монеты буряты судятся въ общихъ русскихъ присутственныхъ мѣстахъ.

Всѣ буряты считаются равноправными между собою: они не знаютъ сословныхъ различий. Даже бурята-работники, вступившій въ услуженіе въ юрту богатаго бурята, не считается работникомъ, а помощникомъ или товарищемъ.

По своему характеру буряты вообще миролюбивы и кротки; но если ихъ оскорбить, они мстительны и даже злы. Взаимная помощь развита у нихъ весьма сильно: нищий бурята всегда можетъ найти себѣ прють и убежище въ любой юртѣ.

бездонный или сирота можетъ самъ, вошедши въ юрту, взять себѣ себѣстнаго и т. п. Родныя степи свои буряты любятъ страстно и въ городѣ всегда чувствуютъ себя угнетенными. Какъ только начнется весна и степь покроется зеленью и цветами, бурята неудержимо тянетъ въ степь; вслѣдствіе чего они большою частью и панимаются въ услуженіе въ городѣ только по 9-е мая. И лишь только бурята вырвутся изъ душного города на просторъ степей, онъ становится неузнаваемымъ: въ городѣ онъ выглядѣть запуганнымъ, боязливымъ, тутъ же, въ степи, становится бодрымъ, смѣльнымъ, и горделиво разѣзжаетъ верхомъ на лошади.

По религіи буряты принадлежать къ тремъ вѣроисповѣданіямъ: христіанскому, шаманскому и ламайскому. Значительная часть бурята, особенно живущихъ на западъ отъ Байкальского озера, обращена въ христіанство русскими миссіонерами. Они ходятъ въ православную церковь и обращаются къ священникамъ съ просьбою совер-

шать установленные церковные требы. Въ улусахъ, отстоящихъ далеко отъ русскихъ церквей, устроены часовни, въ которыхъ совершается богослуженіе на бурятскомъ языке, на который переведены миссіонерами нѣкоторыя священные книги.

Буряты, къ которымъ не проникло еще ни христіанство, ни ламайская религія, исповѣдуютъ старую шамансскую религію. По вѣрованію бурятъ-шаманистовъ, водами, горами, реками, огнемъ и людьми, — словомъ, всею природою управляютъ особые духи, стоящіе на различныхъ ступеняхъ могущества и силы. Нѣть сомнѣй, что на созданіе такой религіи имѣло вліяніе созерцаніе окружающей природы со всѣми ея явленіями, то страшными, то ласкающими. Особенно природа озера Байкала и окру-

жающей его мѣстности не могла не повліять на бурять въ этомъ направлениі. Страшныя бури, часто бывающія здѣсь, дикія скалы, окружающія это озеро,—все это невольно должно было возбуждать фантазію бурять, которая и создала цѣлый міръ духовъ. Около Байкальского озера указываютъ много мѣсть, гдѣ пребываютъ эти духи. Однимъ изъ такихъ мѣсть является каменный островъ, находящійся на рѣкѣ Ангарѣ, въ ста саженяхъ отъ выхода ея изъ Байкала. На этомъ островѣ буряты встарину давали клятву: пріѣхавши на лодкѣ къ острову, они заставляли обвиняемаго взойти на самый верхъ его и здѣсь присягнуть въ справедливости своихъ показаний; увѣренность въ присутствіи на островѣ духовъ, которые слышать даваемую присягу, побуждала обвиняемаго сказать правду. Кроме поклоненія духамъ, которые управляютъ предметами и явленіями окружающаго міра, исповѣдующіе шаманскую религію буряты поклоняются также духамъ умершихъ людей, ознаменовавшихъ жизнь свою добродѣтелями, мужествомъ или другими заслугами.

Съ духами, по вѣрованію бурята-шаманистовъ, могутъ находиться въ общеніи только шаманы, которые поэтому въ состояніи узнавать волю духовъ и предсказывать судьбу людей. Но для того, чтобы имѣть общеніе съ духами, шаманъ долженъ предварительно прийти въ экстазъ. Приготовляясь къ этому, онъ прежде всего облекается въ свой шаманскій костюмъ, отороченный краснымъ сукномъ и увѣшанный множествомъ металлическихъ пластинокъ, бубенчиковъ, хвостами различныхъ звѣрей, иглами дикобразовъ и т. п. Круглый бубень также составляетъ необходимую принадлежность каждого шамана. Обращаясь къ духамъ, послѣдній бьетъ въ бубень, сначала тихо, потомъ все сильнѣе и быстрѣе. По временамъ шаманъ прекращаетъ эту музыку и дѣлаетъ видъ, что прислушивается, потомъ снова усиленно бьетъ въ бубень и при этомъ выкрикиваетъ обращенія къ духамъ. Наконецъ онъ впадаетъ въ экстазъ, глаза его свѣтятся и горятъ лихорадочнымъ огнемъ, пѣна выступаетъ изо рта,—и въ этомъ состояніи онъ начинаетъ предсказывать. Кроме предсказываній, шаманы занимаются также лѣченіемъ больныхъ, причемъ не только обращаются за помощью къ духамъ, но и даютъ больному разныя лѣкарства.

Не всякий изъ бурята можетъ быть шаманомъ,—для этого нужна продолжительная подготовка. Обыкновенно шаманъ избираетъ себѣ одного ученика, большую часть изъ своихъ сыновей или родственниковъ, котораго и посвящаетъ въ шаманскою искусствомъ. Готовясь сдѣлаться шаманомъ, ученикъ этотъ повсюду слѣдуетъ за своимъ учителемъ, ведеть жизнь замкнутую идержанную и постояннымъ упражненіемъ мало-по-малу вырабатываетъ въ себѣ способность впадать въ экстазъ и шаманить.

Третья религія, исповѣдуемая бурятами,—это ламайская, проникшая къ нимъ въ концѣ XVII столѣтія изъ Китая и составляющая отрасль буддійской религіи. Характерною чертою ламаїтства является существованіе многочисленной духовной іерархіи, члены которой, нося общее название ламъ, строго различаются по степенямъ, отъ послѣдняго прислужника при кумирнѣ до „хамбо-ламы“ включительно. Ламы обладаютъ пѣкоторымъ образованіемъ: они знакомы съ буддійскими религіозными сочиненіями и пѣкоторыми медицинскими саѣтніями. Для совершенія религіозныхъ обрядовъ ламы служатъ кумирни (дацаны), которые строятся обыкновенно въ центрѣ пѣсколькихъ улусовъ и имѣютъ видъ обыкновенной избы или юрты. У стѣнъ кумирни, противоположной входу, помѣщаются на возвышеніи идолы (бурханы),

жертвенные сосуды, чашки съ зернами и водой и благовонияя китайскія свѣчи кир-
ничного цвѣта. Прихожане располагаются у стѣнъ. Женщины стоять въ кумирии.
Передъ бурханами ламы совершаютъ различные религіозные обряды. Обряцъ, напр.,
освященія воды совершаются ими такъ: лама помѣщается передъ стоящимъ на кумирии

идоломъ круглое мѣдное зеркало, такъ чтобы въ немъ отразилось изображеніе идола;
затѣмъ чрезъ это зеркало лить воду въ мѣдную чашку; вода, стекающая съ зеркала,
считается священою, такъ какъ принялъ въ себя изображеніе божества. При совер-

шених религиозных обрядовъ ламы перемежаютъ чтеніе молитвъ и отрывковъ изъ священныхъ книгъ звономъ въ колокольчики, а помощники ихъ въ это время бываютъ въ бубны и трубятъ въ рога.

Кромѣ участія въ общественномъ богослуженіи въ кумирнѣ, буряты, исповѣдующіе ламайскую религію, совершаютъ религиозные обряды и у себя дома, для чего почти въ каждой юртѣ помѣщаются на высокомъ сундуке или столикѣ бурханы, чашечки и свѣчи. Мало того, передъ некоторыми юртами устраиваются вертящіеся на шестѣ цилиндры, исписанные молитвами. Движеніе этихъ цилиндръ, по понятіямъ бурятъ, замѣняетъ личную молитву. Сколько разъ повернется цилиндръ, столько разъ число молитвъ, написанное на немъ, зачтется въ заслугу буряту. Усталъ бурятъ или лѣнъ ему прочитать положенные молитвы,—онъ поворачиваетъ нѣсколько разъ цилиндръ,—и готово. Подобные же вертящіеся цилиндры съ наклеенными или написанными на нихъ молитвами находятся и наверху каждой кумирни.

Доходъ ламъ состоять изъ добровольныхъ пожертвованій прихожанъ и изъ платы за лѣченіе, совершение религиозныхъ обрядовъ и разрѣшительныхъ грамотъ, состоящей изъ лоскутовъ бумаги, на которыхъ нарисовано изображеніе Будды. Ламы увѣряютъ своихъ прихожанъ, что безъ этого изображенія, посмѣаго при себѣ въ мышкѣ, нѣть спасенія.

Многіе изъ бурятъ, исповѣдующихъ ламайскую религію, почитаются, наравнѣ съ христіанами, св. Николая Чудотворца и св. Иннокентія Иркутскаго. Въ день св. Николая Чудотворца, 9-го мая, молодые и старые буряты ёдутъ въ православную церковь поклониться иконѣ Чудотворца. При входѣ въ храмъ они покупаютъ свѣчи и идутъ съ ними къ праздновемой иконѣ. Здѣсь они падаютъ ницъ со сложенными на лбу ладонями и произносятъ имя угодника („Хутухту Михола“), затѣмъ приближаются къ подсвѣчнику, чтобы вожечь свои свѣчи, постѣ чего опять читаютъ молитвы, сопровождая ихъ частыми поклонами. Нерѣдко случается также, что богатые буряты бросаютъ къ подножію иконы мѣдныя и серебряныя монеты. Послѣ праздничнаго богослуженія начинается пиръ, причемъ водка (апрака) играетъ важную роль: буряты и вообще не прочь выпить, а въ такой день, какъ праздникъ св. Николая, считаются даже грѣхомъ не выпить. Въ день св. Николая они ходятъ въ гости къ русскимъ и сами принимаютъ ихъ у себя.

Лѣтосчисленіе буряты ведутъ по цикламъ (кругамъ); каждый кругъ состоять изъ 12 лѣтъ, носящихъ имена разныхъ звѣрей. Дни недѣли хотя и считаются бурятами, но не носятъ особыхъ названий.

Народная поэзія бурята довольно богата. Они имѣютъ мноческие разсказы, билины и сказки. Эпическая поэзія у нихъ, повидимому, богаче лирической.

У бурята, какъ и у всѣхъ другихъ инородцевъ Сибири, существуетъ масса оригинальныхъ обрядовъ при различныхъ случаяхъ ихъ жизни. На первомъ планѣ изъ этихъ обрядовъ стоять обряды брачные.

Бракъ у бурята совершается послѣ уплаты женихомъ родителямъ невѣсты калыма, который бываетъ иногда очень значителенъ, такъ что выплачивается нерѣдко впрогородки нѣсколькихъ лѣтъ. Иногда буряты покупаютъ малолѣтнихъ девочекъ, которыхъ, по воспитаніи, выдаютъ за своихъ сыновей; иногда же родители обмѣняются своими дѣтьми, такъ что дочь одного бурята выходить за сына другого, а дочь послѣдняго—за сына первого.

Самый бракъ у бурятъ-ламаитовъ совершается такъ: приглашенный лама по священнымъ книгамъ опредѣляетъ день для совершения свадебнаго обряда. Наканунѣ свадьбы какъ у невѣсты, такъ и у жениха убиваютъ барановъ и быковъ для угощенія гостей. Въ день свадьбы женихъ со своими друзьями отправляется къ юртѣ невѣсты; ея подруги, завидѣвъ приближающихся юношей, становятся кругомъ невѣсты и, схватившись руками, составляютъ изъ себя цѣпь. Женихъ и друзья его стараются разорвать цѣпь и вырвать изъ круга невѣсту, но подруги защищаютъ ее, насколько хватаетъ у нихъ силы. Наконецъ, не имѣя болѣе возможности сопротивляться напору нападающихъ, онъ уступаютъ. Взявъ такимъ образомъ невѣсту съ бою, друзья жениха одѣваютъ и закутываютъ ее въ шубы или ткани, сажаютъ верхомъ на лошадь, и вся процессія уѣзжаетъ въ поле; за нею слѣдуетъ обозъ съ приданымъ. Женихъ сначала уѣзжаетъ впередъ, а потомъ возвращается павстрѣчу побѣду вмѣстѣ со своими родными. На пути ихъ останавливаютъ ламы и спрашиваютъ: куда и за чѣмъ ониѣдутъ? Тѣ отвѣчаютъ, что ищутъ корову съ серебряными рогами, шелковымъ хвостомъ, золотыми копытами и самоцвѣтыми камнями въ глазахъ. Ламы отвѣчаютъ, что такая корова у нихъ въ таборѣ. На просьбу жениха возвратить ее, ламы, послѣ некотораго колебанія, соглашаются, и тогда оба побѣзда, соединившись вмѣстѣ, отправляются къ юртѣ жениха. Тутъ читаются молитвы, невѣсту переодѣваютъ въ другое платье, и затѣмъ начинаются игры, продолжающіяся до глубокой ночи.

При рождении ребенка родители также приглашаютъ ламу, который читаетъ надъ новорожденнымъ главу изъ священной книги и даетъ ему имя.

Если бурятъ умретъ, тѣло его обвертываютъ куекомъ матери, лицо прикрываютъ платкомъ, ноги сгибаютъ, а правую руку прикладываютъ къ уху, стараясь придать покойнику видъ уснувшаго. Затѣмъ трупъ кладутъ въ уголъ юрты и покрываютъ тулуломъ, а передъ домашними бурханами зажигаютъ курительныя свѣчи. Лама по священнымъ книгамъ опредѣляетъ, слѣдуетъ ли покойника зарыть въ землю, илибросить его въ воду или лѣсъ, или же сжечь его. Онъ же назначаетъ и мѣсто для могилы. Могилы знатныхъ и особенно духовныхъ лицъ бывають большею частью на холмахъ. Кругомъ мѣста, назначенаго для могилы, лама обводить привязанной къ шнурку лягушкой, которую онъ тащитъ по землѣ; другой лама слѣдъ ея обозначаетъ рогомъ, называемымъ „оронго“, а третій углубляеть черту острѣемъ копья или стрѣлы. Очертивъ такимъ образомъ пространство земли для будущей могилы, главный лама беретъ связку моделей желѣзныхъ инструментовъ, употребляемыхъ бурятами въ ихъ домашнемъ быту, какъ-то: сошика, заступа, топора, ножа и проч., и каждымъ изъ нихъ вскапываетъ землю внутри обозначенной черты. Могилу роютъ неглубоко, такъ чтобы ее могли разрыть дикие звѣри или хищныя птицы. Буряты вѣрятъ, что если тѣло покойника не будетъ вырыто и съѣдено звѣрями или птицами, то онъ будетъ ночью выходить изъ могилы и пугать родственниковъ и знакомыхъ. Трупъ покойника кладутъ головой къ западу такъ, чтобы лучи солнца падали прямо на глаза усопшаго. При погребеніи лама читаетъ молитвы. Послѣ погребенія начинаются поминки и жертвоприношенія. У зажигательныхъ онъ справляются втечей 49 дней, поутру, въ полдень и вечеромъ; а люди съ малымъ достаткомъ обязаны исполнять этотъ обрядъ по крайней мѣре три раза: въ третій, седьмой и сорокъ-девятый день. Первая жертва въ честь умершаго приносится обыкновенно на разстояніи трехъ шаговъ отъ юрты, вторая—въ шести шагахъ, третья—въ девяти и т. д. Жертвеннное

животное дѣлится на нѣсколько частей, изъ которыхъ одна часть сожигается, а остальная поступаютъ въ пользу ламъ. Надъ могилой покойника нерѣдко ставить деревянный срубъ, служащій памятникомъ. Памятникъ этотъ окрашиваются и обѣниваются ленточками и шелковыми или бумажными лоскутками. Кромѣ того, на немъ иногда вырѣзываются молитвы на тибетскомъ или монгольскомъ языкахъ.

Буряты, исповѣдующіе шамансскую религию, въ могилу покойного кладутъ съестное, а также табакъ, трубку и нерѣдко монеты. Зарывши покойника, они на его могилѣ оставляютъ тельгу, сломавши предварительно ея колеса и кузовъ. Кромѣ того, многие изъ нихъ убиваютъ на могилѣ лошадь, передавая ее такимъ образомъ покойнику, дабы онъ могъ ъздить на ней въ своей загробной жизни. Трупъ шамана они сожигаютъ, съ соблюденіемъ различныхъ обрядовъ, выражавшихъ почтеніе къ покойнику. Кости и пепель сожженного собираются и кладутъ въ дупло толстаго дерева.

Главное занятіе бурятъ, особенно кочевыхъ, составляеть скотоводство. Такое занятіе находится въ зависимости уже отъ самого характера страны, населенной бурятами: въ безграничныхъ степяхъ Забайкалья пасутся табуны лошадей въ нѣсколько тысяч головъ, огромныя стада рогатаго скота и овецъ. Какъ лошади, такъ и рогатый скотъ в продолженіи всего года довольствуются подножнымъ кормомъ. Только молодыхъ жеребятъ нѣкоторое время держать въ юртахъ или сарайахъ.

Лошадь для бурята составляетъ самое необходимое домашнее животное. Внѣ юрты трудно встрѣтить бурята иначе, какъ верхомъ,—и не только мужчину, но и женщину. Только въ послѣднее время нѣкоторые изъ богатыхъ и знатныхъ бурятъ стали ъздить въ повозкахъ. Особенно большое количество лошадей разводятъ буряты, живущіе на китайской границѣ, такъ какъ они имѣютъ возможность сбывать ихъ китайцамъ. Нужно замѣтить, что буряты большую частью не знаютъ точнаго количества своихъ лошадей, такъ какъ никогда ихъ не считаютъ, думая, что если сочтитъ лошадей, то табуны станутъ гибнуть.

Рогатый скотъ разводится бурятами ради мяса, молока и приготовляемаго изъ него особаго напитка—доросуна. Кромѣ того, быки употребляются для тяжелыхъ работъ. Для этой цѣли уже въ самомъ юномъ возрастѣ у теленка проекалывается хранецъ между ноздрями и въ отверстіе продѣвается палочка или бичевка, къ которой привязывается поводъ.

Земедѣліемъ занимаются только осѣдлые буряты. Обрабатывать землю и сѣять хлѣбъ они научились отъ русскихъ, но, благодаря удобрению почвы и тщательному орошенню ея, они получаютъ болѣе урожай, чѣмъ наши крестьяне. Орошеніе полей производится бурятами посредствомъ арыковъ (канавъ). Послѣдніе обыкновенно во всѣхъ направленіяхъ бороздятъ поля буряты, образуя настоящую сѣть. Избытокъ своего хлѣба буряты продаютъ въ Иркутскъ и на казенные заводы.

Зѣроловство въ настоящее время составляетъ второстепенное занятіе буряты, но въ прежнее время оно было главнымъ ихъ занятіемъ. Кромѣ охоты по-одиночкѣ, прежде буряты ежегодно въ концѣ осени устраивали охоту артелями изъ нѣсколькихъ родовъ; такая охота называлась „абой“ (облавой). Еще за нѣсколько недѣль до начала абы буряты приготавливались къ ней и поджидали ее, какъ праздника. Въ определенный день все желавшіе принять участіе въ абѣ собирались въ заранѣе назначенное мѣсто, одѣвшись въ лучшую свою одежду и взявъ лучшее оружіе. Каждый

прѣхавшій передавалъ въ общую складчину привезенную провизію: мясо, сырь и т. д. Выбранный староста принималъ провизію, взвѣшивалъ ее на рукѣ и передавалъ хранителямъ провизіи. Затѣмъ всѣ собравшіе разбивались на иѣсколько малыхъ артелей, каждая человѣкъ въ 20, съ особымъ завѣдующимъ („галъчи“) во главѣ. На промыселъ охотники выѣзжали рано утромъ. Каждая артель направлялась туда, куда назначалъ ее главный распорядитель. Такимъ образомъ оцѣпляли значительное пространство въ лѣсу. Убившій звѣря не самъ бралъ его, а отдавалъ другому для вклада въ артельную добычу. Съ наступлениемъ сумерекъ охота прекращалась, всѣ охотники собирались къ своимъ палаткамъ, поровну дѣлили между собою добычу, удѣляя часть ея главному распорядителю абы, и начинали пировать. На другое утро охотники оцѣпляли новую мѣстность, для чего обыкновенно переносили и свои палатки. Возникавшіе между членами абы споры решали старшина или судья, въ присутствіи всѣхъ участниковъ охоты. Если виновность обвиняемаго подлежала сомнѣнію, судья бралъ его шапку, клалъ ее на землю и произносилъ обвиненіе. Затѣмъ онъ стрѣлялъ изъ лука вверхъ надъ самою шапкою: если стрѣла при обратномъ паденіи попадала въ шапку, то обвиняемый признавался виновнымъ, и наоборотъ. Для разрешенія спора бурятскіе суды прибегали также къ слѣдующему средству: они втыкали въ землю берцовую кость звѣря и затѣмъ предлагали спорящимъ стрѣлять въ нее изъ лука: кто попадалъ, тотъ признавался правымъ. Аба продолжалась обыкновенно дней 15 и оканчивалась общимъ празднествомъ. Затѣмъ охотники разѣзжались по улусамъ, увозя съ собою доставшуюся добычу. Въ настоящее время аба вышла изъ обычая бурятъ; однако старики съ оживленіемъ вспоминаютъ обѣ ней, какъ о прекрасномъ обычай старины.

Буряты, живущіе по берегамъ рѣкъ Селенги, Баргузина, Ангары и др., занимаются рыболовствомъ; но этотъ промыселъ, какъ и звѣроловство, не составляетъ главнаго занятія ихъ. Для рыбной ловли они употребляютъ неводъ и острогу.

Продукты своего хозяйства буряты сбываются или китайцамъ, или же русскимъ. Китайцамъ они сбываются преимущественно лошадей и рогатой скотъ и получаютъ отъ нихъ кирпичный чай, табакъ, шелковая матеріи, благовония свѣчи для бурхановъ и мѣдные изображенія этихъ бурхановъ.

Занятія мужчинъ и женщинъ у бурятъ довольно точно распределены установившимся обычаемъ. Мужчины пасутъ скотъ, строятъ жилища, приготовляютъ стрѣлы, луки, сѣда и т. д.; женщины же исполняютъ всѣ домашній работы: выѣльываютъ кожу и кошмы, плетутъ веревки, шьютъ одежду какъ себѣ, такъ и другимъ членамъ своего семейства, приготовляютъ пищу и т. д. Вообще на женщинъ возложено много работы и положеніе ихъ нельзя признать легкимъ; этимъ объясняется, отчего немногія изъ замужнихъ бурятокъ отличаются крѣпкимъ здоровьемъ. Зато девушки у бурятъ не обременяются трудной работой и пользуются особенной любовью и уваженіемъ.

Русскій правительствомъ буряты обложены податью. Кромѣ того, они обязаны нести воинскую повинность: изъ нихъ сформировано иѣсколько конныхъ полковъ, на обязанности которыхъ лежитъ охрана границъ, преслѣдованіе контрабандистовъ и поимка бѣглыхъ катержниковъ. Изъ послѣдняго занятія буряты создали чуть не особый промыселъ. Въ Забайкальѣ про бурята говорятъ, что для нихъ „худенький бѣглый лучине доброй козы“: поймавъ бѣглого, бурята береть его одежду и, кромѣ того, получаетъ награду отъ начальства.

Главную пищу буряты, какъ народъ пастушескаго, составляютъ мясо, особенно баранина, и молоко въ различныхъ видахъ. Любятъ они также тюлений жиръ, который ѣдятъ безъ соли и хлѣба; высшимъ же лакомствомъ у нихъ считается саламата—блюдо, приготовляемое изъ сметаны и муки. Любимымъ напиткомъ буряты, кромъ молока и дюросуна, служить кирпичный чай, который они варятъ съ молокомъ и прибавляютъ въ него соли. Отъ водки буряты, подобно всякому другому инородцу, никогда не откажется. Водку пьютъ они не изъ рюмокъ, а изъ красныхъ деревянныхъ чашекъ, похожихъ на наши блюдца, вмѣстимостью около 3 нашихъ рюмокъ. Такую посудину буряты осушаютъ въ одинъ или два приема.

Курять почти все буряты и бурятки безъ исключения.

Буряты не лишены склонности къ развлечениямъ: лѣтомъ, въ праздничные дни, они устраиваютъ игры, состоящія въ лошадиномъ бѣгѣ, стрѣльбѣ изъ лука и борьбѣ. Старики и знатные буряты сидятъ при этомъ на войлокахъ, поджавши ноги, а юноши одинъ передъ другимъ стараются отличиться: они то вступаютъ въ борьбу, то пускаются въ перегонку и т. п. Побѣдитель получаетъ въ награду или бумажный платокъ, или монету, или что-нибудь другое. Но для него не такъ дорогъ подарокъ, какъ дорога побѣда, одержанная надъ противникомъ. Иногда на подобные праздники являются мѣстные пѣвицы со своими монотонными, заунывными пѣснями, въ которыхъ восхваляется сила борцовъ, бѣгъ быстрыхъ коней, мудрость стариковъ и т. п.

Говоря объ играхъ, слѣдуетъ упомянуть также о склонности бурять къ карточной игрѣ. Они съ увлеченіемъ играютъ въ „три листика“, „монгольскіе дурачки“ и другія игры. Случается, что буряты проигрываютъ въ карты значительную часть своего состоянія. Если картъ неѣтъ, они играютъ въ „шайгаки“ (бараны лодыжки).

СИБИРСКИЕ КАЛМЫКИ.

Сибирские калмыки, въ числѣ около 80 тысячъ человѣкъ, живутъ по сѣвернымъ склонамъ Алтайскихъ горъ, на югѣ Семипалатинской области и Томской губерніи, въ бассейнѣ рекъ Біи и Катуни. Подобно своимъ собратьямъ, калмыкамъ Прикаспийскихъ степей, они принадлежать къ монгольскому племени, типичныя черты котораго ясно выражены въ наружности калмыка: широкое скучающее лицо его обрамлено жиденькой бородкой, носъ приплюснутъ, глаза узкие, косо прорѣзанные, ротъ большой, голова покрыта жесткими, черными волосами, которые калмыки обыкновенно сбираютъ, оставляя лишь на затылкѣ косичку.

Одеждой сибирскихъ калмыковъ служить лѣтомъ бумажный башметъ, а зимой — шуба изъ лошадиныхъ лисуровъ или овчинный тулупъ, опоясанный кожанымъ кушакомъ, за которымъ висятъ: ножикъ въ кожаномъ чехлѣ, трубка, кисть и нагайка; голову они покрываютъ мерлушачьей или войлочной шапкой, края которой заворачиваются кверху; ноги обуютъ въ кожаные, съ острыми носками, сапоги. Таковъ нарядъ взрослыхъ. Что касается дѣтей, то большую частью они ходятъ нагишомъ, и только въ холодное время на нихъ надѣваютъ овчинные тулуны и войлочные чулки. Какъ и большинство полутихихъ инородцевъ Сибири, калмыки крайне нечистоплотны: умываться или купаться они считаютъ для себя совершенно лишнимъ, бань не знаютъ вовсе, платье носятъ до тѣхъ поръ, пока оно не сгниетъ отъ пота и не обратится въ лохмотья.

Жилищемъ калмыковъ служитъ войлочная юрта. Посерединѣ ея устраивается очагъ, согрѣвающій ее въ холодное время. Нагльво отъ входа обыкновенно устраивается изъ войлоковъ постель, у богатыхъ покрытая шелковыми одѣялами и завѣшенная пологомъ, а направо складываются мышки и сундуки съ движимымъ имуществомъ и вся вообще хозяйственная утварь калмыка: котлы, миски, корыта и т. п. Турсукъ или кожаный мѣшокъ для кумыса занимаетъ здѣсь самое видное мѣсто. По стѣнамъ юрты развѣшивается упряжь и оружіе. У передней стѣны, на сундукахъ или другомъ возвышеніи, помѣщаются металлические или деревянные идолы (бурхавы), съ большими головами и пуговками вместо глазъ; передъ ними нерѣдко можно видѣть въ чапечкахъ жертвы: воду, пшеницу, крупу и пр. Описанная обстановка юрты почти одинакова какъ у зажиточныхъ, такъ и у бѣдныхъ калмыковъ, у богатыхъ только больше сундуковъ и хозяйственной принадлежности, чѣмъ у бѣдныхъ. Но грязь въ юрѣ и у бѣдного, и у богатого калмыка царить одинаковая, что зависитъ отчасти отъ нечистоплотности калмыковъ, а отчасти отъ обычая держать въ юрѣ молодыхъ телятъ, жеребятъ и овецъ.

Большинство калмыковъ ведутъ кочевой образъ жизни, причемъ придерживаются определенныхъ мѣстъ для перекочевокъ, сообразно временамъ года: зимой и

въ дождливое время они посѣщають сухія мѣстности, въ сухое же время выбираютъ пункты болѣе богатые водой. Перекочевкой распоряжается глава рода или семьи, юрта котораго обыкновенно стоитъ посреди другихъ. Когда онъ назначаетъ перекочевку, сейчасъ же члены семьи собираются свои юрты и имущество и укладываютъ все на верблюдовъ и лошадей. Затѣмъ таборъ, со старшимъ во главѣ, трогается съ места. Когда онъ достигнетъ места, гдѣ травы вдоволь, животныя разьючиваются, мужчины принимаются за установку останововъ юртъ, а женщины покрываютъ ихъ кошмами... Такъ живетъ большинство калмыковъ, и лишь немногіе изъ нихъ перешли къ осѣдлому образу жизни, образовали свои селенія или же поселились въ русскихъ деревняхъ и городахъ.

Главное занятіе кочующихъ калмыковъ состоять въ скотоводствѣ. Они разводятъ лошадей, верблюдовъ, рогатый скотъ и овецъ. За скотомъ они ухаживаютъ отлично и, въ случаѣ нужды, очень удачно лѣчать заболѣвшую скотину. Обыкновенно скотъ весь годъ остается на подножномъ кормѣ; для защиты же его отъ холода и бурановъ устраиваются загородки и хлѣвы. Помимо скотоводства, нѣкоторые изъ кочующихъ калмыковъ занимаются охотой. Но этотъ промыселъ имѣть у нихъ лишь второстепенное значеніе, и калмыкъ прибѣгасть къ нему лишь въ случаѣ нужды. Необходимо, напр., осенью уплатить ясакъ, а денегъ или шкурокъ нѣть,—и вотъ береть онъ ружье и идеть на пѣсколько дней въ горы промышлять звѣря. Незначительная часть калмыковъ занимается также рыболовствомъ. Но и этотъ промыселъ не составляетъ важнаго подспорья для ихъ существованія. Что касается осѣдлыхъ калмыковъ, то, подобно своимъ сосѣдямъ, русскимъ крестьянамъ, они занимаются хлѣбопашествомъ; но это занятіе стоитъ у нихъ еще на очень низкой ступени и потому малоприбыльно, хотя плодородная почва калмыцкихъ степей, при правильномъ веденіи земледѣлія, могла бы давать обильные урожаи.

Пищей калмыковъ служить мясо почти всѣхъ животныхъ и молочные продукты, среди которыхъ заслуживаетъ вниманія сладковатый овечій сырь; его сушать мелкими кусками и употребляютъ вмѣсто хлѣба. Мясо калмыки варять безъ всякихъ приправъ, даже безъ соли, и только во время Ѣды обмакиваютъ его въ соленую воду. Изъ различныхъ видовъ мяса наиболѣе лакомымъ считается баранинѣ. Главнымъ напиткомъ калмыковъ служить кумысъ и кирпичный чай, заправленный мукой, солью, масломъ и молокомъ. Въ Ѣдѣ калмыки такъ же нечистоплотны, какъ и во всемъ прочемъ. Котелки и миски, въ которыхъ они держать кушанье, не моются никогда; лишь изрѣдка калмычка, собираясь положить въ миску свѣжаго варева, слизеть или счистить цальцами остатки прежней пищи. Пищу они берутъ изъ общаго блюда прямо руками, обыкновенно грязными, и большими кусками отправляютъ въ ротъ...

Переходя теперь къ описанію характера калмыковъ, мы должны замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ это—люди угрюмые, упрямые, малоподвижные и лѣнивые. Сидѣть, поджавши ноги, по цѣлымъ часамъ у очага, пить любимый кумысъ или аракъ, Ѣсть жареную баранину да слушать разсказы—вотъ любимое времяпровождение калмыка. Нравится ему также, если въ его юрту зайдетъ гость, особенно такой, котораго не приходится стѣсняться и который можетъ кое-что разсказать. При входѣ въ юрту такого гостя, хозяинъ тотчасъ закуриваетъ трубку, затягивается раза два-самъ, потомъ предлагаетъ трубку гостю съ вопросомъ: „Что худого?“... Вообще

нужно замѣтить, что калмыки до того любятъ курить, что нерѣдко даже и засыпаютъ съ трубкой во рту. Курять у нихъ не только мужчины, но и женщины, даже дети.

Всѣ домашнія работы у калмыковъ исполняются женщинами: онѣ и одѣжду шьютъ, и кушанье готовятъ, и аркапы вьютъ изъ конскихъ волосъ, и кошмы дѣлаютъ. Мужчины же только охраняютъ стада, да иногда ходятъ на охоту. При такомъ кругѣ занятій у нихъ остается много доеужаго времени, а потому и неудивительно, что они сильно обѣниваются.

Въ общественномъ отношеніи калмыки дѣлятся на роды (хотоны), управляемые старшинами. Нѣсколько родовъ составляютъ улусъ (волость), управляемый [зайсангомъ]. Къ своимъ старшинамъ и зайсангамъ, да и вообще къ старшимъ калмыки относятся съ большимъ уваженіемъ. Совѣты и приказанія ихъ безпрекословно исполняются младшими. Изъ уваженія къ старшимъ, молодой калмыкъ никогда не дерзнетъ въ присутствіи ихъ сѣсть, поджавъ ноги, а только присядеть на колѣни. Равнымъ образомъ онъ никогда не осмѣлится явиться къ старшимъ безъ пояса (быть безъ пояса у калмыковъ значитъ то же, что у европейцевъ — быть безъ сюртука). Въ прежнее время за неуваженіе къ старшимъ виновнаго наказывали ударами на гайки и, кромѣ того, вымазавъ ему лицо углемъ или сажей, водили его, съ таганомъ на шеѣ, по хотону, между юртъ.

Какъ проявленіе общественной жизни, у калмыковъ устраиваются иногда общественные игры: конскія скачки, кулачные бои и т. п. На этихъ играхъ иногда можно услышать протяжное пѣніе калмыковъ и игру на ихъ національномъ двухструнномъ инструментѣ. Нужно вообще замѣтить, что у калмыковъ существует довольно обширная народная литература: пѣсни, сказки и т. п.

Небольшая часть калмыковъ обращена миссионерами въ христіанство, большинство же до сихъ поръ держится ламайства, которое у нихъ, впрочемъ, перепутано со множествомъ севѣрной и предразсудковъ. Кому же они вѣрять въ силу шамановъ и, подобно послѣдователямъ шаманизма, поклоняются горамъ, рѣкамъ и душамъ усопшихъ. Несмотря на то, буддійскіе гелонги (жрецы) имѣютъ у калмыковъ большое значеніе и пользуются огромнымъ вліяніемъ. При каждомъ сколько-нибудь важномъ событии въ семье, напр., при рождении ребенка, при свадьбѣ, похоронахъ и т. п., калмыкъ обязательно обращается къ гелонгу, который совершаєтъ соответственные обряды.

Дѣтей своихъ калмыки воспитываютъ сообразно условіямъ кочевой жизни. Новорожденному, тотчасъ по появлѣнію его на свѣтъ, даютъ кусокъ сала для сосанія; затѣмъ завертываютъ его въ войлокъ и кладутъ въ лульку, похожую на ящикъ. Если родились близнецы, то старшимъ ребенкомъ считается тотъ, который позже появился на свѣтъ. Это воззрѣніе калмыки объясняютъ довольно оригинально. Дѣло въ томъ, что если двумъ братьямъ нужно выйти изъ юрты, то по обычаю долженъ выйти изъ нея сперва младший, отворить дверь и ждать старшаго брата. Такъ и при рождении: кто появился первымъ на свѣтъ, тотъ и младший.

Спустя нѣсколько дней послѣ рожденія ребенка, ему даютъ имя, причемъ родители задаютъ обильное пиршество, и приносится жертвоприношеніе. Изъ пред назначенного для жертвы барана вынимаютъ сердце и часть его кладутъ на жертвенникъ, а кусочекъ — въ ротъ младенца для сосанія...

Какъ только ребенокъ вырастетъ настолько, что бываетъ въ состояніи бѣгать, ему предоставляютъ возможность почти все время быть подъ открытымъ небомъ, и только холода иногда загоняютъ калмыченка погрѣться въ юрту. На девятомъ году сыновья болѣе зажиточныхъ калмыковъ приступаютъ къ изученію грамоты. Когда, наконецъ, калмыкъ становится совершеннолѣтнимъ, отецъ прискиваетъ ему невѣсту. Съ этою цѣлью онъ подъ какимъ-нибудь вымышленнымъ предлогомъѣдетъ въ чужой улусъ и собираетъ свѣдѣнія о тамошнихъ невѣстахъ. Выбравъ изъ числа послѣднихъ понравившуюся ему девушку, онъ снова приѣзжаетъ въ улусъ, но уже вмѣстѣ съ сыномъ, и является къ родителямъ невѣсты. Если послѣднимъ женихъ не нравится, они намеками даютъ обѣ этомъ ему знать, и гости уѣзжаютъ обратно; если же они согласны выдать за него свою дочь, то различными обрядами настолько прочно закрѣпляютъ будущій бракъ, что послѣ этого жениху почти не представляется возможности отказаться отъ него. Если же онъ вздумалъ бы уклониться отъ брака, то нажилъ бы себѣ и своимъ роднымъ непримиримыхъ враговъ въ лицѣ родныхъ невѣсты. Послѣ этихъ предварительныхъ обрядовъ женихъ иногда ждетъ свадѣбы годъ или два. Самый обрядъ бракосочетанія состоить въ томъ, что гелюнгъ, выслушавши согласіе брачующихся, вступить въ бракъ, читаетъ пѣсколько молитвъ, и, взявъ баранью лопатку, срѣзывааетъ съ нея мясо, которое и дѣлить между женщикомъ, невѣстой и родителями ихъ. Мясо медленно сѣбдается, а кость хранится въ юртѣ новобрачныхъ, какъ святыни и залогъ семейнаго счастья.

Разводъ у калмыковъ случается довольно рѣдко. Относительно его можно сказать, что только мужъ имѣеть право требовать развода. Разведенная жена возвращается къ своимъ родителямъ, причемъ беретъ съ собою свое приданое. Дѣти, смотря по уговору, или остаются всѣ у отца, или часть переходитъ къ матери.

По смерти калмыка, семья его перебирается въ другую юрту. Духовныхъ или знатныхъ покойниковъ сожигаютъ, всѣхъ же другихъ зарываютъ въ землю. Трупъ покойника помѣщаютъ въ сидячемъ положеніи, съ поджатыми ногами, на коврѣ, выносить изъ юрты и несуть на мѣсто погребенія или сожжевія. Поминки по покойнику совершаются разъ въ недѣлю въ продолженіе всего траура, длищагося семь недѣль, а затѣмъ одинъ разъ въ годъ въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ.

ТУНГУСЫ.

Тунгусы разбросаны на огромномъ пространствѣ отъ рѣки Енисея до Великаго океана и отъ рѣки Амура до 60° сѣверной широты. На западной сторонѣ этого пространства они соприкасаются съ остыками и самоѣдами, на сѣверной—съ якутами и юкагирами, на сѣверо-восточной и восточной—съ коряками и чукчами, на южной—съ бурятами, калмыками, китайцами, гольдами и гиляками; по главнымъ же, судоходнымъ рѣкамъ они соприкасаются съ русскими, поселившимися на этихъ рѣкахъ.

Всѣхъ тунгусовъ насчитывается до 60 тысячъ человѣкъ. Они относятся къ монголо-манчжурскому племени. Въ давнія времена часть манчжуріи двинулась на сѣверо-востокъ и заняла значительную часть восточной Сибири. Отъ нихъ произошли тунгусы. Въ половинѣ XVII столѣтія они были покорены русскими и вошли въ составъ Российской Имперіи.

Название тунгусовъ одни производятъ отъ слова *кунгу*, что означаетъ короткий полукафтанъ, составляющій обыкновенную одежду тунгусовъ, другіе производятъ отъ китайского слова *тунгу* или *тунху*, означающаго „восточные варвары“, треты же производятъ отъ татарского слова, означающаго „озерные жители“. Сами себя тунгусы называютъ—*овенъ*.

По своему вѣнчному виду тунгусы напоминаютъ то племя, отъ котораго они произошли: они похожи на китайцевъ. Маленькие зоркіе глаза ихъ лежать наискось къ основанию носа, скулы выдавшіяся, лобъ высокій, подбородокъ острый, бороды не бываетъ, а если и бываетъ, то очень жидкая, цветъ лица желтобурый. Нѣкоторые тунгусы татуируютъ свое лицо. Волосы на головѣ тунгусы заплетаются въ толстую косу, которую обвязываютъ ремнемъ, изукрашеннымъ бляхами и бусами; самый конецъ не заплется, а потому торчитъ пучкомъ. Многіе подстригаютъ свои волосы. Ростъ тунгусовъ средній; между ними почти не встрѣчается очень высокихъ или очень низкихъ. Тѣлосложеніе ихъ стройное, они мускулисты, крѣпки и подвижны; толстыхъ между ними почти не бываетъ. Мужчины обыкновенно до глубокой старости сохраняютъ бодрый видъ; женщины же сравнительно рано старѣютъ; подъ старость лицо ихъ покрывается глубокими морщинами и глаза отъ постояннаго дыма въ чумѣ краснѣютъ.

Характеръ тунгусовъ значительно отличается отъ характера другихъ сибирскихъ инородцевъ, особенно инородцевъ финскаго племени. Тунгусы обыкновенно веселы, разговорчивы. Даже голодъ не выводить ихъ изъ состоянія веселаго настроенія духа. Особенно молодыя женщины отличаются этимъ качествомъ. Тунгусы вообще кротки, добродушны; но ихъ кротость и добродушие исчезаютъ, какъ только они выпьютъ стаканъ или два вина. Пьяный тунгусъ неистовствуетъ, всѣхъ быть,

все ломаеть, валяется по земль и, наконецъ, выбившись изъ силъ, засыпаетъ. Тунгусы обладаютъ нѣкоторой долей эстетического вкуса. Въ чумѣ у нихъ соблюдаются нѣкоторый порядокъ, и они любить щеголеватость въ одѣждѣ. Они по природѣ бойки и дѣятельны. Нѣкоторыя тунгуски поступаютъ на зиму въ услугеніе къ русскимъ и работаютъ усердно, не тяготясь тою работой, которую приходится выполнять. Воровство, ложь и обманъ тунгусы признаютъ позорнымъ. Если кто-нибудь обзоветъ тунгуса лжецомъ, то тѣмъ сильно обидитъ его и вызоветъ въ немъ желаніе отомстить за обиду. Случается, что обиженный вызываетъ обидчика на поединокъ. Такъ какъ поединки запрещены закономъ, то они совершаются тайно, гдѣ-нибудь въ лѣсу. Въ прежнее время поединки совершались въ присутствіи старшинъ, которые назначали мѣсто боя и опредѣляли оружіе, посредствомъ котораго онъ долженъ совершиться.

Тунгусы, какъ и другіе инородцы, гостепріимны. Они охотно раздѣляютъ съ гостемъ послѣдній кусокъ мяса. Къ обѣднившимъ сородичамъ они относятся съ со-страданіемъ. Состоятельный тунгусъ проинтиваѣтъ семью обѣднившаго тунгуса и не ставить ему этого въ счетъ. Они смѣлы; нѣкоторые изъ нихъ, съ рогатиной или ружьемъ въ рукѣ, не боятся встрѣтиться съ медведемъ.

Тунгусы обладаютъ отъ природы значительной долей умственныхъ способностей; но эти способности не развиты у нихъ образованіемъ. Тунгусы не считаютъ нужнымъ обогащать себя какими-нибудь знаніями или умѣньями, кромѣ тѣхъ, которыхъ необходимы для добыванія пищи. И слѣдуетъ замѣтить, что въ этой послѣдней области знаній и умѣній они достигаютъ большого совершенства. Гоняясь въ лѣсу за звѣремъ, тунгусъ никогда не заблудится. Каждый камень, каждый пень служитъ указателемъ для его пути. По едва замѣтному слѣду, оставленному звѣремъ на травѣ или мхѣ, тунгусъ вѣрно опредѣляетъ, какой звѣрь пробѣжалъ и давно ли онъ пробѣжалъ. Онъ всегда вѣрно знаетъ путь, по которому нужноѣ ходить, чтобы прибѣти къ назначенному мѣсту.

Счисленіе времени у тунгусовъ свое. Астрономический годъ они раздѣляютъ на два года: лѣтній и зимній. Въ двойномъ году считается 13 мѣсяцевъ или лунныхъ теченій. Новолуние—начало каждого мѣсяца, полнолуние—половина его; первая и послѣдняя четверть дѣлить мѣсяцъ еще на четверти. Каждый мѣсяцъ имѣть свое название по характерному явленію, совершающемуся въ природѣ въ этотъ мѣсяцъ. Такъ, одинъ мѣсяцъ называется „Илкунъ“ (прѣточный), другой—„Иринъ“ (плодоносный) и т. д. Лѣтнѣ тунгусы считасть по тому, сколько разъ онъ платилъ ясакъ. Такъ, кто платилъ ясакъ 20 разъ, тотъ, значитъ, прожилъ 40 лѣтъ: 20 зимнихъ и 20 лѣтнихъ. Нерѣдко тунгусы опредѣляютъ лѣта по ходу въ рекѣ красной рыбы (кеты). Такъ, если тунгусъ хочетъ опредѣлить время какого-либо происшествія, онъ говоритъ: „съ тѣхъ поръ кета проходила пять разъ“ (т.-е. это было пять лѣтъ тому назадъ).

Значительная часть тунгусовъ крещена русскими миссіонерами; но они далеко не прониклись еще христіанскими идеалами и понятіями. Называясь христіанами, они не отрѣшились еще отъ языческихъ вѣрованій. Случается тунгусу быть въ городѣ, гдѣ есть русская церковь, онъ идетъ въ нее и, стоя въ ней, часто крестится; но чуть только возвратится въ лѣсъ, онъ при всякой надобности обращается за помощью къ шаману. Каждый тунгусъ, кромѣ христіанского имени, даннаго ему

при крещеніи, имѣть еще одно или два имени, изъ которыхъ одно дано ему шаманомъ или родителями и обозначаетъ обстоятельства, при которыхъ онъ родился, а другое обозначаетъ какое-нибудь качество его характера; это послѣднее имя дается тунгусу въ томъ возрастѣ, въ которомъ выясняются отличительные черты характера лица. Въ воспріемники при крещеніи дѣтей тунгусы охотно приглашаютъ русскихъ; они считаютъ своею обязанностью дарить что-нибудь крестному отцу или крестной матери; но и сами они охотно принимаютъ отъ нихъ подарки.

Тунгусы-язычники имѣютъ самыя смутныя и сбивчивыя религиозныя понятія. Доброе божество они называютъ „Боа“, дьявола или злое божество — „Буги“, а идолослужителей и кудесниковъ — шаманами. Въ жертву богамъ они приносятъ мясо, шкуры или какія-нибудь тряпицы.

Незначительная часть тунгусовъ исповѣдуетъ ламайскую религию; они имѣютъ свои кумирни, гдѣ ламы совершаютъ богослуженіе. Религія эта заимствована тунгусами отъ бурятъ и китайцевъ.

Тунгусы раздѣляются на роды. Каждый родъ производить свое происхожденіе отъ какого-нибудь родоначальника, прославившагося храбростью, или силой, или многочисленностью своихъ оленей, или же многочисленностью своихъ дѣтей. Весь родъ называется по имени своего родоначальника. Всѣ члены одного рода считаются между собою въ родствѣ.

Для каждого рода указано мѣсто, куда члены его должны вносить подать (ясакъ). Ясакъ вносится или шкурками дикихъ звѣрей, или деньгами, если это послѣднее тунгусъ находить для себя болѣе удобнымъ.

Каждый родъ выбираетъ своихъ старшинъ (зайсановъ, шуленговъ), которые решаютъ менѣе важныя дѣла. Въ спорныхъ дѣлахъ тунгусы прибегаютъ къ присягѣ по языческому обряду. Присягающій береть ножъ и, размахивая имъ противъ солнца, произносить: „Если я виноватъ, то пусть солнце величъ всѣмъ болѣзнямъ разметать мои внутренности, какъ я размахиваю этимъ ножомъ“. Присяга дается также и въ такой формѣ: обвиняемый восходить на гору, почитаемую тунгусами священною, и произносить: „Если я виноватъ, то да постигнетъ меня или всѣхъ моихъ дѣтей смерть, и да лишусь я скота и не буду никогда счастливъ ни на звѣрикѣ, ни на рыбномъ промыслѣ“. Самая сильная присяга дается такъ: убиваютъ собаку; обвиняемый береть изъ нея каплю крови и произносить: „Если я говорю неправду, то да погибну, сгорю или изсохну, какъ эта собака“.

Нѣкоторые изъ тунгусовъ, живущихъ въ мѣстахъ, изобилльныхъ лѣсомъ, имѣютъ для своего жилища бревенчатыя избушки; но въ этихъ избушкахъ они живутъ только зимою; съ наступлениемъ же лѣта они покидаютъ ихъ и переселяются въ чумы, представляющіе значительные удобства при кочевомъ образѣ жизни. Въ чумахъ же живутъ весь годъ тѣ тунгусы, которые не имѣютъ возможности обзавестись зимней избушкой. Тунгусскіе чумы большою частью похожи на чумы самоѣдовъ; нѣкоторые же изъ нихъ имѣютъ видъ трехгранной призмы, поставленной на землю четырехугольною стороною. Покрываются они полосами бересты, сшитыми оленными жилами или конскими волосами. Береста, предназначенная для покрышки чума, предварительно варивается, отчего дѣлается гибкой, такъ что ее можно свернуть въ трубку. Дверью въ чумѣ служить отверстіе между двумя жердями; оно завѣшивается берестовыми наметами, который можно то поднимать, то опускать.

Домашний скарбъ тунгусовъ — не великъ. Да имъ и неудобно, при кочевомъ образѣ жизни, обзаводиться лишними вещами. Мѣдный или чугунный котель, двѣ-три деревянныя или берестовыя миски, лыжи, топоръ, оружіе, снасти для звѣринаса или рыбаго промысла — вотъ и все, что можно видѣть въ каждомъ чумѣ. Одежда и болѣе цѣнныя тунгусскія вещи хранятся въ берестяныхъ, обшитыхъ оленьей шку-
рой и изукрашенныхъ узорами ящикахъ.

Одежда тунгусовъ отличается вычурностью; они носятъ короткій, выше колѣнъ, изъ оленьяго мѣха кафтанъ; онъ надѣвается шерстью наружу и плотно обхватываетъ станъ. Спереди кафтанъ застегивается стеклянными пуговицами, только грудь остается открытой. На груди тунгусы носятъ ожерелье изъ бусъ и металлическихъ пласти-

покъ. Зимой они закрываютъ грудь передникомъ изъ оленьей шкуры; передникъ этотъ часто бываетъ украшенъ бисеромъ, бѣльчими хвостиками и отороченъ козымъ мѣхомъ. На головѣ лѣтомъ носятъ повязку или чепецъ, а зимою мѣховую шапку съ различными украшениями. На руки надѣваютъ замшевые, собственнаго издѣлія, перчатки. Ноги зимою обуваютъ въ высокіе охотничіе сапоги, а лѣтомъ ходятъ босикомъ или въ кожаныхъ лаптяхъ. Каждый тунгусъ носить за плечами винтовку въ чехлѣ; за поясомъ у него виситъ конскій хвостъ, прикрепленный къ тоненькой, коротенькой ручкѣ; онъ служить для отмахиванія отъ комаровъ и мухъ. Для той же цѣли тунгусы имѣютъ иногда привязанный къ шеѣ горшочекъ съ тѣлоющимъ ги-
лымъ деревомъ; горшочекъ этотъ виситъ то спереди, то сзади, смотря по напра-
влению вѣтра. На спинѣ тунгуса нерѣдко виситъ небольшая дощечка, къ которой привязываются сѣбѣстные припасы, одежда и вещи, необходимыя при охотѣ.

Одежда тунгусовъ отличается отъ одежды тунгусовъ изобилиемъ украшений. Нужно замѣтить, что какъ тунгусы, такъ и преимущественно тунгуски любятъ щеголять своею одеждой.

Тунгусы, живущіе вблизи русскихъ, сдѣлались осѣдлыми и занимаются такими

же промыслами, какъ и крестьяне. Всѣ же остальные тунгусы ведутъ кочевой образъ жизни и, находя его самымъ пріятнымъ, не соглашаются перемѣнить его на осѣдлый образъ жизни. Иногда нужда заставляетъ ихъ поступать въ услуженіе къ русскимъ; но они служатъ только до начала весны. Какъ только начинается весна, ихъ неудержимо влечетъ изъ деревни или города въ родные лѣса и степи.

Кочевые тунгусы занимаются оленеводствомъ или звѣроловствомъ.

Оленеводы, получая отъ оленей все имъ, необходимое — и пищу, и одежду, и постель, — заботливо относятся къ сохраненію своихъ стадъ. Нѣкоторые тунгусы до такой степени дорожатъ своими оленями, что только крайняя нужда можетъ побудить ихъ заколоть оленя. Во время перекочевокъ тунгусы перевозятъ своихъ женъ и дѣтей, а равно и свое имущество на спинѣ оленей. Сѣдло, безъ стремянъ, помѣщается близко къ переднимъ лопаткамъ оленя. Вместо узды, обязываютъ морду оленя, выше рта, ремнемъ, конецъ которого Ѵзодокъ держитъ въ одной руцѣ, а въ другой онъ держитъ палку, которую употребляютъ для поддержанія равновѣсія.

Тунгусы-звѣроловы неутомимо и съ любовью охотятся на звѣрей. Несется зимой тунгусъ на своихъ длинныхъ лыжахъ по снѣгу, замѣчаетъ крупного звѣря и преслѣдуетъ его. Звѣрь проваливается и завязаетъ въ глубокомъ снѣгу, а охотникъ настигаетъ его и бѣть изъ винтовки или копѣемъ, а иногда и просто палкой. Убивши звѣря, онъ отрѣзаетъ кусокъ мяса, а остальное зарываетъ поглубже въ снѣгу. Отрѣзанное мясо несетъ онъ къ себѣ въ чумъ, где давно уже ждетъ его голодная семья. Утоливши голодъ, семья снимаетъ чумъ и перекочевываетъ поближе къ тому мѣсту, где зарыто съѣстное. Здѣсь остаются до тѣхъ поръ, пока не сѣдятъ весь запасъ, послѣ чего перекочевываютъ на новое мѣсто.

Лѣтомъ тунгусы на горахъ охотятся за изюбрами. Изюбы относятся къ породѣ олений и мыслятъ ежегодно рога. Завидѣвшіи на горѣ изюбра, тунгусъ съ величайшимъ терпѣніемъ выслѣживаетъ его: онъ незамѣтно подползаетъ къ нему изъ подвѣтренной стороны на ружейный выстрѣлъ и убиваетъ его. Мясо изюбра идетъ въ пищу тунгусамъ, а рога его идутъ въ продажу китайцамъ, которые пользуются ими какъ лѣкарствомъ.

Кромѣ сказаннаго, у каждого тунгуса-охотника поставлено бывать нѣсколько самолововъ, западней, которые онъ отъ времени до времени обходитъ и выбираетъ попавшихъ звѣрей. Относительно охоты установились у тунгусовъ известные обычай, которые строго соблюдаются. Такъ, если охотникъ преслѣдуетъ звѣря и ранитъ его, а другой его добьетъ, то шкура и мясо его принадлежать тому, кто первый ранилъ его. Если же охотникъ, не ранивши звѣря, преслѣдуетъ его, а другой между тѣмъ его убьетъ, то шкура и мясо его дѣлится между ними пополамъ. Каждый родъ охотится въ своемъ округѣ. Если звѣрь, выслѣженный охотникомъ въ своемъ округѣ, перебѣжитъ въ чужой округъ, то охотникъ можетъ преслѣдоввать его и здѣсь. Но ему въ этомъ случаѣ принадлежать только мясо убитаго имъ звѣря, а шкуру онъ долженъ отдать владѣльцамъ округа. Исключеніе допускается при томъ условіи, если охотникъ въ своемъ округѣ напалъ на слѣдъ хищнаго звѣря — медвѣдя или волка: тогда онъ можетъ преслѣдовывать его чрезъ два или даже три округа и оставить у себя шкуру.

Тунгусы имѣютъ условные охотничіе знаки, которые строго соблюдаются всѣми. Срубленное деревцо, въ которое воткнута стрѣла остріемъ внизъ, означаетъ, что

поставленъ самострѣль. Если стрѣла воткнута наискось, остріемъ кверху, это служить знакомъ, что охотникъ отошелъ на далекое разстояніе. Ущемленный сучокъ означаетъ близость охотника; вѣтвь, положенная поперекъ дороги,—запрещеніе сѣдовать далѣе въ этомъ направленіи.

Охотятся тунгусы также и за птицами. Бродитъ тунгусъ по болотамъ или разѣзжаетъ по озерамъ и убивать ружьемъ или копьемъ и ловить сѣтями безчисленное множество птицъ, отъ которыхъ пользуется и мясомъ, и перомъ, и пухомъ.

Со вскрытиемъ рѣкъ значительная часть тунгусовъ принимается за рыболовство. Разѣзжаетъ тунгусъ по рѣкамъ въ своей легкой берестиной лодкѣ и, увидѣши крупную рыбу, бѣсть ее острогой. Ловятъ тунгусы рыбу также самоловами, которые устраиваются такъ: на длинный канатъ привязываютъ тоненькия веревочки съ острыми крючками. Канатъ этотъ перетягиваютъ поперекъ рѣки; по концамъ его прицепляютъ тяжести, а посрединѣ—берестянные поплавки и длинные палки изъ легкаго дерева. Теченіе воды уносить маленькия веревочки съ крючками, и онѣ, находясь на аршинѣ отъ ся поверхности, шевелятся и зацепляются за проходящую мимо рыбу. Время отъ времени подѣзжаетъ тунгусъ и снимаетъ съ крючковъ рыбу. Во время перехода омулей (рыбы) изъ Байкальскаго озера въ нѣкоторыя рѣки, тунгусы ставятъ въ этихъ рѣкахъ загородки, оставляя въ нихъ небольшое отверстіе. Чрезъ это отверстіе проходить такое множество рыбы, что тунгусы корзинами берутъ ее и бросаютъ на берегъ, гдѣ ее и подбираютъ.

Ловятъ рыбу также удочками и сѣтями, сдѣланными изъ оленыхъ жилья и ремешковъ.

Между тунгусами-кочевниками встрѣчаются хороши кузнецы. Кочуетъ тунгусъ-кузнецъ и возить съ собою кузничные инструменты: наковальню, мѣхъ, клещи и т. п. Если понадобилось поработать, тунгусъ складываетъ нѣсколько камней для огня, пристраиваетъ мѣхъ, ставить наковальню и куетъ, сидя на землѣ. Стрѣлы, копья, остроги и т. п. вещи, выходящія изъ его импровизированной мастерской, бывають не хуже тѣхъ, которыя выходятъ изъ настоящей кузничной мастерской.

Принявши на себя такія занятія, которыя требуютъ силы и ловкости, какъ, напр., звѣроловство и рыболовство, мужчины всецѣло возложили на женщины занятія по домашнему хозяйству. Женщины ставятъ чумъ, выдѣлываютъ кожи, шьютъ одежду, приготовляютъ бересту для чума и членока, запрягаютъ оленей, готовятъ пищу и водятся съ дѣтьми. Маленькихъ дѣтей своихъ тунгуски держать въ берестовыхъ, обшитыхъ кожею колыбеляхъ. Колыбели эти имѣютъ форму кибитокъ. На дно такой колыбели насыпаютъ труху отъ гнилого дерева, кладутъ кожу и помѣщаютъ въ полусидячемъ положеніи ребенка. Для того, чтобы головка его не билась объ изголовье колыбели, въ пемъ дѣлаютъ отверстіе. При перекочевкахъ колыбель съ младенцемъ помѣщается на спину оленя. Женщины, водясь съ своими дѣтьми, оказываются больше вниманія девочкамъ, чѣмъ мальчикамъ. Тунгуски говорять, что девочкамъ только и жить, пока онѣ малы; вырастутъ, тогда должны будутъ безустанно работать на мужчинъ.

Выдавая свою дочь замужъ, родители получаютъ за нее калымъ, въ размѣрѣ отъ 10 до 60 и болѣе оленей или известное количество рыбы, мѣховъ и другихъ вещей, нужныхъ въ хозяйствѣ. Родители невѣсты даютъ за нею приданое, которое

обыкновенно бываетъ меньше калыма. Невѣста дарить жениху платье, которое свидѣтельствуетъ обѣ умѣніи ея выдѣлывать кожи и шить платье. Если постѣ говора и уплаты калыма женихъ почему-нибудь откажется жениться на своей невѣстѣ, то, по обычаю, уплаченный имъ калымъ не возвращается ему, а остается у невѣсты или у ея родителей. Если же невѣста откажется выйти за жениха или родители ея не пожелаютъ ее выдать за него, то уплаченный калымъ возвращается жениху. Если постѣ уплаты калыма женихъ умретъ, то на его невѣстѣ можетъ жениться одинъ изъ его братьевъ или родственниковъ, не уплачивая калыма; при этомъ требуется, чтобы женихъ былъ не старѣе двадцати и не моложе десяти годами невѣсты. Если же до брака умретъ невѣста, то двѣ трети уплаченного за нее калыма возвращаются жениху, а треть остается у родителей покойной невѣсты.

Случается, что вмѣсто уплаты калыма тунгусы обмѣниваются дочерьми, такъ что дочь одного тунгуса выходить за сына другого, а дочь этого постѣдняго выходить за сына первого.

На свадѣбѣ тунгусы угощаютъ родныхъ и знакомыхъ. Увеселенія во время свадебъ и празднествъ состоятъ въ разсказахъ о вымышленныхъ происшествіяхъ, въ пѣсняхъ и пляскѣ подъ трехструнную скрипку (курѣ); кромѣ того, мужчины бѣгаютъ взапуски, скачутъ на лошадяхъ, стрѣляютъ изъ луковъ и т. п.

Покойниковъ тунгусы погребаютъ на мѣстѣ ихъ кончины. Случается, что они не погребаютъ покойника, а вѣшаютъ его въ берестовомъ или деревянномъ ящикѣ на деревѣ. Постѣ похоронъ родственники покойнаго приносятъ и ставятъ на его могилу пищу и питье.

Пищей для тунгусовъ служить все, что имъ случится добыть. Они пытаются не только олениной, рыбой или кониной, но также ёдять мясо дикихъ звѣрей, ласточекъ, мышей и т. п.; не брезгаютъ даже и падалью. Сырого мяса они не ёдять, но варить его или жарить, держа надъ огнемъ на деревянномъ рожнѣ. Сало ёдятъ горстями безъ хлѣба. Соли не употребляютъ, а если и употребляютъ, то очень мало. Пищей служатъ также ягоды, растущія по тундрѣ, и кореня, вырываемые въ изобильномъ количествѣ изъ норъ особаго рода мышей. Изъ брускини и рыбьей икры они дѣлаютъ тѣсто, идущее въ пищу. Ягоды черемухи они толкуютъ, мѣшаютъ съ масломъ и дѣлаютъ лепешки, которыя сушатъ на огнѣ и ёдять. Хотя земледѣльцы они не занимаются, однако любятъ русскій хлѣбъ и нерѣдко отдаютъ пудъ рыбы за пудъ ржаной муки. Кромѣ хлѣба, изъ муки они дѣлаютъ особаго рода похлебку съ саломъ. Главнымъ напиткомъ ихъ служить кирпичный чай. На зимніе мѣсяцы они заготовляютъ мясо, рыбу, ягоды, ягодные лепешки и коренья. Запасъ хранить отчасти въ вырытыхъ въ землѣ погребахъ, отчасти въ небольшихъ чуланахъ, которые, для защиты отъ звѣрей, строятся на высокихъ подставкахъ.

Во время ёды тунгусы сидятъ на землѣ, подобравши подъ себя ноги.

Какъ всѣ дикари, тунгусы любятъ пить водку и курить табакъ и за небольшое количество того или другого готовы отдать часть своего зимнаго запаса рыбы или мяса. Табакъ тунгусы смѣшиваютъ съ мхомъ или толченой сосновою корою и курить эту смесь изъ небольшихъ китайскихъ трубочекъ. Курять какъ мужчины, такъ и женщины.

Къ тунгусамъ относится нѣсколько однородныхъ съ ними племенъ, носящихъ особыя названія и представляющихъ нѣкоторыя особенности въ своемъ бытѣ, сообразно мѣстнымъ условіямъ. Къ такимъ племенамъ относятся *орочоны*, встрѣчающіеся по бассейну верхней части Амура. Лѣтомъ они занимаются рыболовствомъ, а зимою—охотой. Орудіемъ для охоты служить у нихъ ружье. Бѣдять они большою частью на оленяхъ, которыхъ разводятъ въ значительномъ количествѣ. (Название „орочоны“ производятъ отъ слова „оронъ“—олень). Большая часть орочонъ крещены.

На востокѣ отъ орочонъ живетъ тунгусское племя—*манегры*. Они мало чѣмъ отличаются отъ орочонъ. Еще восточнѣе, по близости къ Охотскому морю, живутъ *ламуты*, получившіе свое название отъ слова *ламъ*—море.

Между названными племенами встрѣчаются по бассейну Амура *чуваши*, *карагасы*, *дауры*, *мангуны* и другія племена, родственныя тунгусамъ. Всѣ эти племена очень малочислены и близки къ полному исчезновенію.

VII.

ГИЛЯКИ, ГОЛЬДЫ, АЙНОСЫ И КОРЕЙЦЫ.

На пространствѣ, прилегающемъ къ низовью Амура и Уссури, Татарскому проливу и на островѣ Сахалинѣ живутъ инородцы: *гиляки*, *гольды*, *айносы* и *корейцы*.

Гиляки, въ числѣ 2500 человѣкъ, населяютъ преимущественно низовье Амура, побережье Татарского пролива и сѣверную часть Сахалина. Они обладаютъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ; лицо ихъ широкое, съ выдавшимися скулами, приплюснутымъ носомъ, маленькими глазами и толстыми губами; голова ихъ покрыта густыми, черными волосами, борода ихъ гуще, чѣмъ у тунгусовъ.

Главное ихъ занятіе — рыболовство и охота; рыболовствомъ они занимаются лѣтомъ, а охотой — зимою; сообразно съ этимъ, лѣто они проводятъ въ легкихъ юртахъ, на берегу рѣки или моря, а зиму — въ землянкахъ или хижинахъ, устраиваемыхъ въ лѣсу. Отъ рыбной ловли они имѣютъ и пищу, и одежду; шкурки убитыхъ звѣрей они продаютъ русскимъ.

Вслѣдствіе вліянія русскихъ, поселившихся по Амуру, гиляки замѣтно теряютъ свои национальныя особенности и перенимаютъ обычай и образъ жизни поселенцевъ. Многие изъ нихъ, въ подражаніе русскимъ, стали заниматься земледѣлемъ, а нѣкоторые даже приняли крещеніе; но это послѣднее обстоятельство не мѣшаетъ имъ принимать участіе въ языческомъ празднике въ честь медведя. Пойманнаго медведя

откармливают и затѣмъ въ назначенный день набрасываютъ на его шею желѣзное кольцо съ двумя цѣпями и уводятъ въ лѣсъ, гдѣ привязываютъ къ двумъ вблизи одно отъ другого стоящимъ деревамъ. Выходятъ стрѣлки и пускаютъ въ него стрѣлы. Убивши его, снимаютъ икуру, а тушу жарятъ и начинаютъ пировать.

Подобно другимъ инородцамъ, гиляки покупаютъ себѣ жену. Случается, что отецъ покупаетъ своему малолѣтнему сыну дѣвочку лѣтъ трехъ-четырехъ и до совершеннолѣтія воспитываетъ ее вмѣстѣ со своимъ сыномъ.

Покойниковъ своихъ гиляки или сжигаютъ, или вѣшаютъ на деревьяхъ, или же помѣщаютъ на особо устроенной помостѣ, невдалекѣ отъ избушекъ или землянокъ.

Гольды, въ числѣ около 3 тысячъ человѣкъ, живутъ по Амуру и Уссури, западнѣе гиляковъ. Жилищемъ ихъ служатъ фанзы. Нѣсколько фанзъ составляютъ селеніе. Лѣтнія фанзы обыкновенно строятся изъ тальника и обтягиваются холстомъ или кошмой; ставятся онѣ вблизи рѣки или озера. На зиму гольды переселяются въ зимнія фанзы или землянки, устраиваемыя въ лѣсу.

Одежду гольдовъ составляетъ длинная рубаха изъ цветной матеріи, штаны китайского покроя, куртка изъ звѣриной или рыбьей кожи, а зимой—изъ козульяго мяча и туфли. Лѣтомъ, для предохраненія себя отъ мошекъ и комаровъ, гольды надѣваютъ на голову капюшонъ, покрывающій все лицо, кроме глазъ, носа и рта.

Подобно гилякамъ, гольды лѣтомъ занимаются рыболовствомъ, а зимой—охотой. Рыбу и шкурки пушныхъ звѣрей они привозятъ, — лѣтомъ на лодкахъ, а зимой на собакахъ,—въ русскія селенія для продажи.

Гольды любятъ животныхъ, и фанзы или избушки ихъ почти всегда бываютъ окружены собаками и свиньями, которыхъ кормятся, какъ и хозяева, рыбой, свѣжей или выленой; тутъ же нерѣдко можно видѣть на привязи или взаперти дикихъ звѣрей или птицъ, которыхъ они вскармливаютъ и даже приручаютъ.

Гольды миролюбивы и кротки. Бракъ у нихъ заключается по договору родителей брачущихся. Обычай дозволяетъ имъ имѣть болѣе одной жены; первая жена всегда считается старшей. Умершихъ они хоронятъ въ кедровыхъ гробахъ, зарывая ихъ въ землю аршина полтора глубины. По умершемъ совершаютъ поминки. Отецъ пользуется въ своей семье неограниченной властью; послѣ его смерти главою семьи становится старший сынъ, и остальные члены семьи обязаны подчиняться ему.

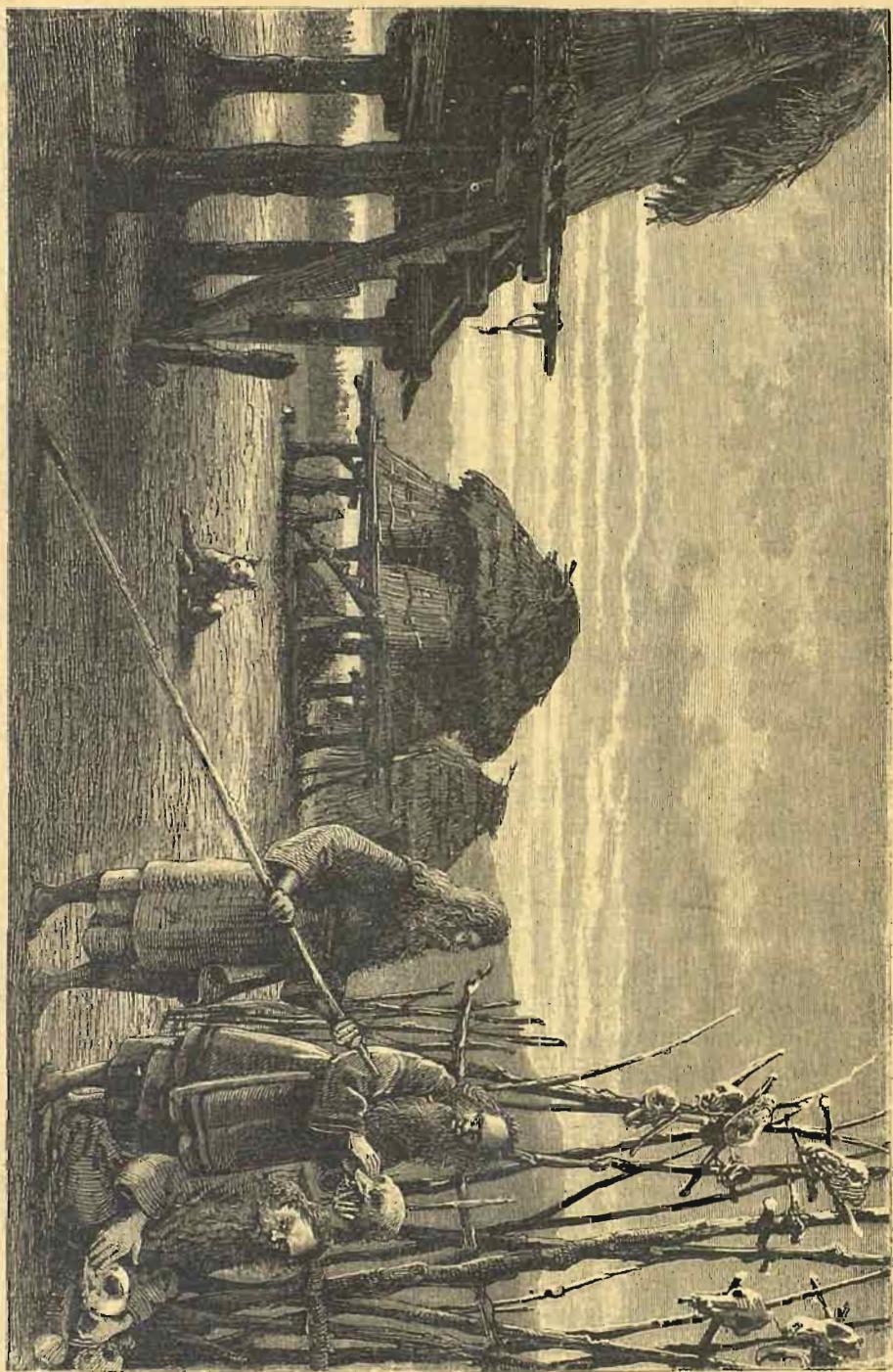
Гольды, подобно гилякамъ, замѣтно измѣняются подъ влияніемъ русскихъ, перенимая черты ихъ быта и жизни.

Айносы, или *курильцы*, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, живутъ въ южной части острова Сахалина. Они имѣютъ продолговатое плоское лицо, обрамленное густыми, длинными, черными волосами. Бородой своей они особенно дорожатъ. Мужчины имѣютъ болѣе благообразный видъ, чѣмъ женщины; тѣ и другія иногда татуируютъ себя.

Жилищемъ айносовъ служить зимою — землянка, а лѣтомъ — камышевая или тростниковая хижина.

Айносы, живущіе на берегу моря, занимаются ловлей рыбы и морскихъ животныхъ. Занимаясь своимъ промысломъ, они на легкихъ байдарахъ переѣзжаютъ съ острова на островъ. Живущіе вдали отъ морского берега занимаются охотой на

медвѣдей, оленей, лисицъ и другихъ звѣрей. Если имъ удастся вынуть изъ медвѣжьей берлоги медвѣжатъ, они ихъ вскармливаютъ и на шестомъ мѣсяцѣ ихъ

жизни убиваютъ, подобно гилякамъ, съ соблюденіемъ религіозныхъ церемоній. Мясо съѣдаются, а голову втыкаютъ на кольо предъ землянкой или хижиной, дабы она

служила стражемъ ся. Вздѣваютъ на шесть также и головы убитыхъ оленей и другихъ крупныхъ звѣрей.

Пищѣй айносовъ служить рыба, мясо морскихъ животныхъ и дикихъ звѣрей. Одежда ихъ шьется изъ шкуръ пушныхъ и морскихъ звѣрей.

Религія некрещеныхъ айносовъ состоитъ въ поклоненіи предметамъ видимаго міра: солнцу, огню, водѣ и т. п. Лѣса и воды населены, по ихъ вѣрованію, особыми духами.

Множенство хотя и допускается, однако рѣдко случается. Близкіе родственники не вступаютъ между собою въ бракъ. Женщина пользуется въ домѣ большими

значеніемъ, чѣмъ у другихъ инородцевъ; на нее, впрочемъ, взвалена большая часть домашней работы.

Корейцы, въ числѣ около 7 тысячъ человѣкъ, живутъ селеніями по берегамъ низовья Амура и Уссури. Они переселились съ полуострова Кореи. Корейскія селенія состоять изъ фанзъ, расположенныхъ одна отъ другой въ разстояніи отъ 100 до 300 шаговъ. Фанзы ихъ какъ по наружному, такъ и по внутреннему устройству похожи на китайскія фанзы. Около фанзъ находятся огороды и поля, на которыхъ корейцы сѣютъ преимущественно просо, ячмень, фасоль, а также и въ маломъ количествѣ, картофель, табакъ, кукурузу, конопель. Изъ огородныхъ овощей они разводятъ огурцы, тыквы, рѣдьку, рѣпку и т. п. Полевые работы они исполняютъ преимущественно на быкахъ и коровахъ; земледѣльческія орудія ихъ первобытного устройства.

Незначительная часть корейцевъ занимается охотой. Мѣхѣ убитыхъ звѣрей они продаютъ русскимъ или китайцамъ и на вырученныя деньги приобрѣтаютъ порохъ, соль, табакъ и вообще все, необходимое для нихъ.

Многіе корейцы занимаются также рыболовствомъ. На длинныхъ байдарахъ, бока которыхъ обложены соломой, корейцы-рыболовы привозятъ въ городъ рыбу, для продажи русскимъ.

Впѣшнимъ видомъ корейцы похожи на китайцевъ. Подобно послѣднимъ, они носятъ длинныя косы. Красота волосъ составляетъ предметъ щегольства корейцевъ. Женщины, имѣющія короткіе волосы, прицѣпляютъ фальшивыя косы. Одежда корейцевъ состоитъ изъ полотняныхъ или кожаныхъ шароваръ и халата съ широкими рукавами. На головѣ носятъ черную шляпу съ широкими полями. Женщины носятъ кофты и юбки.

Корейцы добродушны, трудолюбивы, гостепріимны и скоры на дружбу. Серьозные и сдержанніе въ присутствіи чужихъ, они охотно сбрасываютъ съ себя обычный важный видъ въ обществѣ друзей. Многіе изъ нихъ приняли крещеніе; некрещеные исповѣдуютъ ламайскую религию.

VIII.

ЮКАГИРЫ.

Югакиры — монгольского происхождения; они живут въ северо-восточной Сибири, по берегу Ледовитаго океана, между реками Яною и Колымою.

Въ прежнія времена юкагировъ было довольно много, „какъ звѣзды на небѣ“, какъ они выражаются; но осна и другія заразныя болѣзни значительно уменьшили число ихъ; въ настоящее время ихъ насчитывается только до 1400 человѣкъ.

Юкагиры — средняго роста, стройны; они имѣютъ продолговатое, довольно правильное смуглое лицо; волосы и глаза ихъ большою частью черны. Волосы на головѣ они или распускаются отъ средины темени въ стороны, или собираются назадъ въ пучокъ и связываютъ ремнемъ. Дѣвушки обвязываютъ свои волосы медными пуговицами, серебряными монетами и узенькими суконными полосками. Замужнія женщины не носятъ этихъ украшений на волосахъ.

Одежда юкагировъ дѣлается изъ пикуль оленей и дикихъ звѣрей. Верхняя ихъ одежда (малица) бываетъ украшена медными пуговицами. Женщины имѣютъ на верхней одеждѣ откидной воротникъ изъ соболя или росомахи, а мужчины имѣютъ стоячій воротникъ изъ какого-нибудь болѣе дешеваго меха. На голову мужчины надѣваютъ меховую шапку, а женщины повязываютъ голову платкомъ.

Большинство юкагировъ крещены, но у нихъ сохранились еще многіе языческіе обряды и вѣра въ шамановъ.

По образу жизни юкагиры раздѣляются на осѣдлыхъ и кочевыхъ. Осѣдлые живутъ въ бревенчатыхъ избушкахъ. Надѣво отъ входа въ избѣ помѣщается чуваль, или очагъ, на которомъ почти безпрерывно горить огонь; въ одномъ изъ угловъ ея помѣщаются образа; по стѣнамъ развѣшивается оружіе; посрединѣ стоитъ большой столъ, а по стѣнамъ вдѣту широкія лавки; на полкахъ разставляется домашняя посуда. Кочевые юкагиры живутъ въ чумахъ, похожихъ на чумы самоѣдовъ и тунгусовъ, или въ землянкахъ, покрытыхъ дерномъ, землей и снѣгомъ. Избушки и землянки отапливаются и осѣщаются моржовымъ жиромъ.

Юкагиры привѣтливы и гостепримны. Характеръ ихъ большою частью веселый, беззаботный; они любятъ музыку и пѣніе. Почти въ каждой избѣ или въ каждомъ чумѣ можно видѣть балалайку — инструментъ въ родѣ скрипки, на которой кто-нибудь изъ членовъ семьи играетъ. Они часто поютъ; голоса ихъ нерѣдко чисты и пріятны, но въ напѣвахъ ихъ есть „что-то особенное, неправильное и дикое, даже непріятное для непривыкшаго слуха“. Они большою частью импровизируютъ какъ напѣви, такъ и слова пѣсень, при чемъ женщины поютъ большою частью обѣ отсутствующемъ другѣ, а мужчины — обѣ охотѣ, о своей отвагѣ, силѣ и т. п.

Кромѣ пѣнія, юкагиры любятъ также рассказывать о событияхъ въ своей жизни, о похожденияхъ и подвигахъ своихъ предковъ и т. п.

Въ пѣніи и рассказахъ они проводятъ свое досужее время.

Изъ бытовыхъ обрядовъ юкагировъ обращаютъ на себя вниманіе обряды при свадьбѣ. Условившись о размѣрѣ калыма за невѣсту, родственники и сваты убиваютъ оленя и пируютъ. На слѣдующій день невѣста одѣвается въ свой лучший нарядъ и покрываетъ кускомъ матери свое лицо. Мать или другая женщина отвозитъ ее въ чумъ жениха. Тамъ встрѣчаетъ ее мать или родственница жениха, снимаетъ съ нея покрывало и усаживаетъ подлѣ жениха. На другой день послѣ свадьбы молодая сбрасываетъ съ своихъ косъ девичьи украшенія и уже больше не надѣваетъ ихъ.

Иногда за невѣстой привозятъ сватъ. Онъ садится у очага, закуриваетъ трубку и, не говоря ни слова, подаетъ невѣстѣ колчанъ съ стрѣлами; она передаетъ его своему отцу, а сама бросается изъ чума; ее ловятъ, будто насилино садятъ въ нарту и везутъ въ чумъ жениха.

Главное занятіе юкагировъ состоитъ въ оленеводствѣ, охотѣ и отчасти рыболовствѣ.

Охота за дикими оленями по преимуществу обеспечиваетъ продовольствіе юкагировъ. Отъ оленей они имѣютъ и пищу, и одежду. Кромѣ того, они искусно вытѣзываютъ шкуры оленей и промѣниваютъ ихъ русскимъ на посуду, оружіе и т. п. предметы.

Охота на оленей производится главнымъ образомъ при переходѣ ихъ съ береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана на югъ и обратно. Врангель въ описаніи своего путешествія подробно изображаетъ охоту юкагировъ на оленей. Когда онъ прибылъ въ Плотбище, все собранное тамъ народа населеніе находилось, говорить онъ, въ мучительномъ ожиданіи, и отъ всякаго привѣзающаго спрашивали евѣдьмій о ходѣ оленей. Наконецъ, разнесся слухъ, что первыя многочисленныя стада оленей показались въ долинѣ, къ сѣверу отъ рѣки Аниа. Мгновенно всѣ, кто только могъ управлять весломъ, бросились въ лодки и спѣшили укрыться въ изгибахъ и обрывахъ высокихъ береговъ, гдѣ промышленники обыкновенно поджидаются свою добычу.

Переходы оленей достойны замѣчанія. Въ счастливые годы число ихъ простирается до многихъ тысячъ, и нерѣдко занимаютъ они пространство отъ 50 до 100 верстъ. Хотя олени всегда ходятъ особыми стадами, по 200 и по 300 головъ каждое, но такія отдельнія стѣдуютъ столь близко одно отъ другого, что составляютъ одно огромное стадо. Для переправы олени обыкновенно спускаются къ рѣкѣ по руслу высохшаго или маловодного притока, выбрали мѣсто, гдѣ противолежащий берегъ отлогъ. Сначала все стадо стѣсняется въ одну густую толпу, и передовой олень, съ немногими, сильнейшими товарищами, выходитъ наѣсколько шаговъ впередъ, подымая высоко голову и осматривая окрестность. Уѣрившись въ безопасность, передніе скачутъ въ воду; за ними кидается все стадо, и въ наѣсколько минутъ вся поверхность рѣки покрывается плывущими оленями. Тогда бросаются на нихъ охотники, скрывавшіеся на своихъ лодкахъ за камнями и кустарниками, окружаютъ ихъ и стараются удержать. Между тѣмъ наѣсколько опытнейшихъ промышленниковъ, вооруженныхъ копьями и длинными ножами, врываются въ

стадо и съ певѣроятной скоростью убиваютъ плывущихъ оленей. Обыкновенно одного удара довольно для умерщвленія животнаго, или нанесенія ему столь тяжелой раны, что оно можетъ доплыть только до противоположнаго берега.

Охота на оленей сопряжена для охотниковъ съ большою опасностью. Маленькая лодка ихъ ежеминутно подвергается опасности разбиться или опрокинуться, среди густой, беспорядочной толпы оленей, всячески защищающихся отъ преслѣдователей. Самцы кусаются, бодаются и лягаются, а самки обыкновенно стараются вскочить передними ногами въ лодку, чтобы потопить или опрокинуть ее. Если имъ удастся опрокинуть лодку — гибель охотника почти неизбѣжна. Онъ можетъ спастись, только ухватившись за сильнаго перенепаго оленя и выбравшись съ нимъ вмѣстѣ на берегъ. Впрочемъ, несчастія при охотѣ случаются рѣдко, ибо промышленники обладаютъ неиспользованною ловкостью въ управлениіи лодкою, удерживая ее въ равновѣсіи и притомъ отражая усиля животныхъ. Хорошій, опытный охотникъ менѣе нежели въ полчаса убиваетъ до ста и болѣе оленей. Когда стадо весьма многочисленно и придется въ беспорядокъ, забойка удобнѣе и безопаснѣе. Другіе охотники хватаютъ убитыхъ оленей, привязываютъ ихъ ремнями къ лодкамъ, и каждый промышленникъ получаетъ то, чѣмъ успѣхъ завладѣть.

Можно подумать, что такимъ образомъ всю добычу расхватываютъ другие, а собственно охотники не получаютъ себѣ никакого вознагражденія за труды, сопряженные съ опасностью для жизни. Но здѣсь существуетъ свято соблюдаемый обычай, по которому только совершиенно убитые олени составляютъ общую собственность, а раненые, доплывающіе до другого берега и тамъ падающіе, принадлежать промышленникамъ, которые ихъ кололи. Среди тѣсной толпы устрашенныхъ и разъяренныхъ оленей, въ то время, когда всѣ физическая и душевная силы человѣка должны быть обращены на сохраненіе собственной жизни, нѣкоторые изъ промышленниковъ сохраняютъ столько присутствія духа и хладнокровія, что могутъ соразмѣрять силу своихъ ударовъ и убиваютъ маленькихъ оленей, а большихъ наносить только раны, такъ что они достигаютъ берега и тутъ уже издыхаютъ.

Олењья охота на водѣ представляется нѣчто поразительное. Шумъ нѣсколькихъ сотъ плывущихъ оленей, болѣзненное хрюканье раненыхъ и издыхающихъ, глухой стукъ сталкивающихся роговъ, обрызганные кровью охотники, прорѣзывающіе съ неизвѣроятною быстротою густые ряды животныхъ, крики и восклицанія другихъ охотниковъ, старающихся удержать стадо, обагренная кровью поверхность рѣки — все это вмѣстѣ представляетъ картину, которую трудно описать.

По окончаніи охоты и раздѣла добычи, убитые олени тотчасъ опускаются въ воду, потому что на воздухѣ скоро портятся, а въ холодной водѣ безвредно сохраняются нѣсколько дней, пока хозяева успѣхутъ выпотрошить и приготовить ихъ впрокъ. Олењье мясо обыкновенно сушатъ на воздухѣ, конятъ или, при раннихъ холодахъ, замораживаютъ. Здѣшніе русскіе иногда тоже солятъ лучшія части оленей. Особымъ лакомствомъ считаются конченые олењни языки; ихъ тщательно берегаютъ и подаютъ на столь только при торжественныхъ случаяхъ.

Кромѣ охоты на оленей, юкагиры охотятся также и на другихъ звѣрей. Каждый юкагиръ ежегодно ставитъ по нѣскольку сотенъ ловушекъ, западней и силковъ въ тѣхъ мѣстахъ, где обыкновенно бѣгаютъ соболи, росомахи, лисицы и другие звѣри. Нѣсколько разъ въ годъ онъ осматриваетъ свои звѣроловныя снасти и вынимаетъ поцарапавшихся въ нихъ звѣрей.

Рыболовство составляетъ второстепенное занятіе юкагировъ, но все-таки и оно служить значительнымъ подспорьемъ въ ихъ жизни.

Пищей юкагировъ служить главнымъ образомъ оленина въ различныхъ видахъ, т.-е. вареная, вяленая, сырая и т. и. Затѣмъ, въ столѣ ихъ играютъ немаловажную роль мясо птицъ, рыба, ягоды и кореня нѣкоторыхъ растеній.

Какъ и всѣ другіе инородцы, юкагиры любятъ курить табакъ и употреблять хмельные напитки. Не имѣя вина, они пьютъ настой мухоморовъ, что, конечно, не можетъ не отражаться вредно на ихъ здоровье.

IX.

ЧУКЧИ.

Чукчи — монгольского происхождения; живут они на северо-востоке Сибири, от реки Колымы до Берингова пролива и от Камчатки до Северного Ледовитого океана, на полуострове, называемом Чукотскимъ. На югѣ от нихъ живутъ корики, а на западѣ — юкагиры и якуты.

Страна, занятая чукчами, состоитъ: то изъ камениныхъ, безлѣсныхъ горъ, то изъ обширныхъ долинъ, покрытыхъ тощимъ мохомъ и кое-гдѣ полусухимъ тальни-

комъ или малорослыми хвойными деревьями; она носить всѣ характерные признаки непривѣтливой тундры. Климатъ въ ней суровъ до крайности; теплое время продолжается не болѣе одного мѣсяца. Во многихъ мѣстахъ, не только на горахъ, но и въ оврагахъ никогда не растаиваетъ снѣгъ; отъ морозовъ трескаются скалы, обломками которыхъ усыпана почва. Но чукчи свыклись съ своей угрюмой страной, съ ея стужами и буранами и безвредно для себя переносятъ ихъ. Вотъ, напр., во время зимняго бурана чукчъ стережетъ въ тундрѣ своихъ оленей. Буря сорвала его

шалашь и заметасть его кругомъ, а онъ лежитъ-себѣ на снѣгу подъ оленевой шкурою и прислушивается къ вою своихъ враговъ — волковъ. И ни почемъ ему ни сорокаградусный морозъ, ни страшный буранъ.

Одни изъ чукчей кочуютъ по тундрѣ и занимаются оленеводствомъ, другіе же, лишившись своихъ оленей, перешли къ побережью океана, осѣли здѣсь и стали заниматься ловлей рыбы и морскихъ животныхъ. Первые сами себя называютъ „чаукчу“, а вторые называютъ себя „намолло“ или „нашкули“. Чукчи-оленеводы обыкновенно бываютъ выше ростомъ и бодрѣе видомъ, чѣмъ побережные чуки. Всѣхъ чукчей насчитывается около 10 тысячъ человѣкъ.

Чуки живутъ небольшими селеніями. Жилищемъ ихъ служить палатка, которая строится изъ китовыхъ реберъ и шестовъ и обтягивается оленными и тюлеными шкурами. Сторона палатки, обращенная къ югу, бываетъ почти вертикальна; на этой сторонѣ дѣлается маленькая дверь, завѣшиваемая шкурой. Противоположная, т.-е. сѣверная сторона, дѣлается наклонной. Подъ этой стѣнкой, внутри палатки, ставится другая четырехугольная палатка изъ оленевыхъ шкуръ, служащая спальней въ сильные холода. Въ ней раскладываютъ огонь, при чѣмъ вместо дровъ жгутъ мохъ или кости, облитыя, для лучшаго горѣнія, китовымъ жиромъ. Дымъ выходить въ отверстіе, находящееся вверху внутренней и вѣнчанной палатокъ.

Чуки — средняго роста, крѣпко и стройно сложены; они до старости пользуются хорошимъ здоровьемъ.

Цѣль лица ихъ смуглый, скулы выдавшіяся, носъ приплюснутый, глаза черные, бойкіе, волосы черны, какъ уголь, и коротко острижены; бороды не бываетъ; вырастающіе на бородѣ волосы они выщипываютъ. Выраженіе лица ихъ мужественное. Въ прежнія времена многіе изъ нихъ прокалывали себѣ губы и вѣзвали въ нихъ моржовые зубы или костяные кольца; но въ настоящее время обычай этотъ искоренился. Татуировка у нихъ еще сохранилась, при чѣмъ мужчины татуируютъ себѣ руки и грудь, а женщины, кромѣ того, и лицо.

Одежда чукчей дѣлается изъ оленевыхъ шкуръ; они носятъ „куклянку“, т.-е. оленью куртку, шерстью вверхъ; по куклянѣ подпоясываются толстымъ ремнемъ. Внизу куклянка оторочена длиннымъ чернымъ мѣхомъ и мѣстами украшена кусочками краснаго сафьяна и блестящими металлическими пластинками. На ноги надѣваются мѣховые штаны и высокіе сапоги изъ тюленьей шкуры. На голову надѣваютъ большую шапку съ наушниками.

Дѣтей своихъ чуки до такой степени толсто укутываютъ въ олены шкуры, что если ребенокъ и свалится на полъ, то не ушибется: толстый слой шкуръ защищаетъ отъ ушиба.

Чуки народъ смѣлый, отчаянный, воинственный; до подчиненія ихъ русскими они смѣло выходили на бой съ враждебными имъ яицородцами; но при всемъ томъ они добродушны и хотя расчетливы, но не алчны. У нихъ въ обычай месть. За нанесенную обиду чукчъ считаетъ свою обязанностью отомстить. Иногда месть переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, пока, наконецъ, представится случай покончить вражду смертоубийствомъ и исполнить, такимъ образомъ, существующія требования относительно кровавой мести.

Гостепріимство составляетъ тоже одну изъ отличительныхъ чертъ чукчей. Гости сю не только угождаются, но и надѣляются его при уходѣ подарками. Если

прибудеть почетный гость, то хозяин чума созывает своих друзей на пиръ, и идет угощениe до тѣхъ порь, пока гость не уѣдетъ. Для угощенія закалывают оленей. При пирахъ шаманы производят заклинанія и приносят жертвы, при чемъ не забывают посредствомъ сожжения послать подарки умершимъ родственникамъ хозяина.

Прѣезжающіе на Чукотскій полуостровъ китоловы и торговцы познакомили чукчей съ водкою и некоторыми пороками и тѣмъ оказали на нихъ характеръ вредное влияніе.

До проникновенія къ чукчамъ христіанства у нихъ господствовали такие обычаи, которые не могутъ быть терпимы съ христіанской точки зрѣнія; они, напр., убивали хилыхъ стариковъ и вообще лицъ, неспособныхъ къ работѣ, имѣли по двѣ и болѣе жены и т. п. По мѣрѣ распространенія христіанства, обычай эти мало-по-малу искореняется, но все-таки и до настоящаго времени многіе языческіе обычай и вѣрованія у нихъ въ полной силѣ. Изъ такихъ обычаевъ и вѣрованій упомянемъ объ обычай приносить въ жертву животныхъ и о вѣрованіи въ силу шамановъ, талисмановъ и амулетовъ.

Покойниковъ чукчи сожигаютъ, обрядивъ ихъ предварительно въ оленьи одежды. На кострѣ вмѣстѣ съ покойникомъ сожигаютъ убитыхъ оленей, нарту, оружіе и другія вещи, принадлежавшія покойному. Если пламя костра поднимается столбомъ вверхъ, то чукчи думаютъ, что душа покойника вмѣстѣ съ пламенемъ возносится прямо на небо.

Нерѣдко трупъ покойника не сожигаютъ, а кладутъ въ вырытую яму, где покрываютъ его шкурой, но не зарываютъ землей, такъ что онъ становится жертвой звѣрей.

При каждомъ событии, радостномъ или печальному, чукчи-язычники приносятъ богамъ въ жертву оленей, а иногда даже и собакъ. Прежде чѣмъ принести жертву, они обыкновенно обращаются къ шаману съ вопросомъ, какую жертву слѣдуетъ принести богамъ. Тотъ назначаетъ — и жертва приносится. Слышится, что если при постигнемъ бѣдствіи, напр., падежъ оленей, не помогаютъ жертвы, проносимыя по указанию шамана, то чукчи наказываютъ самого шамана.

Чукчи обложены незначительной податью, которую они платятъ преимущественно шкурками; но они освобождены отъ всякой земской повинности. Судъ они совершаютъ по своимъ обычаямъ; русский судъ касается до нихъ только тогда, когда они совершили убийство или грабежъ вѣнѣ границъ признанныхъ за ними земель.

У нихъ есть избранные тѣуны или предводители, которые, впрочемъ, мало имѣютъ власти и ничего не могутъ дѣлать безъ общаго согласія.

Между богатыми чукчами встрѣчаются такие, которые имѣютъ слугъ, состоящихъ въ обязательныхъ отношеніяхъ къ своимъ владѣльцамъ. Слуги эти не считаются себѣ въ правѣ оставить своего господина и перейти къ другому владѣльцу. За работу своихъ слугъ владѣлецъ кормить и одѣвать ихъ. Такимъ образомъ у чукчей сохранилось нечто въ родѣ крѣпостничества. Можно думать, что крѣпостные слуги у чукчей произошли изъ лицъ, побѣжденныхъ или взятыхъ въ пленъ.

Женщины у чукчей пользуются въ значительной мѣрѣ почетомъ и уваженіемъ. Мужъ всегда совѣтуется съ женой, когда производится какая-нибудь важная мѣна.

Вещи, которые мужъ вымѣниваетъ, отдаются немедленно женѣ на храненіе. Всѣ домашнія работы возложены на женщинъ: мужчины считаются для себя унизительнымъ исполнять какую-нибудь домашнюю работу.

Съ своими дѣтьми чукчи обращаются чрезвычайно ласково и при разговорѣ съ ними избѣгаютъ бранныхъ словъ. Норденшильдъ говоритъ, что достаточно приласкать дѣтей, чтобы быть чукчами любезно принятымъ въ ихъ палаткѣ. Маленькихъ дѣтей чукчи обыкновенно носятъ на спинѣ.

Главное занятіе кочевыхъ чукчей состоить въ оленеводствѣ. Между чукчами-оленеводами есть такие, которые владѣютъ по нѣскольку тысячъ оленей. Вообще можно сказать, что чукчи-оленеводы считаются болѣе зажиточными, чѣмъ береговые чукчи, главное занятіе которыхъ состоить въ ловлѣ тюленей и моржей. Ловятъ ихъ толстыми ременными сѣтями, которые пропускаютъ подъ ледь въ прорубь и въ которыя они запутываются головой или лапами. Быть ихъ также и на сушѣ. Чукчи надѣваютъ бѣлое платье, чтобы какъ можно менѣе отличаться отъ сѣнѣга, и приближается незамѣтно къ тюленямъ или моржамъ, грающими на солнцѣ. У него въ рукахъ копье и палка съ набитыми на концы медвѣжьими зубами. Этой палкой онъ скрѣбеть по льду и сѣнѣгу, чтобы усыпить звѣря и заглушить шорохъ сѣнѣга при своемъ приближеніи. Приблизившись къ нему, онъ поражаетъ его копьемъ. Иногда чукчи, замѣтивши, что тюлени вылѣзли изъ воды на сушу погрѣться на солнцѣ, бросаются на нихъ, отрѣзываютъ путь къ водѣ и гонятъ дальше вглубь сушки, гдѣ и убиваютъ копьями и палками.

Отъ тюленей и моржей береговые чукчи получаютъ все имъ необходимое. Мясо и нѣкоторыя части кожи этихъ звѣрей идутъ въ пищу чукчамъ, жиръ служить имъ для топлива и пищи, изъ кожи они дѣлаютъ ремни для упряжи и прочныя подошвы, клыки продаютъ или дѣлаютъ изъ нихъ оружіе для ломки льда и рытья замерзшей земли и, наконецъ, изъ внутренностей и кишокъ они дѣлаютъ непромокаемое лѣтнее платье.

Кромѣ тюленей и моржей, чукчи охотятся также на медвѣдей, ради ихъ мяса и сала, которое они считаютъ лакомствомъ. Для охоты за медвѣдями, они пробираются на льдины Ледовитаго океана, на которыхъ тѣ живутъ.

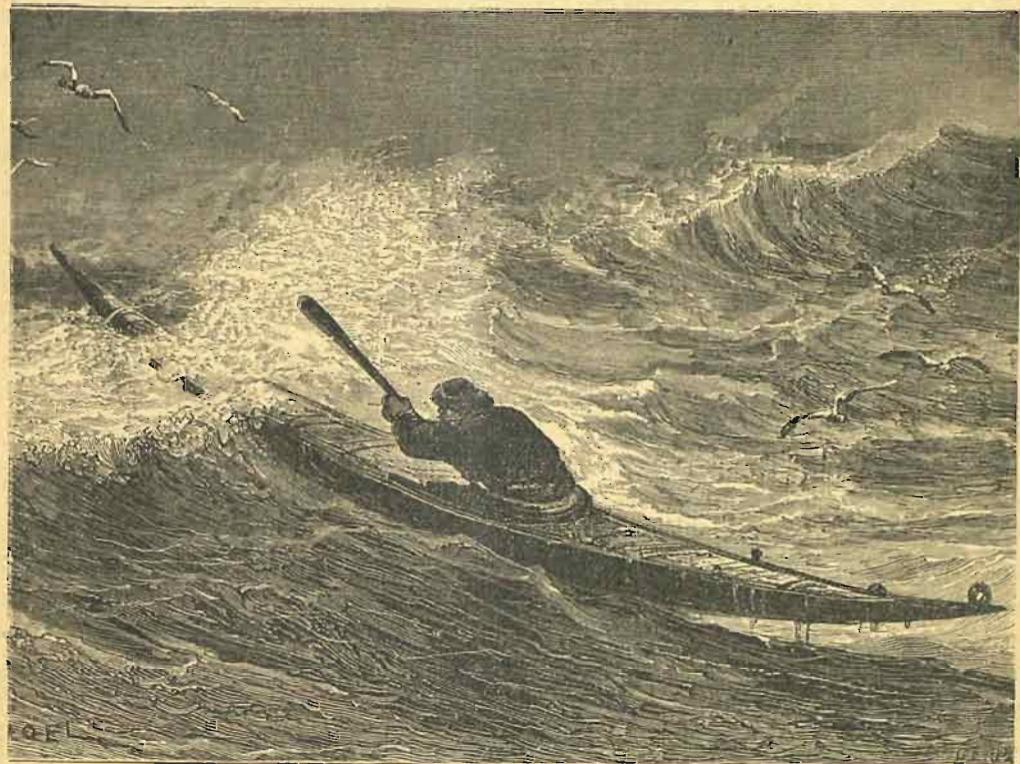
Охотятся они также и на волковъ. Своеобразна ихъ охота на нихъ. Берутъ китовый усь, заостриваютъ съ обоихъ концовъ и свертываютъ въ кольцо, которое перевязываютъ веревочкой, чтобы оно не развертѣлось. Затѣмъ на холодѣ поливаютъ его водой, пока оно не покроется слоемъ льда, и разрѣзываютъ веревочку. Кольцо обмазываютъ толстымъ слоемъ жира и бросаютъ его на тундрѣ. Голодный волкъ поглощаетъ это кольцо. Въ желудкѣ ледь растаиваетъ и усь выпрямляется, причиняя волку смертельную рану. Чрезъ нѣкоторое время чукчи находятъ волка на тундрѣ мертвымъ.

Занимаются чукчи также ловлей рыбы и птицъ. Рыбу ловятъ или корзинами изъ иловыхъ прутьевъ, или же сѣтями, сдѣланными изъ тонкихъ ремешковъ, вырѣзанныхъ изъ моржовыхъ кожъ. Для разѣздовъ при ловлѣ рыбы употребляютъ легкія байдары, состоящія изъ деревянного или костяного остова, обтянутаго шкурами морскихъ животныхъ, мѣхомъ внутрь лодки.

Для ловли птицъ употребляютъ сѣти изъ длинныхъ и узкихъ ремней съ кам-

нями или кусками моржовой кости на концахъ. Чукчи бросают такія сѣти на ле-
тящихъ гусей или другихъ птицъ, запутываютъ ихъ и повергаютъ на землю.

Чукчи-оленеводы ведутъ мѣновую торговлю съ береговыми чукчами. Первые со
своими оленями перекочевываютъ на берегъ океана и здѣсь вымѣниваютъ у берего-
выхъ чукчей моржовыя и тюленьи кожи, моржовые зубы и китовый жиръ; взамѣнъ
этого они доставляютъ береговымъ чукчамъ оленины шкуры, табакъ и различныя рус-
скія издѣлія.

Для торговли съ русскими чукчи собираются въ мѣста, въ которыхъ бываетъ
ярмарка. Такими мѣстами служатъ курлостца Острівное, Аниой, Колымскъ и друг.
Прибывъ на ярмарку, чукчи и другие инородцы становятся съ своими нартами полу-
кругомъ противъ русскихъ торговцевъ. Послѣ обѣда въ русской церкви, подни-
маются флагъ — знакъ открытия ярмарки. Во время ярмарки русские торговцы сует-
ливо перебѣгаютъ отъ одного инородца къ другому, восхваляя свой товаръ и при-
дѣниваясь къ товару инородцевъ. Чукчи же невозмутимо стоять возлѣ своихъ нартъ
и съ нѣкоторою важностью относятся къ восхваленію русскими торговцами своего
товара; они только покачиваются головой въ случаѣ сомнѣнія въ добротѣ предлагаемо-

маго имъ товара. Безъ всякихъ вѣсовъ, они вѣрно на рукѣ взвѣшиваютъ предлагаемый имъ табакъ; не берутъ его, если въ пудѣ не достаетъ хотя фунта. Малый изъять въ товарѣ — и чукъ бракуетъ его молча, съ поднимъ хладнокровиемъ.

Вся торговля у чукчей мѣновая; они не знаютъ цѣности денегъ. Норденшильдъ пишетъ, что 25-ти-рублевая бумажка цѣнится чукчами меньше, чѣмъ красивая обложка отъ мыла, а золотая или серебряная монета меньше, чѣмъ оловянная пуговица. Когда спутники Норденшильда предложили чукчу серебряную монету, то онъ принялъ ее лишь послѣ того, какъ въ ней проеверлено было отверстіе, чтобы можно было употреблять ее какъ украшеніе.

Чукчи служить посредниками при покупкѣ русскими американского пушного товара. На своихъ байдарахъ они легко и скоро переплываютъ Беринговъ проливъ на берегъ Америки, гдѣ на табакъ вымѣниваются у алеутовъ пущные мѣха и везутъ на ярмарку для сбыта русскимъ.

Для переѣздовъ по сухому пути береговые чукчи употребляютъ собакъ, запрягая ихъ въ нарту по четыре врядъ; чукчи же оленеводы ёдятъ большую частью на оленяхъ, запрягая ихъ пару и болѣе въ нарту. Нарты свои они дѣлаютъ изъ китовыхъ реберъ.

Въ досужее время чукчи сидятъ въ своихъ палаткахъ и разказываютъ другъ другу свои похожденія на охотѣ. Иногда они устраиваютъ скѣчки и бѣганье взапуски. Скѣчки начинаются по данному сигналу. Какъ стрѣла мчатся олени, управляемые съ удивительнымъ искусствомъ чукчами. Бѣганье взапуски совершается на снѣгу, иногда довольно глубокомъ; несмотря на это, многие чукчи бѣгутъ очень быстро, проворно и неутомимо. Побѣдители награждаются одобрениемъ, а иногда и подарками. Молодыя девушки нерѣдко устраиваютъ пляску. Несколько девушки становятся одна противъ другой или же рядомъ и съ мимическими движеніями покачиваются въ тактъ; затѣмъ прыгаютъ обѣими ногами заразъ впередъ и поворачиваются кругомъ. Пляска сопровождается пѣніемъ и барабаннымъ боемъ. Барабанъ чукчей состоитъ изъ деревянного обруча, перетянутаго тонкой кишкой тюленя или моржа. По такому барабану ударяютъ тонкой палочкой изъ китового уса. Звуки пѣнія и барабанного боя не особенно гармоничны для европейскаго слуха; но достаточно взглянуть на веселыя, улыбающіяся лица чукчей, чтобы понять, что эти звуки имъ очень нравятся и производятъ на нихъ сильное впечатлѣніе.

Пища оленыхъ чукчей состоитъ главнымъ образомъ изъ вареной оленины; осѣдлые же чукчи питаются преимущественно мясомъ, жиромъ и кровью морскихъ животныхъ. Мясо бѣлаго медведя и некоторая части китовой кожи они считаютъ лакомствомъ. Рыбу они ёдятъ только при недостаткѣ мяса; соли почти не употребляютъ. Мясной сокъ они смѣшиваютъ со снѣгомъ и эту смѣесь употребляютъ вместо питья. Отъ русскихъ познакомились они съ чаемъ и сахаромъ, и болѣе зажиточные изъ нихъ считаютъ чай для себя необходимымъ напиткомъ; особенно любятъ они сосать сахаръ.

Норденшильду пришлось видѣть, какъ чукчи ёдятъ. Когда оленина была сварена, говорить онъ, чукчи приступили къ ёдѣ. Во время ёды они лежали, при чьмъ туловище находилось во внутренней юртѣ, а голова — подъ олеными шкурами во вѣнчай юртѣ, гдѣ была поставлена пища. Взявъ по куску оленины, они у

самыхъ зубовъ отрѣзывали ножомъ столько, сколько въ одинъ разъ могли разжевать и проглотить. Окончивъ ужинъ, они опять втянули голову во внутреннюю юрту.

Въ промежуткахъ между принятіемъ пищи многіе чукчи, какъ и нѣкоторые другіе инородцы, жуютъ сѣру, что очищаетъ зѣбы и обильно снабжаетъ желудокъ слюной, способствующей перевариванію тяжелой пищи.

Какъ всѣ инородцы, чукчи любятъ пить водку, въ употребленіи которой они мало разборчивы, чѣмъ и пользуются торговцы, продавая имъ самую плохую водку по высокой цѣнѣ.

Любятъ чукчи также курить табакъ; курятъ изъ длинныхъ трубокъ. При куреніи они затягиваются до одуренія. Кромѣ куренія, они также илюхаютъ, жуютъ и даже проглатываютъ табакъ. Бѣдники, для которыхъ недоступно куреніе настоящаго табаку, замѣняютъ его моржевой шерстью, выдергиваемой по мѣрѣ надобности изъ одежды.

X.

КОРЯКИ.

Коряки живутъ на пространствѣ отъ средней части полуострова Камчатки до рѣки Анадыри. Они родственны чукчамъ, что доказывается сходствомъ ихъ языка, образа жизни, нравовъ, домашней утвари и одежды; видомъ они тоже похожи на чукчей и, подобно послѣднимъ, иногда татуируютъ себя. Число ихъ простирается до 4500 человѣкъ. Они раздѣляются на кочевыхъ и осѣдлыхъ. Первые живутъ въ оленевыхъ палаткахъ, а вторые — въ хижинахъ или землянкахъ. Землянки свои они устраиваютъ такъ: вырываютъ яму около сажени въ глубину и до двухъ или трехъ сажень въ длину и ширину. Стѣны ямы обкладываютъ досками, а сверху настилаютъ жерди, на которыхъ насыпаютъ землю, оставляя небольшое отверстіе, служащее и окномъ, и дверью, и дымовой трубой. Въ землянку спускаются по бревну, стоящему наклонно. Внутри ея, прямо подъ отверстиемъ, устраиваются изъ каменьевъ очагъ, на которомъ почти всегда горитъ огонь. Около стѣнъ землянки идутъ лавки, покрытые травяными рогожами и шкурами.

Хижины или землянки коряковъ никогда не очищаются, а потому въ нихъ всегда бываетъ непролазная грязь и нечистота. Остатки отъ приготовляемой или принимаемой пищи бросаются на полъ, гдѣ и гниютъ, заражая собою воздухъ, который бываетъ до того испорченъ, что непривыкшій человѣкъ не можетъ пробить въ немъ и полчаса. Извѣнѣ землянки имѣютъ видъ холмиковъ. Они нерѣдко бываютъ огорожены частоколомъ или обведены землянымъ валомъ.

Домашняя утварь коряковъ состоитъ изъ нѣсколькихъ мисокъ, котловъ и копытцевъ.

Живя грязно, коряки любятъ наряжаться въ платье, которое шьется изъ шкуръ собачьихъ, оленевыхъ и медвѣжьихъ и украшается полосками цвѣтного сукна и пуговицами.

Въ настоящее время почти всѣ коряки считаются христіанами; но не многие изъ нихъ имѣютъ ясное понятіе объ истинахъ этой религіи. Все-таки они почти забыли свои прежнія языческія вѣрованія и не чутъ своихъ прежнихъ идоловъ. До распространенія христіанства они чтили духа Апапеля, властителя вселенной, и идола Хантая, очистителя грѣховъ. Верхняя половина этого послѣдняго была человѣческая, а нижняя — рыбья. Ежегодно коряки вырывали изъ дерева нового идола Хантая и ставили его рядомъ съ прежнимъ, такъ что въ иной землянкѣ помѣщалось нѣсколько ихъ. Кромѣ Хантая, коряки чтили еще идола Ажунара. Этотъ идолъ имѣлъ видъ столбика съ верхушкою, обдѣланною въ видѣ человѣчес-

ской головы; онъ ставился обыкновенно надъ домашнею посудою и считался стражемъ, отгоняющимъ отъ землянки злыхъ лѣсныхъ духовъ.

Несмотря на то, что коряки не чтутъ своихъ прежнихъ боговъ и идоловъ, они все-таки иногда приносятъ въ жертву собаку или оленя, хотя, впрочемъ, и не знаютъ, кому приносятъ эту жертву. Принося жертву, они приговариваютъ: „Это для тебя, дай намъ и ты что-нибудь“. У нихъ сохранилась еще вѣра въ шамановъ, къ помощи которыхъ они прибегаютъ въ болѣзни или тяжелыхъ случаяхъ.

Коряки, особенно кочевые, отличаются правдивостью. Единственной клятвой ихъ служатъ слова: „Это вѣрно, я не лгу“.

Убийство признается ими большими преступлениями, вызывающими месть со стороны родственниковъ убитаго; оскорблѣніе чести считается тоже преступлениемъ и влечетъ за собою месть; воровство же не признается дѣломъ ненравительнымъ, если только слѣды его ловко скрыты.

Всѣ споры и несогласія членовъ семьи обыкновенно разбираетъ старшій членъ, и его решения должны всѣ подчиняться; споры же между членами различныхъ семействъ решаетъ старшина.

Коряки, какъ и другіе инородцы, отличаются гостепріимствомъ. При приемѣ прѣхавшаго гостя соблюдаются слѣдующій обычай: прѣхавшій гость отпрягаетъ оленей и остается въ своихъ саняхъ до тѣхъ поръ, пока хозяинка не скажетъ ему, что хозяинъ дома. Вылезаетъ изъ землянки хозяинъ. Гость приближается къ землянкѣ, и хозяинъ предлагаетъ ему войти въ нее. Когда гость войдетъ, хозяинъ, показывая ему мѣсто, просить его сѣсть и начинаетъ его угождать.

При встрѣчѣ коряки привѣтствуютъ другъ друга словами: „Желаю теплого дня“. Ясно, что въ суровомъ климатѣ такое привѣтственное пожеланіе можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ.

При бракѣ у коряковъ соблюдаются слѣдующіе обряды: собираются гости. Ихъ угождаютъ мясомъ, жиромъ, рыбой и т. п. Постѣ Ѣды раздается мѣрный барабанный бой. Входитъ старый корякъ съ охапкой ивовыхъ прутьевъ; онъ раздаетъ ихъ всѣмъ присутствующимъ. Барабанный бой прекращается, и барабанившій начинаетъ пѣть речитативомъ, сначала тихо, а затѣмъ все громче и громче, и наконецъ пѣніе его переходитъ въ дикую и энергическую пѣсню. У входа въ каждую палатку помѣщаются по двѣ или по три женщины съ прутьями. Престарѣлый корякъ выводить изъ палатки жениха и невѣсту. Съ появлениемъ ихъ снова раздается барабанный бой и гости начинаютъ горланить во всю мочь. По сигналу, данному престарѣлымъ корякомъ, невѣста бросается бѣжать. Женихъ старается ее догнать. Она перебѣгасть изъ палатки въ палатку, а за нею слѣдуетъ женихъ. Женщины всевозможными мѣрами стараются помѣшать ему поймать невѣсту: онѣ бываютъ его прутьями, закрываютъ передъ нимъ входъ въ палатку, стараются подѣлить его, чтобы онъ упалъ. Онъ съ поразительнымъ терпѣніемъ преодолѣваетъ всѣ эти препятствія и, наконецъ, ловить невѣсту. Барабанный бой и пѣніе прекращаются, свадьба считается оконченной и гости расходятся.

Богатые платить за невѣсту калымъ, а бѣдные вступаютъ въ услуженіе къ родителямъ невѣсты и такимъ образомъ зарабатываютъ себѣ право получить жену.

Приданое жены, по установленвшемуся обычанию, остается ея неотъемлемой собственностью до рожденія первого ребенка; послѣ рожденія его, ея олени переходятъ

во владѣніе мужа, для обезпеченія дѣтей. Если бракъ бездѣтенъ, то стада мужа и жены, посль ихъ смерти, переходятъ въ наслѣдство къ ближайшимъ ихъ родственникамъ. По смерти отца, всѣ сыновья дѣлить имущество его между собою поровну. Вдова пользуется пожизненнымъ приплодомъ отъ оленей, полученныхъ ею въ приданое; посль ея смерти приданое ея переходитъ къ сыновьямъ, которые при раздѣлѣ его должны вознаграждать своихъ сестеръ подарками. Въ семѣ, гдѣ много братьевъ, младшій, если онъ не женатъ, можетъ жениться на вдовѣ старшаго брата; но старшему брату, холостому или вдовцу, не дозволяется вступить въ бракъ со вдовою младшаго брата. Если всѣ братья женаты, то вдова каждого изъ нихъ можетъ выйти за чужого. Многоженство, бывшее прежде въ обычай у коряковъ, въ настоящее время почти не случается.

Когда у коряка рождается ребенокъ, приводятъ къ родильницѣ олена, котораго тутъ же и убиваютъ въ жертву духамъ. Кромѣ того, для новорожденаго отецъ отдѣляетъ нѣсколько оленей, которыхъ отмѣчаютъ особымъ знакомъ на ухѣ. Приплѣтъ отъ этихъ оленей принадлежитъ ему же. Такимъ образомъ, когда ребенокъ возмужаетъ, онъ является владельцемъ довольно значительного стада. Вскорѣ послѣ рождения ребенка даются имя. Въ палатку или землянку собираются родные. Одна изъ старыхъ женщинъ привязываетъ къ столбу стеклянныи шарикъ и начинаетъ медленно перебирать одно за другимъ имена любимыхъ изъ умершихъ мужчинъ или женщинъ, смотря потому, какаго пола ребенокъ. Ребенку дается то имя, при произнесеніи которого шарикъ случайно шевельнется; коряки убѣждены, что любимый покойникъ шевельнуль шарикомъ и тѣмъ какъ бы указалъ, что счастье, которое онъ имѣлъ въ жизни, должно перейти на новорожденаго. Дѣтей своихъ, для теплоты, коряки запихиваютъ въ олены мѣшки. Зашитаго въ мѣшокъ ребенка мать носить на спинѣ.

Дѣти у коряковъ съ раннихъ лѣтъ пріучаются къ занятію, свойственному ихъ полу: дѣвочки пріучаются шить одежду, готовить пищу, плести сѣти, сушить рыбу, а мальчики — стрѣлять изъ лука или ружья, пасти оленей, ловить рыбу и т. п.

Покойниковъ коряки сожигаютъ на кострѣ съ ихъ оружиемъ и необходимыми при жизни вещами, а любимыхъ покойникомъ оленей убиваютъ, мясо ихъ съѣдаются, а все остальное также сожигаютъ на кострѣ. Возвращающихся домой съ похоронъ шаманъ ударяетъ слегка розгою, произнося заклинаніе, которымъ будто бы запрещаешь умершему приходить за живыми.

Занятіе почвенныхъ коряковъ состоитъ главнымъ образомъ въ оленеводствѣ, а осѣдлыхъ — въ рыболовствѣ и охотѣ за пушными звѣрьми и морскими животными. Пріемы ловли пушныхъ звѣрей и морскихъ животныхъ тѣ же, что и у чукчей.

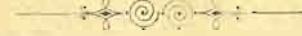
Коряки неразборчивы въ пищѣ. Они ёдятъ мясо павшихъ оленей и другихъ животныхъ. Главною же ихъ пищею служить рыба, которая ловится въ несметномъ множествѣ. Для храненія запаса рыбы строятся балаганы на высокихъ подставкахъ. Валѣзаютъ на эти балаганы съ помощью бревна съ зарубками.

Рыбу коряки обыкновенно варятъ въ глиняныхъ или чугунныхъ котлахъ. Въ прежнее время, когда они еще не имѣли возможности получать отъ русскихъ глиняной или чугунной посуды, они варили рыбу въ деревянныхъ корытцахъ, при

чемъ, положивши ее въ корыто, наливали его водой и затѣмъ, раскаливши нѣсколько камней, клали ихъ одинъ послѣ другого въ воду съ рыбой. Вода нагрѣвалась и рыба варилаась. Приготавляли коряки рыбную пищу и такимъ образомъ: множество рыбныхъ головъ сваливали въ яму и оставляли ихъ тамъ, изрѣдка перемѣшивая, — до тѣхъ поръ, пока вся масса не прокисала. Приготовленная такимъ образомъ пища издавала нестерпимый запахъ, однако коряки ёли ее съ большими аппетитомъ.

Кромѣ мяса и рыбы, коряки питаются разными коренями, добывая ихъ изъ норъ особаго рода мышей.

Какъ опьяняющій напитокъ, коряки употребляютъ иногда настой мухоморовъ. Настой этотъ вреденъ для здоровья, и продажа мухоморовъ запрещена закономъ; однако коряки вымѣниваютъ ихъ у торговцевъ на оленей и шкурки пушныхъ звѣрей.

КАМЧАДАЛЫ.

Камчадалы живутъ на полуостровѣ Камчаткѣ, преимущественно на южной его части. Они сами себя называютъ *кроша* (люди) или *ительменъ* (жители). Название *камчадалы* произошло отъ рѣки Коочь, протекающей по Камчаткѣ. Словомъ „*Коочь-ай*“ назывался у жителей Камчатки всякий, живущій при рѣкѣ Коочь. Изъ „*Коочь-ай*“ у коряковъ образовалось слово *Кончало*, а изъ этого слова наши казаки образовали слово *Камчадалы*.

Въ настоящее время камчадаловъ насчитывается до 4 тысячъ человѣкъ; въ прежнее же время ихъ было значительно больше.

Видъ камчадаловъ свидѣтельствуетъ объ ихъ монгольскомъ происхожденіи. Они имѣютъ темно-желтый цветъ кожи, черные волосы, рѣдкую бороду, плоское, широкое лицо, выдавшися скулы, большой ротъ и толстые губы. Ростъ ихъ средний или даже ниже средняго, плечи широкія и животъ отвислый. Женщины съ особенной тщательностью защищаютъ кожу на своемъ лицѣ отъ загара, отчего она у нихъ значительно болѣе, чѣмъ у мужчинъ.

Одеждой камчадаловъ служить куклянка или мѣховая рубашка до колѣнь; она бываетъ обшита у ворота и на рукавахъ бобровымъ или другимъ цѣннымъ мѣхомъ. Ноги они обуваютъ въ торбасы или сапоги изъ тюленей кожи. Подъ ними они носятъ чулки изъ оленей шкуры и мѣховые штаны. На голову надѣваются лисий капоръ съ длинной бахромой изъ шерсти. Украшеніемъ капора женщины часто служатъ два бѣлые лоскутка изъ шкуры россомахи, въ подражаніе морской птицы мычагаткѣ, у которой на головѣ два бѣлые хохла. Случалось, что камчадалки охотно отдавали за два такие лоскутка одного или даже двухъ бобровъ.

Въ прежнее время жилищемъ для камчадаловъ служили землянки. Въ настоящее же время они строятъ себѣ избушки и балаганы. Избы свои они строятъ изъ бревенъ и покрываютъ сухой осокой или лубочными полосами. Вместо стеколъ, оконные рамы затягиваютъ прозрачными пузырями. Дверь дѣлають маленькою, почти квадратную. Дымъ отъ очага выходитъ въ трубу, сдѣланную изъ длинныхъ жердей, обмазанныхъ толстымъ слоемъ глины. Около избушки устраиваются на высокихъ деревянныхъ подставкахъ балаганы, служащіе для храненія рыбы и другихъ сѣбѣстныхъ припасовъ.

Многіе камчадалы зимой живутъ въ своихъ зимнихъ избушкахъ, выстроенныхыхъ вдали отъ океана, среди лѣса или горъ; на лѣто же они переселяются къ взморью, на устье какой-нибудь рѣки. Такое переселеніе обусловливается какъ климатомъ страны, такъ и занятіями камчадаловъ лѣтомъ и зимой.

Камчадалы отличаются добродушіемъ и привѣтливостью; они охотно помогаютъ другъ другу въ нуждѣ. За выраженное къ нимъ участіе они признателны и

стараются отплатить всевозможными услугами. По ихъ нравственнымъ понятіямъ признается проступкомъ все то, что причиняетъ вредъ. Согласно съ этимъ, признается, напр., грѣхомъ подниматься на вулканическую гору, такъ какъ это сопряжено съ большой опасностью для жизни; считается также грѣхомъ завести скору изъ-за дурной рыбы, такъ какъ отъ такого неважнаго повода могутъ возникнуть вредныя послѣдствія.

Къ начальствующимъ лицамъ камчадалы относятся съ большимъ почтеніемъ. Къ своимъ дѣтямъ они относятся пѣжно, и матери носятъ ихъ съ собой на спинѣ въ деревянныхъ ящикахъ.

Камчадалы, какъ и другіе инородцы, гостепріимны. Попотчевать гостя составляетъ для нихъ удовольствіе. Желая угостить его, они готовятъ въ нѣсколькихъ корытахъ сушеной, толченой и квашеной рыбы и икры съ брусликой, затѣмъ жарко топятъ хижину и приглашаютъ въ нее гостя. Такъ какъ въ избѣ жарко, то хозяинъ и гость снимаютъ съ себя верхнюю одежду. Приличie требуетъ, чтобы гость сѣѣть все, что для него приготовлено. Какъ выраженіе своего вниманія къ гостю, хозяинъ беретъ кусокъ китового или перпичьяго жира, всовываетъ его гостю въ ротъ и отрѣзывааетъ остатокъ около самыхъ его губъ. Угощаютъ гостя до тѣхъ поръ, пока онъ можетъ есть. Обычай требуетъ, чтобы гость отплатилъ хозяину такимъ же угощеніемъ.

Камчадаловъ считаютъ лѣнивыми; это качество, конечно, можетъ быть прinci-

сано имъ по сравненію съ цивилизованными европейцами, которые развили въ себѣ потребность къ дѣятельности и скучаютъ безъ серьзного занятія. Камчадаль принимается за работу только тогда, когда къ этому побуждаетъ его нужда или голодъ. Если же нѣтъ такого побужденія, онъ предпочитаетъ лежать безъ всякаго дѣла въ своей хижинѣ.

Характеръ камчадаловъ, ихъ душевное настроение отразилось въ ихъ преданіяхъ и пѣсняхъ. Пѣсни ихъ служатъ выраженіемъ скорѣе мягкихъ, добрыхъ чувствъ, напр., чувства любви, ласки, чѣмъ грубыхъ, суровыхъ чувствъ, напр., гнѣва, мести и т. п. Напѣвъ и музыка ихъ носятъ большею частью печальный характеръ: въ нихъ слышится какое-то смутное, безотчетное сожалѣніе о чѣмъ-то невозвратномъ.

При пѣніи камчадалы акомпанируютъ себѣ на трехугольной балалайкѣ о двухъ струнахъ или на свирѣли.

Навеселѣ камчадалы пляшутъ подъ звуки балалайки, при чѣмъ видимо подражаютъ движеніямъ пѣкоторыхъ животныхъ.

Религіозныя понятія камчадаловъ, до принятія ими христіанства, были спутаны и неопределены. Они олицетворяли и обоготовляли тѣ предметы, которые производили на нихъ особенно сильное впечатлѣніе. Такъ, они вѣрили въ боговъ вулканическихъ горъ, признавая ихъ злыми духами, которые почно сходятся съ горъ на море ловить рыбу. Вѣрили они также, что на высокихъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ горахъ живутъ особенные духи, которые ёздятъ на санкахъ, запряженныхъ белыми куропатками и черными лисицами. Облака, по ихъ понятію, подчинены особому богу, обладающему силой посылать на землю дождь и градъ. Этотъ богъ похищалъ маленькихъ дѣтей, обязанныхъ держать свѣтильники, освѣщающіе его жилище. Воображеніе камчадаловъ населяло рѣки и озера водяными, которые топятъ плавающихъ, а лѣса — лѣшими, которые стараются сбить путника съ пути, помрачая его умъ.

По преданію камчадаловъ, земля принесена съ неба сыномъ вышаго существа Кутомъ. Этотъ богъ утвердилъ ее на водѣ и самъ поселился на ней. Здѣсь у него родились сынъ и дочь, которые сочетались бракомъ. Куть, по мнѣнію камчадаловъ, надѣлалъ при созданіи земли много промаховъ, отчего они не только не поклонялись ему, но даже брали его. Къ чemu, разсуждали они, на землѣ такъ много горъ, пропастей, утесовъ, бурныхъ потоковъ и рѣкъ, такъ часты дожди, такъ сильны бури, грозы и проч.

Землетрясенія, по понятію камчадаловъ, происходятъ отъ того, что собака бога Туйла сотрясаетъ съ себя снѣгъ.

У камчадаловъ были колдуны, которые своимъ видомъ, костюмомъ и таинственностью своихъ дѣйствій возбуждали въ нихъ чувство страха. Пользуясь ихъ довѣрчивостью, онѣ обманывали ихъ, занимаясь гаданьемъ, врачеваньемъ и искусствомъ предотвращать несчастія.

Съ прошлаго столѣтія между камчадалами начало распространяться христіанство. Благодаря миссіонерской дѣятельности, въ настоящее время почти всѣ камчадалы крещены, и прежнія ихъ вѣрованія потеряли для нихъ свое значеніе. Иногда только вѣрованія эти проглядываютъ въ случайномъ приношеніи ничтожной жертвы тому или другому изъ забытыхъ боговъ.

Какъ выраженіе господства христіанства надъ прежними языческими вѣрованіями камчадаловъ, въ настоящее время почти въ каждомъ значительномъ камчадальскомъ селеніи красуется православная церковь, окрашенная обыкновенно въ красный цветъ, съ двумя куполами зеленаго или голубого цвета.

Бракъ у камчадаловъ совершается послѣ уплаты женихомъ калмы за невѣсту. Случается, что женихъ, не имѣя чѣмъ уплатить калымъ, поступаетъ въ услуженіе къ родителямъ невѣсты и исполняетъ всѣ работы по ихъ хозяйству.

Умершихъ камчадалы въ прежнее время бросали на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, ибо верили, что трупъ покойника, съѣденный ими, явится въ загробную жизнь въ обновленномъ, лучшемъ видѣ. Въ настоящее же время они большою частью погребаютъ своихъ покойниковъ.

Мѣстопребываніемъ умершихъ они считали вулканическія горы, при чѣмъ думали, что дымъ, выходящій изъ этихъ горъ, означаетъ, что умершіе топятъ свои избы.

Для Ѣзда прежде служили собаки. Въ настоящее время они хотя и не оставили Ѣзды на собакахъ, однако держать и лошадей, на которыхъ Ѣздятъ преимущественно лѣтомъ.

Сани или нарты для Ѣзды на собакахъ отличаются легкостью и прочностью. Остовъ ихъ состоитъ изъ брусьевъ, связанныхъ ремнями изъ тюленьей кожи и поставленныхъ на широкие, выгнутые полозья. Собакъ запрягаютъ въ нарты попарно къ длинному ремню изъ тюленьей кожи. Управляютъ ими крикомъ.

Нужно замѣтить, что изъ всѣхъ сибирскихъ собакъ камчатскія собаки наиболѣе пригодны для Ѣзды. Они сильны, выносливы и быстро бѣгутъ. Пробѣжать по хорошей дорогѣ верстъ 80 въ день для нихъ не особенно трудно. Камчадалы любятъ своихъ собакъ и дорожатъ ими не менѣе, чѣмъ жители другихъ странъ дорожатъ лошадьми. Они очень искусны въ пріученіи собакъ къ Ѣзду. Для упражнѣя выбираютъ молодыхъ собакъ съ длинными лапами, длинными ушами, острой мордой, широкой спиной. Щенятъ, выбранныхъ для дрессировки, держать заперти до тѣхъ поръ, пока окажется возможнымъ подвергнуть ихъ испытанію. Въ первый разъ ихъ запрягаютъ вмѣстѣ съ выученными уже собаками. Они рвутся впередъ и изъ всѣхъ силъ тащатъ нарты съ камчадаломъ. Затѣмъ ихъ опять запираютъ въ темное помѣщеніе и черезъ нѣкоторое время снова запрягаютъ вмѣстѣ съ старыми собаками. Такъ поступаютъ до тѣхъ поръ, пока молодыя собаки не пріучатся къ упряжи.

Зимою хозяева кормятъ своихъ собакъ мерзлой рыбой; лѣтомъ же отпускаютъ ихъ на волю, и они сами добываютъ себѣ пищу, подбирая рыбу на отмеляхъ рѣкъ и озеръ.

Главное занятіе камчадаловъ состоитъ въ рыболовствѣ. Въ камчатскихъ рѣкахъ водится такъ много рыбы, что весною, когда она идетъ съ океана въ рѣки, ее можно ловить руками. Любимая камчадалами рыба — чевыча. Стада ея идеть вверхъ по рѣкѣ съ такимъ стремленіемъ, что предъ нимъ поднимается волна. Камчадалы, завидя эту волну, бросаются въ лодки, закидываютъ свои сѣти и безъ счету плавливаютъ добычу.

Водится въ камчатскихъ рѣкахъ также рыба горбуша. Стада ея такъ велики и густы, что когда они идутъ, то поднимается уровень воды въ рѣкѣ. Водится въ нихъ также множество семги, уловъ которой производится преимущественно весной.

Для ловли рыбы, кроме сътей, камчадалы употребляют верши, корзины, невода и другие рыболовные снаряды.

Наловленную рыбу женщины разрезывают, потрошат и вьшают на шесты для сушенья.

Кроме рыболовства, занимаются камчадалы также охотой. На полуострове водится много соболей, горностаевъ, медвѣдей, дикихъ оленей и другихъ звѣрей. Какъ только окончится рыболовство, камчадалы складываютъ всю свою рыбу въ балаганы и, перебравшись въ зимнія хижини, приступаютъ къ занятію охотой. Они ставятъ ловушки, капканы и охотятся на лыжахъ или конькахъ, съ собакой.

Почва Камчатки плодородна и способна къ разведенію огородовъ. Отъ русскихъ камчадалы научились огородничеству, и многие изъ нихъ съ успѣхомъ разводятъ картофель, капусту, рѣпку и другіе овощи, идущіе въ пищу. Кроме того, на Камчаткѣ растетъ множество крапивы, достигающей до сажени вышины. Камчадалы срѣзываютъ эту крапиву и изъ волоконъ ея приготовляютъ бечевки и веревки, идущія на сѣти и другія хозяйственныя надобности. Даѣще, изъ травы камчадалы плетутъ ковры, которыми устилаютъ полы своихъ избъ.

Пищей камчадаловъ служитъ преимущественно рыба, которой у нихъ всегда вдоволь. Питаются они также птицами, которыхъ бываютъ и ловятъ на рѣкахъ и озерахъ полуострова. Держа коровъ, почти все камчадалы могутъ имѣть молоко, сырь и другие молочные продукты. Отъ своихъ огородовъ они имѣютъ овощи, которыми уразнообразиваютъ свою пищу. Познакомившись отъ русскихъ съ хлѣбомъ, они полюбили его и стали сѣять рожь и молоть муку для хлѣба. Употребляютъ они въ пищу также ягоды, коренья и травы. Корень *сараны* сушатъ и употребляютъ для приготовленія каши и лепешекъ. Изъ смѣси кореньевъ, ягодъ, икры, китового или тюленьяго жира и копченой рыбы они приготовляютъ свое любимое блюдо—*селягу*.

Запасая продовольствіе на зимніе мѣсяцы, камчадалы отыскиваютъ норы особой породы мышей—домоводокъ—и вынимаютъ оттуда большую часть ихъ запаса кедровыхъ орѣховъ, зеренъ и кореньевъ.

Отъ русскихъ камчадалы познакомились съ водкой, и она имъ настолько понравилась, что они считаютъ для себя большимъ наслажденіемъ напиться до пьяна. При неимѣніи водки, они пьютъ настой мухомора.

Пищу они держать въ деревянныхъ мискахъ, чугунныхъ котлахъ и дубочныхъ ведрахъ. При ъѣѣ не употребляютъ ни ложекъ, ни вилокъ, довольствуясь только пожкомъ.

XII.

ЯКУТЫ.

Якуты населяютъ Якутскую область, по бассейнамъ Лены, Яны, Индигирки и Колымы. Ихъ насчитываютъ до двухсотъ-тридцати тысяч человѣкъ обоего пола.

Страна, на которой поселились якуты, представляетъ мало удобствъ къ жизни; но, несмотря на это, они обжились въ ней и думаютъ, что не можетъ быть болѣе благодатной страны.

Первоначально якуты жили около Байкальского озера и на рѣкѣ Ангарѣ, но вытѣсненные оттуда бурятами и другими инородцами, двинулись на сѣверъ и сѣверо-востокъ и заняли мѣстность, которую населяютъ въ настоящее время.

Якуты сами себя называютъ *зохами*. Якутами назвали ихъ впервые русскіе, которые смѣшили ихъ съ юкагирами, живущими въ сосѣдствѣ съ ними.

Якуты относятся къ турецко-татарскому (туркскому) племени. Они имѣютъ смуглый цвѣтъ лица, широкій приплюснутый носъ, черные, блестящіе узкіе глаза и черные волосы; бороды и усовъ не имѣютъ, такъ какъ выдергиваютъ волосы, когда они начинаютъ расти; волосы на головѣ стригутъ коротко, оставляя длинными только на затылкѣ; женщины заплетаютъ косы.

Одежда якутовъ состоять изъ шубы или кафтаны до колѣнь длиною, съ разрѣзомъ назади, для удобства при верховой Ѣздѣ. Зимою сверхъ этой шубы надѣваютъ еще другую шубу, называемую *санаякъ*; на голову надѣваютъ суконную шапку, обшитую по окольшку мѣхомъ. На шею надѣваютъ бѣличин хвости, а на руки — рукавицы изъ лисьихъ лапъ. На ладоняхъ рукавицъ дѣлается прорѣха, чрезъ которую, не снимая рукавицы, можно высунуть руку, если нужно сдѣлать что-нибудь на морозѣ голою рукою. На ноги надѣваютъ кожаныя узкія панталоны (сугтуры) и длинные сапоги изъ кожи оленевыхъ или лошадиныхъ ногъ (торбасы); подъ колѣномъ и повыше колѣна они перевязываются ремнями. Одежда женщинъ похожа на одежду мужчинъ, только шуба или кафтанъ ихъ дѣлается длиннѣе; они любятъ украшать себя огромными серебряными или мѣдными серыгами, серебрянымъ широкимъ ожерельемъ и широкими браслетами. Шапка ихъ, будучи похожа на мужскую, отличается отъ послѣдней только изобиліемъ шитьемъ поверху.

Одежда богатыхъ якутовъ и якутокъ отличается отъ одежды бѣдныхъ болѣе дорогою матеріею, которою покрывается шуба, болѣе изобиліемъ шитьемъ и серебрянымъ поясомъ съ разными чеканенными на немъ фигурами.

Якуты лѣтомъ живутъ въ берестяныхъ чумахъ, которые при перекочевкѣ перевозятся; чумы ихъ похожи на чумы самоѣдовъ и другихъ сѣверныхъ инородцевъ. Зимою они живутъ въ избушкахъ, сдѣланнныхъ изъ досокъ или тонкихъ бревенъ,

прикрепленныхъ къ четыремъ столбамъ. Снаружи избушки обмазаны глиной, смѣшанной съ навозомъ, или обложены дерномъ. Низкая кровля изъ жердей покрывается сѣномъ, а потомъ слоемъ земли. Свѣтъ въ избушку проникаетъ чрезъ одно или два небольшія оконца съ вставленными въ нихъ льдинами. Низкая дверь всегда обращена къ востоку. Поль у бѣдныхъ опущенъ внизъ фути на два и плотно убитъ; у богатыхъ онъ приподнятъ и выстланъ досками. Вдоль стѣнъ избушки устроены постели, отгороженная одна отъ другой лошадиными кожами или досками. Посрединѣ ея, поближе къ дверямъ, стоитъ чуваль или очагъ, съ трубою, проведеною въ кровлю; въ немъ безпрестанно горить огонь, для тепла и варки пищи. По стѣнамъ избы развѣшаны платье и другія принадлежности якутовъ. Возлѣ избушки устраивается обыкновенно нѣсколько сараевъ для коровъ и телятъ. Впрочемъ, очень часто телята и жеребята помѣщаются въ самой избѣ, вмѣстѣ съ людьми.

Въ якутскихъ избушкахъ всегда бываетъ до крайности грязно; воздухъ въ нихъ обыкновенно испорченъ. Вслѣдствіе испорченности воздуха въ избушкахъ и крайней нечистоплотности якутовъ, какъ они сами, такъ и всѣ вещи ихъ пропитываются непріятнымъ запахомъ; даже ягоды и молоко, продаваемыя ими русскимъ, отдаютъ этимъ запахомъ.

Свои хижины или чумы якуты ставятъ разбросанно, въ нѣсколькихъ верстахъ одна отъ другой. Въ каждой хижинѣ живеть два или три семейства, связанныя между собою родствомъ. Пастбища и сѣнокосы якутовъ прилегаютъ большою частью къ ихъ избамъ или чумамъ.

Многолюдныхъ деревень или селений у якутовъ нѣть. Нѣсколько десятковъ избушекъ или чумовъ, расположенныхыхъ па извѣстномъ пространствѣ, составляютъ *наслегъ* или, по мѣстному произношенію,—*ночлагъ*. Нѣсколько наслеговъ составляютъ *улусъ*. Въ улусѣ живеть нѣсколько сотъ и даже до тысячи и болѣе человѣкъ. Улусомъ управляетъ избранный народомъ и утвержденный русскимъ начальствомъ *голова*, а наслегомъ—*староста* и его помощники—*старшины*. Староста и старшины наблюдаютъ за порядкомъ въ наслегѣ и заботятся объ исправномъ взносѣ податей.

Якуты отъ природы одарены довольно значительными умственными способ-

ностями; они обладают сильною памятью: все события изъ своей жизни они помнятъ съ удивительной отчетливостью и ясностью. Достаточно якуту разъ проѣхать по дорогѣ, чтобы навсегда запомнить каждый кустикъ, ручеекъ, пригорокъ. Изъ выше-
нихъ чувствъ особенно сильно у якутовъ зрѣніе; они ясно видятъ на такомъ далекомъ разстояніи, на какомъ ни одинъ европеецъ не въ состояніи ничего различить. Нѣкоторые якуты невооруженнымъ глазомъ видятъ такія звѣзды, которыхъ европейцу видны только въ подзорную трубу.

Благодаря своей преимущество и умственной способности, якуты легко научаются ремесламъ. Они плотничаютъ не хуже настоящихъ русскихъ плотниковъ; столярныя издѣлія они производятъ не хуже русскихъ столяровъ: большая часть мебели, употребляемой жителями Якутска, дѣлается руками якутовъ. Нѣкоторые якуты на-
учаются дѣлать кинжалы и ножи, и издѣлія ихъ не заставляютъ желать лучшаго. Рукоятка якутскихъ кинжаловъ искусно украшается оловомъ, ножны къ нимъ дѣлаются изъ бересты, обтягиваются черной кожей и, для прочности, оковываются же-
лѣзными полосками. Изъ мамонтовой кости они искусно дѣлаютъ гребни, гребенки и разныя другія издѣлія, а изъ бѣлыхъ и цвѣтныхъ кожъ—изящные ковры. Многія якутки поступаютъ въ русскіе дома въ услуженіе нянѣками, швеями, горничными, кухарками, а якуты—кучерами, лакеями и дворниками,—и хозяева довольны работой своей прислуги. Для якутскихъ дѣтей устроено нѣсколько школъ, въ которыхъ они на-
учаются читать, писать и начальнымъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ.

Умственная сила якутовъ проявляется также во вліяніи ихъ на русскихъ. Якутскій языкъ сдѣлался во многихъ русскихъ семействахъ преобладающимъ; многіе русскіе охотнѣе разговариваютъ по-якутски, чѣмъ по-русски. Такое явленіе объясняется тѣмъ, что прислуга въ русскихъ семействахъ преимущественно состоитъ изъ якутовъ: нянѣка—якутка, кухарка—якутка, кучеръ—якутъ и т. д. Дитя съ первыхъ дней жизни слышитъ якутскую рѣчь и научается ей. Взрослый человѣкъ, имѣя болѣею частью дѣло съ якутами, разговариваетъ съ ними на ихъ языке и привыкаетъ на немъ выражать свои мысли. Кромѣ языка, многіе русскіе переняли отъ якутовъ нѣкоторые ихъ обычай и одежду. Особенно зимою часто можно встрѣтить русскихъ въ якутской одеждѣ.

При своихъ значительныхъ умственныхъ способностяхъ, якуты въ нравственномъ отношеніи, по свидѣтельству лицъ, жившихъ среди нихъ, стоять ниже другихъ инородцевъ: они лукавы и не всегда честны. Если что плохо припрятано, якуть стащить; если представляется возможность поживиться обманомъ, онъ не задумается прибѣгнуть къ нему. Кромѣ того якуты злопамятны и мстительны: за полу-
ченную обиду якуть постараится отомстить; если же это не удастся ему самому, онъ завѣщасть мщеніе своему сыну или ближайшему родственнику. Даѣе, они скрытны и необщительны; вслѣдствіе этого своего качества, они стараются селиться уединено. Но уединенная жизнь не мѣшаетъ имъ затѣвать тяжбы между собою и съ русскими. Къ тяжбамъ они большиe охотники. Якуть не преминеть никакого случая, дающаго ему возможность затѣять съ кѣмъ-нибудь тяжбу или привлечь кого-нибудь къ ответственности. Къ указаннымъ чертамъ характера якутовъ слѣдуетъ еще прибавить хитрость и вкрадчивость ихъ. Якуть всегда сумѣеть пріобрѣсти довѣріе русскаго, если это ему полезно.

Добротель, общая у якутовъ съ другими инородцами, состоить въ госте-

примствѣ. Путешественникъ всегда найдетъ въ избушкѣ или чумѣ якута радушный приемъ и готовность подѣлиться тѣмъ, чтѣ у него есть.

Для выражения своей ласки къ кому-нибудь якуты не цѣлаютъ его, а обнимаютъ его и нюхаютъ его голову, шею, одежду. Такъ, мать, желая приласкать своего ребенка, обнимаетъ и обнюхиваетъ его. Только якуты, часто обращающіеся съ русскими, научились отъ послѣднихъ выражать свою пріязнь и ласку поцѣлуемъ.

При встречѣ знакомые якуты привѣтствуютъ другъ друга словомъ *kensde*, т.-е. рассказывай.

Свободное время якуты проводятъ въ своихъ чумахъ, у горящаго огня, въ бесѣдѣ, слушаніи разсказовъ и карточной игрѣ. Жены ихъ въ это время занимаются рукодѣліемъ. Весной, когда луга покрываются травой, якуты справляютъ праздникъ „юзехъ“, при чемъ ёдятъ много мяса, пляшутъ и поютъ пѣсни.

Живя въ суровомъ климатѣ, якуты въ удивительной мѣрѣ приспособились къ перенесенію холода. Нерѣдко якуту приходится ночевать подъ открытымъ небомъ при сорокаградусномъ морозѣ. Онъ раскалываетъ сѣть, разводить костеръ, снимаетъ съ себя верхнюю одежду и ложится у костра, прикрывшись снятой одеждой. Согрѣвшись у костра, онъ затыкаетъ себѣ шерстью носъ и уши, закрываетъ лицо и такимъ образомъ засыпаетъ, не боясь замерзнуть. Еще съ младенчества якуты пріучаются къ перенесенію холода. Своихъ маленькихъ дѣтей они вытираютъ снѣгомъ, пріучая ихъ такимъ образомъ къ перенесенію стужи. Зимою нагія или полунаагія дѣти сидятъ въ хижинѣ на голомъ холодномъ земляномъ полу и, несмотря на сильный морозъ, не одѣвшись, выбѣгаютъ изъ хижинъ на открытый воздухъ.

Большинство якутовъ считаются христіанами; но многіе изъ нихъ исполняютъ только наружные обряды христіанской религіи, придерживаясь языческихъ суевѣрій и вѣруя въ силу своихъ шамановъ. Громъ и молнію, солнце и огонь они почитаютъ за существа живыя, которымъ нужно поклоняться и которыхъ нужно умилостивлять жертвой. Предъ началомъ ёды они бросаютъ кусокъ мяса или сала въ огонь. Если при этомъ на огнь щелкнетъ, то это, по ихъ понятію, предвѣщаетъ большое несчастіе, для избѣженія котораго стараются умилостивить огонь новою жертвою. Передъ огнемъ якуты присягаютъ, при чемъ присягающей садится на черепъ медведя, лицомъ къ очагу, и льстъ на огонь масло, остатокъ котораго выпиваетъ, приговаривая: „Если я солгалъ въ своемъ показаніи, то пусть это масло превратится въ ядъ и отравить мою внутренность“.

Въ нѣкоторыхъ якутскихъ избушкахъ или чумахъ можно видѣть деревянныхъ идоличковъ, которымъ во время ёды обмазываютъ лицо жиромъ или саломъ, но почетей имъ никакихъ не воздаютъ.

Русское духовенство старается просвѣщать якутовъ христіанскими истинами и отстранять ихъ отъ языческихъ суевѣрій и понятій. Дѣятельность его не остается безъ послѣдствій: многіе якуты стараются жить по требованію христіанской церкви и съ уваженіемъ относятся къ своимъ пастырямъ. Когда священникъ прїезжаетъ въ наслегъ, якуты его встречаютъ, кланяются ему и приглашаютъ его въ лучшую избушку или въ лучшій чумъ.

Священное писаніе переведено на якутскій языкъ и якуты имѣютъ возможность слушать богослуженіе на родномъ языкѣ.

Въ числѣ бытовыхъ обрядовъ якутовъ сохранилось много языческихъ, которые совершаются рядомъ съ христіанскими обрядами.

Бракъ у якутовъ совершается послѣ уплаты родителямъ невѣсты условленнаго калыма. Случается, что родители просватаютъ своихъ еще малолѣтнихъ дѣтей, при чёмъ начинается уплата калыма. Большею же частью женихъ самъ находитъ себѣ невѣсту и, съ согласія своихъ родителей, посыаетъ къ родителямъ невѣсты свата, который и условливается относительно калыма. Заключивши условіе, спрашиваются невѣсту, согласна ли она выйти за сватающагося жениха. Она обыкновенно молчитъ, и молчаніе ея принимается за согласіе. Спустя нѣсколько времени, обыкновенно въ первыхъ числахъ рожденія новой луны, женихъ съ родственниками пріѣзжаетъ въ улусь невѣсты. Вошедши въ избу, онъ становится по правую сторону очага, а отецъ съ матерью по лѣвой. Женихъ становится на правое колѣно и лѣтъ въ огонь топленое масло, потомъ, приподнявши шапку, дѣлаетъ три поклона. Шаманъ, сидящій на отцовской постели, провозглашаетъ пожеланіе вступающимъ въ бракъ счастья, долголѣтія, богатства и многочисленнаго потомства. Женихъ выходитъ изъ избы, надѣваетъ лучшее платье и съ гостями возвращается въ избу. Начинается угощеніе лошадинымъ и коровьимъ мясомъ, масломъ и чаемъ. Послѣ угощенія невѣста вмѣстѣ со своими родственниками ёдетъ въ улусь жениха. Когда поѣздъ приблизится, родственники нахлобучиваютъ ей на глаза шапку или завѣшиваютъ ея лицо шкуркою. Затѣмъ трое изъ нихъ входятъ въ хижину жениха. Вошедши, они становятся на колѣни передъ горящимъ очагомъ и объявляютъ, что пришли по порученію невѣсты осмотрѣть ея новое жилище. Имъ подносятъ по кружкѣ кумысу, мѣрою каждая около четверти ведра. Они трижды призываютъ благословеніе на молодыхъ, кроняютъ на очагъ кумысомъ и пьютъ его. Обычай требуетъ, чтобы они выпили все до дна. Выпивъ кумысъ, они выходятъ изъ хижины и присоединяются къ прибывшему поѣзду невѣсты. Невѣста, вошедши въ хижину, становится на правое колѣно, кладетъ въ огонь масло и дѣлаетъ три поклона. Шаманъ вторично провозглашаетъ пожеланіе жениху и невѣстѣ богатства, счастья и многочисленнаго потомства. Начинается ширчество. На другой или третій день родители брачущихся обмѣниваются подарками; если подарки не соответствуютъ ихъ ожиданіямъ, между ними зарождается вражда.

Родство по мужскому колѣну признается у якутовъ препятствиемъ къ заключенію брака; свойство же не признается такимъ препятствиемъ. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что якуты стараются брать себѣ женъ изъ чужого рода и даже чужого улуса.

Послѣ совершенія языческихъ обрядовъ, вступающіе въ бракъ обвѣнчиваются священникомъ при его пріѣздѣ въ улусъ.

При рожденіи у якута сына, отецъ призываетъ къ себѣ родственниковъ и знакомыхъ, угощаетъ ихъ мясомъ и при этомъ даетъ имя новорожденному. При рожденьи дочери обыкновенно не бываетъ никакого празднества. Крещеніе новорожденнаго совершается при пріѣздѣ въ улусъ священника.

Своихъ дѣтей якуты не особенно балуютъ и нѣжатъ; кладутъ ихъ нагими въ жесткія зыбки или корыта изъ бересты, прикрываютъ ихъ старыми шкурами или лохмотьями, кормятъ молокомъ съ водою и мало обращаютъ вниманія на ихъ крикъ, думая, что чѣмъ больше младенецъ кричитъ, тѣмъ скорѣе растетъ.

Покойника якуты погребаютъ обыкновенно въ день его смерти. Вмѣстѣ съ покойникомъ кладутъ въ могилу его платье и убитую лошадь съ сбруей, а также съѣдобное — мясо и жиръ.

Зарывши покойника, якуты обѣзждаютъ его могилу три раза противъ солнца. Близкіе родственники покойника не приближаются къ могилѣ, а издали жалобно го-лосятъ. На могилѣ ставятъ иногда срубъ, который огораживаютъ заборомъ, на столбахъ котораго вѣшаютъ конскія головы. Родственники покойнаго, жившие съ нимъ въ одномъ чумѣ, переселяются въ другой чумъ, такъ какъ считаютъ то мѣсто, гдѣ умеръ покойникъ, жилищемъ злого духа.

Покойниковъ, погребенныхъ безъ отпѣванія священника, послѣдній отпѣваетъ при своемъ прибытіи въ наслегъ.

Сказавши о нѣкоторыхъ языческихъ обрядахъ, сохранившихся у якутовъ, слѣдуетъ замѣтить, что обряды эти послѣдовательно исчезаютъ, по мѣрѣ того, какъ христианское ученіе проникаетъ въ сознаніе народа. Въ нѣкоторыхъ улусахъ, гдѣ есть церковь и священники, почти совершенно утратились языческіе обряды и вѣрованія и о нихъ сохранились лишь преданія.

Главное богатство якутовъ состоить въ табунахъ лошадей и стадахъ рогатаго скота. Лошадь служить для нихъ тѣмъ, чѣмъ олень для самоѣдовъ и остыковъ, т.-е. не только употребляется для верховой Ѣзды и перевозки тяжестей, но и доставляетъ пищу и питье: конина составляеть лакомое блюдо якутовъ, а кумысъ — ихъ любимый напитокъ. Якутская лошадь пріучена переносить и стужу, и недостатокъ пищи. Она остается подъ открытымъ небомъ при тридцати и болѣе градусахъ мороза и сама добываетъ себѣ кормъ изъ-подъ снѣга. Пробѣжать нѣсколько десятковъ верстъ и затѣмъ въ поту остаться на морозѣ безъ попоны — для нея ни почемъ. Несмотря на скучность пищи, якутская лошади долго сохраняютъ бодрость и силу.

Кромѣ лошадей, для Ѣзды употребляются также олени и собаки. Собакъ запрягаютъ въ длинныя нарты, переплетенные ремешками. Передняя часть нарты скрѣплена полукруглой вѣтвью, называемой барапомъ; отъ барапа проведенъ ремень съ узлами, на которые, по обѣ стороны ремня, прицѣпляются петлями собаки. Въ одну нарту запрягаются отъ 6 до 14 собакъ, смотря по грузу; на каждую собаку полагается около одного пуда тяжести. Спереди прицѣпляются наиболѣе смышленыя собаки. Якутъ, сидящій на передней части нарты, держитъ въ рукѣ длинный кнутъ, которымъ и ударяетъ собаку, вздумавшую лѣгнуться или шалить. Нужна нѣкоторая ловкость и опытность, чтобы ударить именно ту собаку, которую слѣдуетъ наказать.

Содержаніе собакъ якутамъ почти ничего не стоитъ, такъ какъ кормятъ ихъ мерзлой рыбой, и то только зимою, когда держать ихъ на привязи. Лѣтомъ распускаютъ ихъ на волю, и тогда онѣ сами добываютъ себѣ пищу по мелкимъ рѣкамъ, куда въ половодіе заходитъ рыба и, не имѣя возможности, при быстрой убыли воды, сплыть обратно, остаются тутъ. Осеню, съ установлениемъ зимняго пути, хозяева собираютъ своихъ собакъ и держать ихъ на привязи, употребляя въ работу всякий разъ, когда то понадобится.

Рогатый скотъ разводится якутами для молока и мяса, а также и для пере-

возки большихъ тяжестей. Якуты, подобно бурятамъ, прокалываютъ телятамъ ноздри и въ проколотое мѣсто продѣваютъ кольцо или палочку, къ которой привязываютъ поводь, служащій для управления быкомъ.

Для корма рогатаго скота въ зимніе мѣсяцы заготавлиаютъ стоги сѣна. Случается, что, при недостаткѣ сѣна, якуты кормить скотъ рыбой, которой всегда имѣется большой запасъ.

Въ послѣднее время часть якутовъ, живущихъ въ южной части Якутской области, начала заниматься, въ подражаніе русскимъ, хлѣбопашествомъ. Но занятіе это находится себѣ препятствіе въ климатическихъ условіяхъ страны. Нерѣдко случается, что засѣянный хлѣбъ пропадаетъ отъ мороза, прежде чѣмъ успѣеть созрѣть. Но, несмотря на это, все болѣе и болѣе расширяется мѣсть для посѣва хлѣба. Якуты сѣютъ рожь, ячмень и садятъ картофель.

Звѣриный промыселъ хотя съ каждымъ годомъ замѣтно падаетъ, однако доставляетъ еще значительный доходъ якутамъ. Они охотятся на соболей, песцовъ, лисицъ, бѣлокъ и другихъ звѣрей. Наиболѣе прибыльной считается охота за дикими оленями. Охота за ними производится два раза въ годъ: весной, во время перехода ихъ изъ лѣсовъ къ берегамъ Ледовитаго океана, и осенью, когда они изъ прибрежныхъ полярныхъ странъ бѣгутъ обратно въ лѣса. Весенняя охота не особенно прибыльна, такъ какъ олени въ это время тощи и шерсть на нихъ плоха; болѣе прибыльна осенняя охота, когда олени жирны и шкура ихъ цѣнна.

Якуты, зная, въ какихъ мѣстахъ олени обыкновенно переплываются чрезъ рѣки, дѣлаютъ здѣсь засаду и, когда они войдутъ въ воду, бьютъ ихъ.

Наконецъ, рыболовство составляетъ значительное подспорье въ хозяйствѣ якутовъ, живущихъ по берегамъ рѣкъ, изобилующихъ рыбой. Они ловятъ такое множество рыбы, что не только сами питаются ею, но также кормятъ ею, какъ уже сказано, собакъ и иногда рогатый скотъ. Нужно замѣтить, что значительная часть вылавливаемой ими рыбы пропадаетъ непроизводительно, такъ какъ они не умѣютъ заготавливать ее впрокъ, а сваливаютъ въ ямы, гдѣ она скоро портится.

Пища якутовъ обусловливается ихъ занятіемъ и климатомъ. Преобладающая ихъ пища — мясная: конина, говядина, дичь и рыба; кроме того, они питаются молочными скопами и ягодами. Въ особенности же они любятъ жирное мясо: чѣмъ жирнѣе оно, тѣмъ больше оно имъ нравится. Мясо варять и очень рѣдко его жарятъ. Жиръ считается у нихъ величайшимъ лакомствомъ, а самое неумѣренное пресыщеніе имъ — величайшимъ блаженствомъ. Они употребляютъ его въ различныхъ видахъ: сырымъ и топленымъ, въ свѣжемъ и испорченномъ видѣ. Хлѣба они употребляютъ мало и смотрятъ на него, какъ на лакомство. Недостатокъ своей пищи они пополняютъ сосновой или лиственничной корой, которую соскабливаютъ, сушатъ, толкуютъ и затѣмъ мѣшаютъ съ сушеною рыбой, молокомъ или жиромъ и эту смѣесь варятъ, при чѣмъ получается нѣчто вродѣ размазни.

Для якутовъ не столько имѣть значенія качество пищи, сколько количество ея. Они съѣдаютъ неимовѣрно большое количество пищи и любятъ не только есть, но и вспоминать въ разговорѣ, гдѣ и когда они вдовольѣли мяса или жира. Они пользуются всяkimъ случаемъ, чтобы поѣсть. Бѣдять и съ радости, и съ печали; даже больные не откажутся вдовольѣ поѣсть. На свадьбахъ и другихъ выдающихся случаяхъ жизни приглашаются иногда Ѣдоки, которые стараются переиграть одинъ

другого въ количествѣ съѣденнаго. Путешественникъ Симпсонъ разсказываетъ, что въ Якутскѣ онъ призвалъ къ себѣ двухъ извѣстныхъ ёдоковъ и поставилъ предъ ними два пуда вареной говядины и пудъ растопленнаго масла; каждому дали по пуду мяса, а масло они могли есть ложками. Чрезъ нѣсколько часовъ все предложенное имѣть было съѣдено. Послѣ того они, какъ змѣи, три-четыре дня пробыли въ какомъ-то полусознательномъ состояніи, не пили и не ёли и только катались по полу, чтобы возбудить пищевареніе.

Любимымъ напиткомъ якутовъ служитъ кумысъ. Для большей пріятности и питательности они прибавляютъ въ него нетопленаго масла. Отправляясь лѣтомъ въ путь, якуты непремѣнно возьмутъ съ собою въ кожаномъ мѣшкѣ кумысу. Между достаточными якутами въ послѣднее время распространілось употребленіе кирничнаго чая съ молокомъ.

Подобно другимъ инородцамъ, якуты любятъ пить водку и курить табакъ. Курятъ они самый крѣпкій табакъ, изъ складныхъ трубокъ. Глотая табачный дымъ, они приходятъ отъ него въ опьяненіе, которое считаютъ для себя однимъ изъ лучшихъ удовольствій и которое иногда приводить ихъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ.

XIII.

СИБИРСКИЕ ТАТАРЫ.

Сибирские татары — потомки техъ татаръ, которыхъ русские встрѣтили при покореніи Сибири. Въ настоящее время ихъ насчитывается около 90 тысячъ человѣкъ. Живутъ они преимущественно въ Тобольской, Томской и Енисейской губерніяхъ; встречаются также въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ и въ Восточной Сибири. Они раздѣляются на нѣсколько племенъ, замѣтно отличающихся одно отъ другого образомъ жизни, обычаями и даже вѣнчаниемъ видомъ.

Татары Енисейской губерніи извѣсты большею частью подъ именемъ *качинцевъ*, *сагайцевъ*, *кизильцевъ* и др. Татарскія племена остальной части Восточной Сибири извѣсты подъ названіемъ *карласовъ*, *аритовъ*, *сойотовъ* и др.

Татарскія племена относятся къ тюркской семье народовъ; но они въ значительной мѣрѣ носятъ на себѣ отпечатокъ техъ народовъ, въ сосѣдствѣ съ которыми живутъ. Такъ, напр., восточно-сибирскіе и барабинскіе татары носятъ на себѣ отпечатокъ монголо-манчжурскаго племени и замѣтно отличаются своимъ вѣнчаниемъ отъ тобольскихъ татаръ, носящихъ отпечатокъ тюркскаго племени.

Языкъ сибирскихъ татаръ есть тюркское нарѣчіе; онъ нѣсколько отличается отъ языка татаръ, живущихъ въ Европейской Россіи. По-русски почти все сибирскіе татары говорятъ болѣе или менѣе свободно.

Большая часть сибирскихъ татаръ ведеть осѣдлый образъ жизни, мѣньшая же ихъ часть, именно татарскія племена, живущія въ Енисейской губерніи, продолжаютъ еще вести полукуочевой образъ жизни.

Осѣдлые татары живутъ въ селеніяхъ или городахъ. Полукуочевые — зиму проводятъ въ такъ называемыхъ зимовкахъ, а на лѣто перекочевываютъ въ мѣста, удобныя для пастьбы скота.

Татарскія селенія не велики. Нѣсколько селеній составляютъ волость, управляемую старшиной. Татарскій старшина (башлыкъ) обыкновенно ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ своихъ единоплеменниковъ, если только онъ не особенно богатъ.

Жилищемъ осѣдлыхъ татаръ служать избушки — у бѣдныхъ, и большие, иногда двухъ-этажные дома — у богатыхъ. Окна какъ въ избушкахъ, такъ и въ большихъ татарскихъ домахъ прорубаются высоко, почти подъ самыи потолкомъ.

Полукуочевые татары въ зимніе холода скрываются въ деревянныхъ хижинахъ съ земляной крышей, а на лѣто ставятъ войлочные или берестяные юрты. Внутреннее устройство ихъ хижинъ и юртъ большею частью бываетъ таково: противъ входа помѣщаются на нарахъ постель хозяина; надъ нарами приढланы шесты, на коихъ виситъ праздничная одежда; по стѣнамъ устраиваются полки, на которыхъ помѣщаются хозяйственныя принадлежности, при чемъ такъ, что на лѣвой, или

мужской, сторона съкладывается съдла, сбруя и вообще вещи, необходимы для мужчинъ, а на правой, или женской, сторонѣ разставляется деревянная, глиняная и мѣдная посуда: вѣдра, кадки, корыта, горшки, котлы и т. п. Посреди юрты устраивается изъ камней очагъ, надъ которымъ на таганѣ помѣщается котель для

приготовленія пищи. Около очага ставится низенький столикъ, на которомъ хозяинъ и гости Ѣдятъ, сидя на полу.

Въ юртахъ и особенно въ зимнихъ хижинахъ бѣдныхъ татаръ бываетъ крайне неопрятно: стѣны и потолокъ покрыты паутиной, полъ грязенъ, вездѣ валяются обѣды съестного. Жилище зажиточныхъ татаръ содержитъ значительно чище.

Одежда татаръ-мусульманъ обыкновенно такая же, какъ и у приволжскихъ татаръ. Она въ большинствѣ случасвь стоитъ изъ башмета и халата, а зимою—овчинной шубы; на бритую голову надѣваютъ аракчинъ, а сверхъ него—суконную или мерлушачью шапку или же войлочный колпакъ съ завороченою кверху заднею частью, образующею такимъ образомъ родъ козырька. Чалма бѣлаго или зеленаго цвѣта носится духовенствомъ и пожилыми татарами. Татарскія женщины, особенно зажиточныя, любятъ наряды. Ихъ шапка и халатъ бываютъ обшиты позументомъ. На концахъ косъ навѣшиваются металлическія украшенія, состоящія преимущественно изъ монетъ. Въ ушахъ носятъ серги, на шѣй—ожерелье, а на рукахъ—браслеты. Онѣ иногда бѣлятся, румянятся, чернить зубы и красятъ ногти.

Крещеные татары въ запачтальной мѣрѣ переняли одежду русскихъ.

Сибирскіе татары занимаются всѣми промыслами, существующими въ краѣ. Такъ, многіе изъ нихъ занимаются земледѣліемъ. Во время полевыхъ работъ въ нѣкоторыхъ татарскихъ селеніяхъ только и можно встрѣтить дѣтей и старухъ, неспособныхъ къ работѣ; остальные же жители работаютъ на сѣнокосѣ или на пашнѣ. Кромѣ земледѣлія, татары занимаются огородничествомъ; но они разводятъ овощи не столько для продажи, сколько для собственного употребленія. Вторымъ промысломъ татаръ служитъ скотоводство. Они разводятъ лошадей, коровъ, овецъ. Въ связи съ разведеніемъ лошадей находится извозчій промыселъ. Рѣдкій изъ татаръ, живущихъ по большимъ трактамъ, не занимается извозомъ; они перевозятъ проѣзжающихъ отъ одной станціи до другой, или же подряжаются на перевозку на значительныя пространства казенныя и частныя клады.

Наиболѣе любимый промыселъ татаръ—торговля. Они имѣютъ торговыя сношенія съ хивинцами, бухарцами, туркестанцами, киргизами и русскими купцами въ Европейской Россіи. Предметомъ ихъ торговли служатъ: бумажная и шерстяная ткани, шелковыя матеріи, чай, фрукты, шерсть, кожа, сало и т. п. Все это сбываются они или на ярмаркахъ, или изъ своихъ постоянныхъ лавокъ, находящихся во многихъ городахъ Сибири. Занимаются они также и разносной торговлей. Съ небольшимъ запасомъ галантерейного товара переѣзжаетъ татаринъ изъ селенія въ селеніе и продаєтъ свой товаръ.

Междуди сибирскими татарами встрѣчаются охотники; но охота не составляетъ главнаго ихъ промысла. Болѣе прибыльнымъ является рыболовство на рѣкахъ и озерахъ Сибири. Большую часть ловимой рыбы они продаютъ въ сосѣднихъ городахъ.

Татары Тобольского, Ялуторовского и Каинскаго округовъ промышляютъ ловлей піявокъ. Ловятъ ихъ обыкновенно на мясную приманку; но иногда ловятъ такъ: войдеть татаринъ въ озеро и сидѣть въ немъ, пока всего его не обѣпятъ піявки; выйдя изъ озера, онъ снимастъ съ себя добычу. Нѣкоторыя татарки занимаются пропусканіемъ піявокъ больнымъ, и эти послѣдніе нерѣдко предпочитаютъ ихъ цырюльникамъ.

Домашнія работы лежать на обязанности женщинъ, которая не только ухаживаютъ за дѣтьми, но также приготовляютъ пищу, шьютъ одежду и обувь членамъ семьи, валяютъ войлоки и вышиваютъ шелкомъ и золотомъ. Шитье татарокъ отличается не столько вкусомъ, сколько тщательностью отдѣлки.

Пищей татаръ служить конина, говядина, баранина, рыба, хлѣбъ, овощи и молочные скопы. Мясо или рыбу варятъ съ крупой или жарятъ на вертелѣ.

92

Любимымъ напиткомъ ихъ служить кирпичный чай. Они размельчаютъ его въ маленькой ступкѣ и завариваютъ въ чайникѣ или кувшинѣ. Настоявшійся чай наливаютъ въ чашки и разбавляютъ молокомъ или сливками. Сахаръ не составляетъ необходимой принадлежности къ кирпичному чаю и употребляется только зажиточными татарами. Пьютъ татары также кумысъ; въ большомъ употреблении у нихъ и айранъ—крѣпкій напитокъ, приготовляемый изъ коровьяго молока. Не пренебрегаютъ они и аракой, т.-е. водкой, перегоняемой изъ кумыса.

Большая часть татаръ исповѣдуютъ магометанскую религию суннитскаго толка. Почти въ каждомъ болѣе или менѣе многолюдномъ селеніи находится мечеть; кромѣ того, имѣется школа, где мальчики обучаются грамотѣ и знакомятся съ учениемъ корана. Требованія своей религіи магометане исполняютъ усердно.

Небольшая часть татаръ, живущихъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ, крещена. Но вслѣдствіе разбросанности татарскихъ поселеній и слабаго распространенія между крещеными татарами образованія, христіанская понятія не могли собою вполнѣ вытеснить прежнія магометанская или языческія вѣрованія.

Татары-язычники, встрѣчающіеся въ Томской и Енисейской губерніяхъ, почитаютъ шамановъ и вѣруютъ въ Кудая и горныхъ, водяныхъ, домовыхъ и т. п. духовъ. Кудай — верховный богъ и править міромъ. Горные духи живутъ въ горахъ; охотники бросаются имъ въ жертву часть своей добычи. Водяной духъ управляетъ водами; ему приносятъ жертвы исключительно весною. Подземный духъ называется Айна; онъ злѣе всѣхъ остальныхъ духовъ; его могутъ умилостивить только шаманы. Болѣзни на людей посылаетъ духъ Ерлыхаль, а смерть — Шайтанъ. Послѣ смерти душа человѣческая, по понятію татаръ-язычниковъ, некоторое время блуждаетъ между могилой и юртой; затѣмъ она прогоняется шаманомъ, по просьбѣ родственниковъ, и неизвѣстно куда уходитъ. Душу великаго грѣшика Шайтанъ отправляетъ къ Ерлыхану на мученіе.

Болѣзни у нихъ лѣчать знахари и шаманы. Первые запасаютъ травы и другія лѣчебныя вещества и продаютъ ихъ больнымъ, при чемъ наставляютъ, какъ ихъ употреблять; вторые же лѣкарствъ не даютъ, а только шаманитъ. Пришедши, по приглашенію, въ юрту больного, шаманъ надѣваетъ свой шаманскій костюмъ, береть въ руки бубенъ и начинаетъ шаманить то надъ больнымъ, то надъ заранѣе приготовленной брагой, при чемъ высказывается, какой жертвы требуетъ Шайтанъ. По его указанію колютъ коня, или корову, или же овцу. Половина заколотаго животнаго идетъ въ пользу шамана, который, кромѣ того, получаетъ еще и подарокъ отъ больного.

При жертвоприношениіи, совершающемся обыкновенно на полянѣ, около березы, шаманъ кладетъ на скамейку сердце только что заколотаго жертвенаго животнаго и начинаетъ шаманить. Онь вмѣстѣ съ присутствующими обходитъ вокругъ березы и жертвенного сердца, затѣмъ останавливается и приглашаетъ присутствующихъ прославить Кудая и вознести къ нему молитвы о ниспосланіи благополучія и избавленія отъ бѣдствій. Оглушительно раздаются по горамъ рѣзкія восклицанія молящихся. Подъ конецъ обряда шаманъ торжественно сжигаетъ жертвеннное сердце. Всѣ становятся на колѣни, наклоняютъ голову до земли и остаются въ такомъ положеніи, пока шаманъ произноситъ заключительную молитву. Послѣ молитвы всѣ пьютъ вино и закусываютъ жертвеннымъ мясомъ. Остатки отъ Ѣды сжигаютъ.

93

Скажемъ о семейныхъ обрядахъ нѣкоторыхъ сибирскихъ татаръ.

Бракъ у барабинскихъ татаръ начинается сватовствомъ, при чмъ условливаются о величинѣ калыма за невѣсту. Условившись о калымѣ, отецъ невѣсты приглашаетъ къ себѣ въ гости родственниковъ и знакомыхъ. Въ присутствіи собравшихся гостей онъ объявляетъ приглашенному муллѣ, что просваталъ свою дочь за такого-то жениха и за такой-то калымъ. Мулла посылаетъ избранныхъ лицъ сначала къ невѣстѣ, а потомъ къ жениху спросить, согласны ли они вступить въ бракъ. Когда посланные возвратятся съ утвердительнымъ отвѣтомъ, мулла садится на приготовленномъ для него мѣстѣ и записываетъ какъ вступающихъ въ бракъ, такъ и свидѣтелей, бывшихъ при бракѣ. Послѣ записи онъ читаетъ опредѣленныя алкораномъ молитвы. Затѣмъ идетъ угощеніе чаемъ и закуской изъ жареныхъ гусей, баранины, коровьяго мяса и проч.

Женихъ и невѣста при обрядѣ бракосочетанія обыкновенно не присутствуютъ; присутствіе ихъ считается неприличнымъ и принимается за знакъ неуваженія къ старшимъ. Если же они, вопреки требованію обычая, пожелаютъ присутствовать при своемъ бракосочетаніи, то имъ это не возбраняется, только для невѣсты обязательно быть подъ особымъ покрываломъ или за занавѣской.

У татаръ, живущихъ въ Енисейской губерніи, бракъ совершаются при слѣдующихъ обрядахъ. Татаринъ, желающій женить своего сына на дочери своего знакомаго,ѣдетъ, въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, къ нему въ улусъ. Онъ береть съ собою бутылку айрана, новую китайскую трубку и табакъ. Прибывши въ улусъ отца невѣсты, гости входятъ въ юрту. Идетъ разговоръ объ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ. Наговорившись вдоволь, отецъ жениха объявляетъ отцу невѣсты о цѣли своего прїѣзда. Затѣмъ онъ набиваетъ табакомъ привезенную съ собой трубку, ставить ее возлѣ очага и выходитъ изъ юрты. Возвратившись въ юрту, онъ осматриваетъ, выкуренна ли трубка. Если трубка не тронута, это означаетъ, что родители не желаютъ выдать за жениха свою дочь; если же изъ нея курили, это означаетъ, что они соглашаются выдать ее. Отецъ жениха наливаетъ чарку айрана, одинъ изъ родственниковъ его набиваетъ трубку, а другой береть изъ очага уголекъ или даже цѣлую головню. Отецъ невѣсты высказываетъ словесно свое согласіе выдать свою дочь за жениха, затѣмъ выпиваетъ чарку айрана и береть приготовленную ему трубку, которую и закуриваетъ углемъ, подаваемымъ родственникомъ жениха. Начинается угощеніе, при чмъ отецъ жениха дарить отцу, матери и ближайшимъ родственникамъ невѣсты подарки. Въ день бракосочетанія устраивается въ юртѣ невѣсты пиръ, при окончаніи которого женихъ береть руку невѣсты, и оба падаютъ въ ноги отцу ея. Этотъ послѣдній поднимаетъ ихъ и, обращаясь къ дочери, говорить: „Да, дочь, выходи замужъ!“ Крещеные татары отправляются въ перковъ, гдѣ и совершается бракосочетаніе, послѣ котораго обыкновенно назначается день для празднованія свадьбы. Въ назначенный день родные и знакомые собираются въ юрту молодой. Здѣсь рѣжутъ вола или барана и начиняется пиръ. Царни поютъ пѣсни, пляшутъ, а иногда забавляются скакачками. Молодого и молодую наряжаютъ въ лучшее платье, вводятъ въ юрту и садятъ на лавку, покрытую коврами. Противъ нихъ становятся два хора пѣсельниковъ, которые держать въ рукахъ развернутая цвѣтная шали и поютъ пѣсни. Хоръ, стоящий

противъ жениха, поеть о томъ, что послѣдній пріѣхалъ взять прекрасную молодую, а пѣсельники, стоящіе противъ молодой, поють о томъ, что они не отпустятъ ее безъ выкупа и подарковъ.

Послѣ угощенія молодые прощаются съ родителями и родственниками и, получивъ ихъ благословеніе, отправляются въ улусь молодого. Здѣсь уже приготовлена для нихъ особая юрта. Около юрты встречаютъ ихъ родители молодого; затѣмъ идетъ угощеніе.

У качинскихъ татаръ сохранился обрядъ похищенія невѣсты. Въ назначенный родителями жениха и невѣсты день женихъ и нѣсколько человѣкъ молодежи отправляются верхомъ на лошадяхъ въ улусь, гдѣ живетъ невѣста. Вечеромъ трое или четверо изъ юношей, пріѣхавшихъ съ женихомъ, приближаются къ юртѣ родителей невѣсты и просятъ пустить ихъ переночевать. Ихъ пускаютъ. Какъ только представляется удобный случай, они схватываютъ невѣсту, садятъ ее на сѣдло и мчатся въ улусь жениха. За ними обыкновенно слѣдуетъ погоня; но не догнать имъ жениха и невѣсту. Какъ только привезутъ невѣсту въ улусь, ее вталкиваютъ въ особую юрту, вокругъ которой ставятъ караулъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Собираются гости и начинается ширичество, для котораго уже заранѣе заготовлено мясо и вино. Отъ родителей невѣсты прибывають къ жениху „посредники“. Карапульные не пускаютъ ихъ къ невѣстѣ. Тѣ бываютъ караульныхъ, а послѣдніе униженно кланяются имъ и просятъ выпить вина. Выходить молодая и заявляетъ, что она желаетъ остаться у мужа. Посредники требуютъ калымъ, который и выплачивается или немедленно, или въ назначенный срокъ. Назначается день для „мировой“ между родителями жениха и невѣсты.

Въ этотъ день родители жениха прѣѣзжаютъ съ виномъ къ родителямъ невѣсты и угощаютъ ихъ. Во время угощенія отецъ невѣсты ударяетъ нѣсколько разъ отца жениха, посль чего начинается настоящая попойка. Дня черезъ три новобрачные отправляются къ тестю, который, встрѣтивъ зятя, нагибаетъ его, схвативъ одною рукою за волосы, и плетью ударяетъ его нѣсколько разъ по спинѣ. Этимъ и оканчиваются свадебные обряды.

Новорожденаго ребенка качинские татары помѣщаютъ въ длинный ящикъ, одинъ конецъ котораго стоитъ на землѣ, а другой (изголовье) приподнятъ на вѣревкѣ, прицѣпленной вверху юрты къ перекладинѣ. При крикѣ ребенка его указываютъ съ одной стороны на другую.

Имя новорожденному младенцу у татаръ-язычниковъ даетъ тотъ изъ сосѣдей, который первый войдетъ въ юрту послѣ его рожденія.

Воспитаніе маленькихъ дѣтей у сибирскихъ татаръ лежитъ на обязанности матерей; отцы считаютъ для себя унизительнымъ ухаживать за дѣтьми; однако они любятъ ихъ не менѣе матерей.

Старшіе въ семье пользуются у татаръ полнымъ уваженіемъ со стороны младшихъ; послѣдніе считаютъ свою обязанностью безпрекословно повиноваться первымъ.

Покойника татары обмываютъ, одѣваютъ въ лучшее платье и затѣмъ кладутъ въ гробъ, выдолбленный большею частью изъ колоды. Вмѣсть съ покойникомъ кладутъ въ гробъ трубку, кисеть съ табакомъ, хлѣбъ, мясо, сыръ и овощи, которые очень особенно любиль. Гробъ съ покойникомъ кладутъ въ саки или тельгу, крѣпко

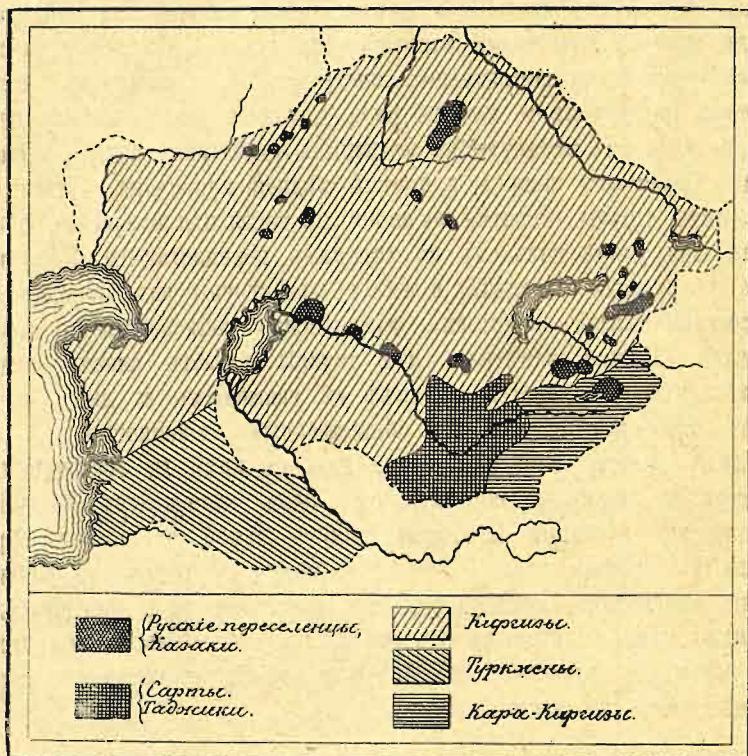
9

привязывают и быстро везут на место погребения. Могилу обыкновенно начинают копать въ то время, когда покойника привезутъ на кладбище. Яму копаютъ не глубже полутора аршина. Опустивъ покойника въ могилу, ее зарываютъ. Надъ могилой богатаго колютъ его любимую лошадь. Во время похоронъ родственники умершаго и близкіе знакомые, въ особенности женщины, плачутъ, неистово кричатъ, бываютъ себѣ въ грудь и даже рвутъ на себѣ волосы; при этомъ перечисляютъ добродѣтели умершаго. Послѣ погребенія покойника его поминаютъ, при чёмъ пьютъ вино и закусываютъ заранѣе приготовленнымъ мясомъ. Поминаютъ его также на девятый, сороковой день и чрезъ полгода и годъ послѣ его смерти.

Татары гостепріимны. Любить татаринъ, если къ нему пріѣдетъ гость. Бесѣда между хозяиномъ и гостемъ ведется неумолкаемо. Хозяинъ не преминеть угостить гостя, чѣмъ можетъ. Въ хорошую теплую погоду татары собираются группами на улицѣ или на площади и ведутъ оживленную бесѣду. Между ними всегда найдется балагуръ, который своимъ живыми рассказами заинтересуетъ всѣхъ. Иногда тутъ же, на площади, раздается бренчаніе на національномъ инструментѣ — „джатыганѣ“ или „кѣмусѣ“. Первый изъ этихъ инструментовъ имѣеть видъ длиннаго узкаго ящика, перевернутаго вверхъ дномъ, на которомъ натянуты на желѣзныхъ кольшкахъ пять или шесть струнъ, сдѣланыхъ изъ бараныхъ кишокъ и тонкой мѣдной проволоки. Вместо подставокъ или кобылокъ подъ струны ставятся позвоночныя кости или маленькия бабки, которыя во время игры, при ударѣ пальцемъ по струнамъ, передвигаются. Кѣмусѣ по устройству походитъ на русскую баладайку и имѣеть три струны изъ конскаго скрученного волоса. Рассказчики сказокъ и былинъ обыкновенно сопровождаютъ свои рассказы игрой на кѣмусѣ. Нужно замѣтить, что татары имѣютъ своихъ сказочниковъ, охотно слушаютъ ихъ и относятся къ нимъ съ уваженіемъ и даже, по общественному приговору, освобождаютъ ихъ отъ общественныхъ повинностей.

Живя долго между русскими и находясь съ ними въ постоянномъ общеніи, сибирскіе татары не могли не перенять отъ нихъ нѣкоторыхъ бытовыхъ чертъ. Нынѣ далеко не всѣ татарскія женщины ведутъ такой замкнутый образъ жизни, какой онѣ вели въ прежнее время. Нерѣдко можно встрѣтить въ Сибири татаръ, которые почти совершенно отрѣшились отъ мусульманскихъ предразсудковъ и въ своей жизни мало чѣмъ отличаются отъ жизни русскихъ. Многіе изъ нихъ говорятъ по-русски не только съ русскими, но и между собой, и обучають своихъ дѣтей русской грамотѣ, часто въ русской школѣ.

Карта инородцевъ Средне-Азіатскихъ владѣній Россіи.

II.

ИНОРОДЦЫ СРЕДНЕАЗИАТСКИХЪ ВЛАДѢНИЙ РОССИИ.

КИРГИЗЫ.

Киргизы называют себя *кайсаками* или *казаками*; название это они производят от словъ: „каз“ (гусь) и „заг“ (воронъ), что въ общемъ значить „степная птица“; этимъ же именемъ называютъ ихъ и сопредѣльные съ ними народы: бухарцы, хивинцы, персияне и китайцы. Киргизами назвали ихъ русскіе, по названию одного племени, живущаго около озера Иссыкъ-Куля. Название это одни производятъ отъ словъ: „кыркъ“ (сорокъ) и „кыз“ (дѣвица); потомство сорока дѣвицы; другое же производятъ отъ словъ: „киръ“ (степной) и „гизъ“ (человѣкъ): степной человѣкъ.

Киргизы кочуютъ на огромномъ пространствѣ отъ Каспійскаго моря и рѣки Урала до хребта Тяншана и рѣки Иртыша. Все это пространство состоить изъ травяныхъ степей и солончаковъ.

По мѣсту кочевавія киргизы раздѣляются на Малую, Среднюю и Большую орды. Малая орда кочуетъ на западѣ, вдоль Оренбургской и Уральской линіи и между Каспійскимъ и Аральскимъ морями; Средняя орда кочуетъ на востокѣ отъ Малой орды, до рѣки Иртыша и озера Зайсаны; Большая орда кочуетъ около озера Балхаша и рѣки Или.

Всѣхъ киргизовъ насчитывается около $2\frac{1}{2}$ миллионовъ человѣкъ.

Они раздѣляютъ себя на два сословія: благородное или „блѣлую кость“ (акъ сюкъ) и чернь или „черную кость“ (кара сюкъ). Къ первому сословію относятся знатнѣйшіе киргизы, считающіе себя потомками великихъ предковъ; ко второму— относятся всѣ остальные, какъ не имѣющіе ясныхъ доказательствъ своего высокаго происхожденія. *) Раздѣленіе это не кладеть, впрочемъ, грани, не допускающей близкихъ отношений между лицами того и другого сословія: киргизы знатнаго происхожденія не кичатся передъ киргизами низшаго сословія, и эти послѣдніе не считаютъ для себя недоступнымъ общество первыхъ. Киргизъ „черной кости“ свободно ёдетъ въ гости къ киргизу „блѣлой кости“, входить безъ стѣсненія въ его юрту и располагается, какъ ему удобно.

Киргизы дѣлятся на роды. Между членами каждого рода довольно тѣсная связь. Роды раздѣляются на волости, а волости—на аулы. Волости и аулы управля-

*) О происхожденіи «блѣлой» и «черной кости» у киргизовъ ходитъ такое преданіе: нѣкогда жилъ могущественный ханъ; у него была красавица дочь, которую онъ не взлюбилъ. Ему было предсказано, что отъ нея произойдетъ многочисленный народъ. Царь велѣлъ построить темный покой съ прочными дверями и заключилъ туда царевну. Долго томилась красавица въ заключеніи. Но вотъ въ покой какимъ-то образомъ проникъ солнечный лучъ, и, спустя нѣкоторое время, царевна родила сына. Узналъ объ этомъ царь и велѣлъ своимъ слугамъ убить дочь. Но Богъ не допустилъ ее до погибели; за нее заступился могучій богатырь и взялъ ее себѣ въ жены. Отъ брака съ богатыремъ родилось нѣсколько сыновей, отъ которыхъ и произошли киргизы «черной кости», а сынъ солнечного луча сдѣлался родоначальникомъ «блѣлой кости».

ются волостными и аульными выборными старшинами, которые подчинены русскимъ уѣзднымъ начальникамъ. Судебная дѣла разбираютъ выборные би. Недовольный рѣшенiemъ бія можетъ жаловаться въ совѣтъ біевъ, или уѣздному начальнику, или же губернатору. Важныя уголовныя преступленія, напр., убийство, грабежъ, подлежащіе суду русской судебнай власти.

Киргизы составляютъ отрасль турецко-татарского (туркскаго) племени съ монгольской примѣсью. Внѣшний видъ ихъ изображаетъ ихъ происхожденіе. Они средняго роста, сутуловаты; лицо ихъ широкое, скуластое; глаза узкие, черные; носъ большой, широкий, иногда съ горбомъ; цветъ кожи блѣдно-желтый. Мужчины бреютъ голову, но носятъ рѣдкую, черную клинообразную бородку. Волосы около губъ они выщипываютъ, чтобы не мѣшиали при ъѣдѣ. Походка ихъ большою частью развалистая.

Одежда киргизовъ состоитъ изъ халата съ длинными рукавами (чапанъ). По халату они подпоясываются ременнымъ поясомъ, на которомъ обыкновенно виситъ ножъ и кисть съ огнivомъ и кремнемъ. При сильныхъ холодахъ они надѣваютъ по иѣсколько ватныхъ халатовъ или же носятъ барайтъ тулуни. На головѣ носятъ ермолку (тибетейку), поверхъ которой еще надѣваютъ лѣтомъ остроконечную, съ выгнутыми кверху полями войлочную шляпу, а зимой—конусообразный мѣховой ма-лахай съ надзатыльникомъ и наушниками. На ноги надѣваютъ кожаныя или бумаги панталоны и кожаные сапоги.

Чемъ богаче киргизъ, тѣмъ болѣе украшена бываетъ его одежда. Въ болѣе важныхъ случаяхъ знатные киргизы любятъ нарядиться въ цветной бархатный каф-

тань, обшитый по краямъ двойнымъ широкимъ галуномъ, и бархатную шапку съ широкимъ бобровымъ окольшемъ.

Киргизки носятъ бешметъ, украшенный обыкновенно костяными или металлическими пуговицами и блестками. Голову замужнія женщины повязываютъ большимъ бѣлымъ бумажнымъ или холщевымъ покрываломъ, концы которого опускаются на плечи и спину. На лобъ, подъ покрывало, онѣ надѣваютъ накладку, обшитую мѣхомъ и украшенную серебряными монетами. Дѣвушки носятъ на головѣ шапочку изъ лисьяго мѣха, верхушка которой покрывается различнаго рода украшениями. Волосы свои какъ замужнія, такъ и дѣвушки заплетаютъ, первый—въ три косы, а вторыя—въ нѣсколько тоненькихъ кость, унизанныхъ монетами и блестками. Шею киргизки, особенно дѣвушки, любятъ украшать бусами, монетами, а пальцы — перстнями съ камнями.

Жилищемъ киргизовъ служить юрта. Остовъ ея дѣлается изъ жердей и покрывается снаружи кошмами. Вверху оставляется отверстіе для выхода дыма; въ холодное время оно закрывается кошмой, при чемъ, если горить огонь, то оставляется маленькое отверстіе. Дверь у юрты или деревянная, или войлочная. Если она открыта, то это значитъ, что хозяинъ—дома и что къ нему можетъ войти каждый; если же она закрыта, то это значитъ, что хозяинъ или спитъ, или его нѣть дома. Кто войдетъ въ юрту при закрытыхъ дверяхъ, тотъ нарушитъ требование киргизскихъ приличій.

Посрединѣ юрты, подъ верхнимъ отверстиемъ, устраивается изъ камней очагъ, который зимой служить для освѣщенія и согрѣванія юрты. Надъ очагомъ обыкновенно виситъ котелъ, въ которомъ киргизы варятъ пищу.

Полъ и стѣны юрты у болѣе зажиточныхъ киргизовъ бывають выстланы коврами. Въ юртѣ помѣщаются все имущество киргиза. Направо отъ двери у стѣны обыкновенно стоять сундуки съ одеждой и разными драгоцѣнностями; напрѣво—низенькая кровать, закрытая пологомъ, а впереди—низенький круглый столъ, на которомъ киргизы ёдятъ. Невдалекѣ отъ стола, у стѣны, въ ямѣ стоять саба (кожаный мѣшокъ), въ которой приготовляется кумысъ. По стѣнамъ развѣшаны сѣдла, конская сбруя, оружіе и т. п. вещи.

Богатые киргизы имѣютъ по нѣскольку юртъ, въ которыхъ они размѣщаются членовъ своей семьи. Въ каждой юртѣ помѣщаются отъ 3 до 5 человѣкъ.

Постановкой юрты занимаются обыкновенно женщины. Съ удивительной ловкостью и быстротой онѣ сплетаютъ остовъ юрты и покрываютъ его кошмами, привязывая ихъ къ нему веревками. Чрезъ какіе-нибудь полчаса юрта готова. Столько же времени нужно, чтобы опять снять юрту, свернуть въ трубку кошмы, покрывавшія ее, связать жерди, изъ которыхъ составленъ былъ остовъ, и сложить все это въ арбы.

На зиму киргизы обкладываютъ свою юрту двойнымъ рядомъ кошмъ и окружаютъ ее стѣной изъ камыша. Многіе киргизы на зиму перебираются въ такъ называемыя „зимовки“—избушки, сплетенные изъ хвороста, обмазанныя глиной и покрытыя дерномъ. Каждая такая избушка имѣеть одно или два маленькихъ окна и низенькую дверь. Внутри избушки глинная печь и низкія, на поларшина отъ лозы, полати, служащія для спанья. При каждой избушкѣ или юртѣ устроено бывать нѣсколько крытыхъ загородокъ, въ которыхъ помѣщаются скотъ.

Киргизы исповѣдуютъ магометанскую религию, которая распространена между ними бухарскими и туркестанскими магометанами. Но, исповѣдывая эту религию, они не отстали отъ языческихъ вѣрованій. Отсюда и проходитъ, что вѣрованія ихъ представляютъ смѣсь магометанства съ язычествомъ. Въ некоторыхъ мѣстахъ степи есть мечети; но киргизамъ, вслѣдствіе кочевого образа ихъ жизни, рѣдко приходится бывать въ нихъ. Кроме того, киргизы рѣдко обращаются къ мулламъ для совершения религиозныхъ требъ; даже бракъ у нихъ совершается иногда безъ участія муллы.

Изъ предписаній магометанской религіи болѣе аккуратно ими выполняется посты — „рамазанъ“ *), бывающій лѣтомъ и продолжающійся цѣлый мѣсяцъ. Въ продолженіе дня они ничего не Ѵдятъ и не пьютъ; съ заходомъ же солнца всѣ поспѣшили совершаютъ омовеніе, читаютъ молитву и принимаются пить кумысъ и єсть мясо. Съ этого времени вплоть до разсвѣта они только то и дѣлаютъ, что Ѵдятъ, пьютъ, поютъ пѣсни и вообще веселятся. Съ разсвѣтомъ же ложатся спать и спать сколько возможно долѣе, дабы тѣмъ сократить голодный день.

Между языческими вѣрованіями киргизовъ обращаетъ на себя вниманіе ихъ вѣра въ то, что каждый день находится подъ покровительствомъ счастливой или несчастной звѣзды, отчего и самые дни раздѣляются на благополучные и неблагополучные. Далѣе, они признаютъ священными нѣкоторыя скалы, источники и деревья, растущія одиноко среди степи; признаютъ также священными могилы богатырей. Проѣзжая мимо предмета или мѣста, признаваемаго святымъ, киргизъ слѣзаетъ съ коня, совершая молитву и оставлять какое-нибудь приношеніе: лоскутъ матеріи, пучокъ конскихъ волосъ и т. п. Наконецъ, многіе киргизы вѣрять въ Шайтана (злого духа), который причиняетъ людямъ зло и наталкиваетъ ихъ на все худое. Если кто-нибудь совершилъ преступленіе, то киргизы говорятъ про него, что его Шайтанъ соблазнилъ, или „Шайтанъ сѣлъ ему на шею“.

Между киргизами можно встрѣтить гадателей или колдуновъ, которые предсказываютъ будущее или по обожженнымъ бараньимъ костямъ, или по блеску огня, когда горить баранье сало, или по звѣздамъ. Гадатели иногда принимаются за лѣченіе болѣзней, при чемъ, между прочимъ, прибѣгаютъ къ слѣдующему оригинальному способу лѣченія ихъ: колдунъ садится противъ больного и начинаетъ играть на кобзѣ, кричать дикимъ голосомъ, произносить безсмыслица рѣчи; потомъ хватаетъ плеть и начинаетъ бить больного.... Нужно впрочемъ замѣтить, что гадатели прибѣгаютъ иногда и къ болѣе раціональному способу лѣченія. Такъ, напр., отъ простуды лѣчатъ такимъ образомъ: убиваютъ лошадь, тотчасъ же сдираютъ съ нея кожу и плотно обвертываютъ ею больного. Отъ той же болѣзни лѣчатъ также и такимъ образомъ: завертываютъ больного въ кошму и легонько катаютъ до тѣхъ поръ, пока онъ хорошоенько не пропотѣсть; затѣмъ, давъ ему остыть, развертываютъ кошмы, но тѣло все-таки оставляютъ нѣсколько прикрытымъ.

Между киргизами, имѣющими частыя сношения съ русскими, можно встрѣтить крещеныхъ. Такіе киргизы обыкновенно оставляютъ кочевой образъ жизни, переселяются въ городъ или село и здѣсь поступаютъ въ услуженіе къ русскимъ.

Лѣтосчислѣніе у киргизовъ своеобразно. Счетъ времени они ведутъ по цикламъ

*) Въ память дарованія корана.

или эрамъ. Циклъ или эра состоять изъ 12 лѣтъ. Каждый годъ въ циклѣ имѣеть свое особое названіе, напр.: „итъ“ (собака), „тишканъ“ (мышь), „куянъ“ (заяцъ), „джилянъ“ (змѣя), „джилки“ (лошадь), „кой“ (баранъ) и т. д. Такимъ образомъ, если киргизъ говоритъ, что со времени такого-то события минуло три „кой“, это значитъ, что прошло уже 36 лѣтъ, такъ какъ „кой“ бываетъ въ каждомъ циклѣ только одинъ разъ.

Киргизы могутъ быть причислены къ довольно способному племени. Они обладаютъ хорошею памятью и особенно прочно запоминаютъ мѣстность. Киргизъ никогда не заблудится въ той мѣстности, по которой онъ хоть разъ проѣхалъ. Кроме памяти, они обладаютъ значительною сообразительностью и находчивостью, нерѣдко помогающею имъ выпутаться изъ затруднительного положенія. Изъ виѣшнихъ чувствъ у нихъ особенно сильно зрѣніе. Киргизъ ясно видѣть на такомъ разстояніи, на какомъ русскій ничего не въ состояніи различить. Между киргизами успѣшно распространяется татарская грамотность. Несмотря на трудный способъ обученія, киргизские мальчики овладѣваютъ этой грамотой. Обучаетъ ей обыкновенно учитель-мулла, нанимаемый богатыми киргизами. Для веденія обученія отводится особая юрта. Вмѣстѣ съ сыновьями богатыхъ киргизовъ обучаются и мальчики бѣдныхъ киргизовъ. Сдавая муллѣ для ученія сына, отецъ приговариваетъ: „кости мои, а мясо твое“. Это значитъ, что учитель можетъ наказывать своего ученика, сколько захочетъ, лишь бы только не повредилъ его костей, не причинилъ ему увѣчья. Ученіе начинается обыкновенно съ ранняго утра. Проходя рано утромъ по аулу, можно иногда слышать въ юртѣ муллы-учителя голоса учениковъ, выкрикивающихъ слова корана. Учитель обучаетъ не всѣхъ учениковъ сразу, а поодиночкѣ. Каждый ученикъ читаетъ свое. Мулла выслушиваетъ то того, то другого ученика, и, если замѣчаетъ, что ученикъ твердо выучилъ урокъ, задаетъ ему новый и прочитывается съ нимъ задаваемое; если же находится, что онъ не твердо выучилъ его, приказываетъ твердить еще.

Если ученіе происходитъ лѣтомъ, то съ наступленіемъ жары, около 11 часовъ дня, занятія прерываются и ученики распускаются, пока не спадетъ жара. Около 4-го или 5-го часа пополудни они снова собираются и занимаются до сумерекъ.

Мулла не только обучаетъ, но и воспитываетъ своихъ учениковъ, пріучая ихъ къ послушанію и почтительности къ старшимъ. За всякий проступокъ онъ наказываетъ строго.

По пятницамъ ученія обыкновенно не бываетъ. Ученики изъ ближайшихъ ауловъ отпускаются на этотъ день домой. Возвращаясь изъ отпуска, каждый ученикъ приноситъ муллѣ-учителю подарокъ (джумалыкъ). Сыновья богатыхъ приносятъ по вѣскольку копеекъ, а сыновья бѣдныхъ приносятъ куртъ (овечій сыръ) или вообще что-нибудь съѣстное.

Въ нѣсколькихъ городахъ Киргизского края учреждены, по распоряженію русскаго правительства, пансионы для киргизскихъ дѣтей. Въ этихъ пансионахъ мальчики и даже девочки успѣшно обучаются русскому чтенію и письму, ариѳметикѣ и другимъ предметамъ элементарнаго курса. Кроме того, между учениками многихъ начальныхъ русскихъ школъ можно встрѣтить киргизскихъ дѣтей. Даже пѣкоторыя среднеучебныя заведенія края имѣютъ въ настоящее время между своими учениками киргизовъ. При прохожденіи курса этихъ заведеній ученики-киргизы не отстаютъ отъ своихъ русскихъ сверстниковъ.

Киргизы удивительно любопытны. Какъ только войдеть въ ихъ юрту путешественникъ, они усаживаютъ его на кошму и начинаютъ разспрашивать: откуда, куда и зачѣмъ онъѣдетъ? есть ли у него семья? сколько стойть его лошадь, сбруя, одежда? и т. п. Вопросамъ ихъ, кажется, нѣть конца. Чѣмъ больше путешественникъ имъ разсказываетъ новостей, тѣмъ большее уваженіе онъѣпріобрѣтастъ въ ихъ глазахъ. Чтобы узнать какую-нибудь новость, киргизъ готовъ проскакать нѣсколько верстъ, и, узнавъ ее, спѣшить въ свой или соѣдній ауль, чтобы разсказать услышанное.

Киргизы гостепріимны. Кто бы ни прѣхалъ къ нимъ, онъ найдетъ у нихъ радушный пріемъ. Прѣхавшій гость обыкновенно слѣзаетъ съ лошади и, держа ее за поводъ, садится подлѣ двери юрты. Выходитъ хозяинъ и проситъ его войти въ юрту. Затѣмъ угожаетъ его кумысомъ и начинаетъ разспрашивать обо всемъ, что его интересуетъ. Гость, прихлебнувъ кумыса изъ поданной ему чашки, дополняетъ ее самъ и подаетъ хозяину. Этого требуетъ вѣжливость. Если хозяинъ знаетъ, что гость можетъ прожить у него нѣсколько часовъ, онъ не поскупится зарѣзать барана, чтобы угостить его. Въ такомъ случаѣ въ юрту хозяина собираются знакомые и начинается угощеніе.

При любопытствѣ и гостепріимствѣ, киргизы скрытны. Киргизъ не скоро откроетъ свою душу и выскажетъ свои чувства. Онъ сначала выпытаетъ собесѣдника, расположенье ли онъ къ нему, и если замѣтить искреннее дружелюбіе и неподдѣльную ласковость, то и самъ сдѣлается откровеннымъ.

При сношеніяхъ между собою и съ русскими киргизы держать себя съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Здороваясь, они одинаково всѣмъ протягиваютъ руку. Отношенія ихъ къ русскому чиновнику опредѣляются обыкновенно характеромъ постѣдняго: если онъѣступчивъ и мягокъ,—они притязательны; если же по складу своего характера онъ всегда готовъ дать ихъ незаконной притязательности энергичный, спокойный и справедливый отпоръ,—они сговорчивы.

Кочевая жизнь киргизовъ, при чѣмъ имъ часто приходится подвергаться переменамъ температуры, переносить стужу и жару, закалила ихъ и сдѣлала выносливыми. Они съ болѣшею стойкостью переносятъ всѣ климатическія измѣненія, холодъ, голодъ и жару, чѣмъ цивилизованные народы.

Киргизы, какъ и другіе инородцы, стоящіе на низшей ступени цивилизациіи, предпочитаютъничегонедѣланіе труду. Если нужда не побуждаетъ киргиза приняться за работу, онъ охотно лежитъ на кошмѣ въ своей юртѣ или же переходитъ изъ юрты въ юрту, стараясь услышать какую-нибудь новость. Но если нужда побудить его приняться за работу, онъ тогда неутомимъ.

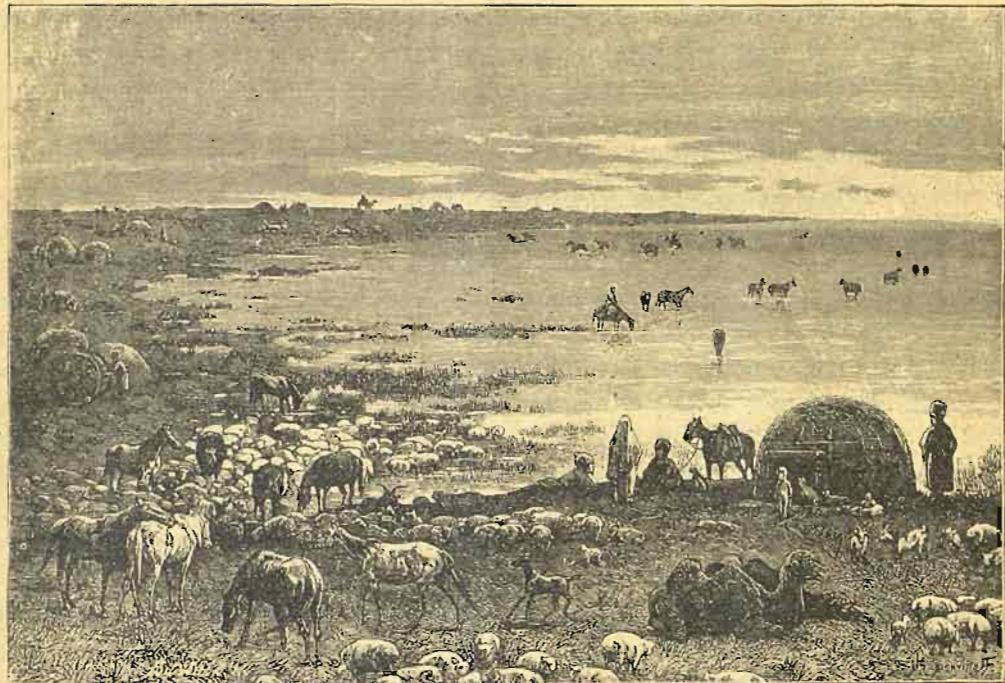
Киргизы обладаютъ по-преимуществу живымъ, подвижнымъ и даже веселымъ темпераментомъ. Они всегда готовы принять участіе въ какомъ-нибудь увеселеніи.

Киргизы смѣлы. Будучи плохо вооружены, они смѣло идутъ на волка или даже тигра и справляются съ нимъ. На врага они нападаютъ обыкновенно съ крикомъ и взвизгиваніемъ; но они не въ состояніи противостоять правильно устроенному войску. Если они нападаютъ па караванъ или таборъ съ цѣлью грабежа и имъ не удастся овладѣть добычей съ первого раза, они не пытаются уже напасть во второй разъ.

Главное занятіе киргизовъ состоить въ скотоводствѣ. Они разводятъ преимущественно овецъ, лошадей и верблюдовъ.

Киргизскія овцы съ курдюками; они даютъ вкусное мясо, сало и шерсть, изъ которой приготовляютъ войлоки.

Второе мѣсто послѣ овецъ въ хозяйствѣ киргизовъ занимаютъ лошади. Киргизскія лошади малы ростомъ, но выносливы и быстро бѣгутъ, особенно подъ верхомъ. Рѣдкій киргизъ не имѣть иѣсколькоихъ лошадей, а богатые считаютъ ихъ табунами. Лошади служать имъ не только для Ѣзда, но также идутъ въ пищу. Они съ удовольствиемъ ѡдятъ лошадиное мясо и изъ лошадинаго молока дѣлаютъ здоровый и питательный напитокъ — кумысъ.

Верблюдовъ держать преимущественно для перевозки тяжестей. Въ песчаныхъ степяхъ верблюдъ незамѣнимъ, такъ какъ долгое время можетъ пробыть безъ пищи и питья и довольствуется самимъ неприхотливымъ кормомъ, котораго не стануть бѣть лошади или рогатый скотъ. Годовому верблюду прокалываютъ носовой хрящъ и вѣзаютъ въ онъ палочку или кость, къ обоимъ концамъ которой привязывается веревка, служащая вмѣсто узды. Верблюды идутъ обыкновенно гуськомъ (по караванному выражению „ниткой“), привязанные одинъ къ другому. На каждого верблюда кладется тяжесть до 18 пудовъ, а въ тѣлежкѣ или арбѣ онъ можетъ везти до 50 пудовъ. При остановкѣ на кормовку вожакъ дерпаетъ верблюда за веревочку, продѣтую въ носовой хрящъ, и тотъ ложится. Вожакъ снимаетъ съ него тюки и пускаетъ пастись. Верблюдъ скоро наѣдается, послѣ чего ложится отдохнуть. Послѣ отдыха, по слову „чокъ“, онъ становится на колѣни и даетъ класть на себя ношу. Въ теченіе дня верблюдъ проходитъ съ ношей до 50 верстъ.

Рогатаго скота киргизы держать сравнительно меньше, при чём быки употребляются для перевозки тяжестей, а коровы содержатся для молока.

Занимаясь скотоводствомъ, киргизы поставлены въ необходимость перекочевывать съ мѣста на мѣсто. Съѣль скотъ траву въ одномъ мѣстѣ — киргизы складываютъ свои юрты и свой домашній скарбъ на арбы и перекочевываютъ на другое мѣсто. При перекочевкѣ сначала идутъ лошади, за ними следуютъ овцы и рогатый скотъ, а за овцами и скотомъ уже движутся арбы, запряженныя верблюдами. Мужчины скачутъ на своихъ быстрыхъ коняхъ по сторонамъ табора и пригоняютъ къ мѣсту каждую лошадь или каждую овцу, которая вздумала свернуть въ сторону. Женщины и дѣти помѣщаются на арбахъ или верхомъ на лошадяхъ. Шумъ, крикъ, скрипъ немазанныхъ колесъ, блеяніе овецъ, ржаніе лошадей — все это сливаются въ одинъ нестройный гуль, слышный далеко отъ табора. Встрѣтилось на пути мѣсто, где есть вода и достаточно корма, — таборъ останавливается, женщины быстро устанавливаютъ юрты, мужчины ищутъ тоилива, раскладываютъ огонь, и жизнь кочевниковъ входитъ въ обычную колею, пока скотъ не сѣсть всю траву.

Киргизы думаютъ, что кочевой образъ жизни самый нормальный для человѣка. Когда профессоръ Вамбери спросилъ у одной киргизки о причинахъ, побуждающихъ ихъ перекочевывать съ мѣста на мѣсто, она удивилась вопросу и со смѣхомъ отвѣтала: „Мы не такъ лѣнивы, какъ вы, молла! намъ не усидѣть по цѣлымъ днямъ на одномъ мѣстѣ. Человѣкъ долженъ двигаться, потому что, — посудите сами, — солнце, мѣсяцъ, звѣзды, вода, животные, птицы, рыбы — все движется, только земля и мертвые остаются на мѣстѣ!“

Киргизскія лошади круглый годъ остаются на подножномъ корму. Зимою они добываютъ себѣ кормъ изъ-подъ снѣга. Для овецъ киргизы заготовляютъ на зиму нѣсколько стоговъ сена.

Кромѣ скотоводства, многие киргизы занимаются хлѣбопашествомъ. Они сѣютъ овесъ, рожь, пшеницу, просо, а въ южныхъ частяхъ степи разводятъ даже бахчи съ арбузами и дынями. Способъ обработки полей первобытный. Въ южныхъ частяхъ степи прибѣгаютъ къ искусственному орошению полей (арыками).

Занимаются киргизы также охотой; это занятіе, вирочель, не составляетъ у нихъ промысла, а служить скорѣе развлечениемъ. Кромѣ обыкновенной охоты съ ружьемъ, обращаетъ на себя вниманіе охота на волковъ зимой и охота съ соколомъ лѣтомъ. На волковъ киргизы охотятся верхомъ. У каждого изъ нихъ въ рукахъ длинная плеть, на концѣ которой привязанъ кусокъ желѣза или камень. Напавши на слѣдъ волка, они начинаютъ преслѣдовать его. Волкъ, почуявъ бѣду, убѣгаетъ; его нагоняютъ и стараются ударить плетью. Одинъ или два удара кладутъ волка на мѣстѣ. Убитаго волка везутъ въ юрту; здѣсь снимаютъ съ него шкуру, которую продаютъ или употребляютъ на шубу. Охота съ соколомъ производится такъ: выѣзжаетъ киргизъ, держа на перчаткѣ, надѣтой на лѣвой рукѣ, сокола, пріученнаго къ охотѣ за птицами. На головѣ сокола шапочка; она закрываетъ ему глаза, чтобы онъ не улетѣлъ не во-время. Впереди бѣжитъ собачка. Лишь только она подниметъ куропатокъ, какъ шапочка снимается, и соколь, взвившись вверхъ, стрѣлой налетаетъ на куропатку и вонзаетъ ей въ спину свои острые когти. Минуту спустя, киргизъ уже укладываетъ въ мѣшокъ куропатку, а сокола надѣляетъ заранѣе приготовленнымъ кускомъ сырого мяса.

Рыболовствомъ киргизы почти не занимаются; если же некоторые изъ нихъ занимаются, то не для пищи себѣ, такъ какъ они рыбы не любятъ, а для продажи.

Говоря о занятіяхъ киргизовъ, слѣдуетъ упомянуть также о производствѣ ими войлочныхъ изделий и армячины изъ овчьеи или верблюжьеи шерсти. Этимъ дѣломъ преимущественно занимаются женщины; онѣ же шьютъ одежду себѣ и мужчинамъ и вышиваютъ узоры по полотну или кожѣ. Вообще слѣдуетъ сказать, что большая часть работы по домашнему хозяйству выполняется женщинами: онѣ ходить за дѣтьми, приготовляютъ пищу, доять скотъ, приготовляютъ кумысъ, обшиваютъ семью, дѣлаютъ кошмы, цыновки и ставятъ юрту. Мужчины же или лежать на кошмѣ въ юртѣ, или же работаютъ въ юртахъ: стерегутъ скотъ, косить сено, заготавливаютъ дрова и возятъ ихъ на базаръ и т. п.

Пищей киргизовъ служить баранье, лошадиное и верблюжье мясо. Ёдятъ они его варенымъ или конченымъ. Самымъ вкуснымъ они находятъ мясо молодыхъ ребятъ. Изъ лошадинаго мяса они приготовляютъ „казы“ — родъ колбасы, а изъ баранины, мелко искрошивши ее и обливши соцленымъ саломъ, они приготовляютъ „башбармакъ“. Изъ молочной пищи они употребляютъ „рамчикъ“ и „круть“ — сыръ, который ёдятъ въ сухомъ видѣ, а также разбавленнымъ водой. Изъ мучной пищи приготовляютъ такъ называемый „бауреакъ“ — лепешки изъ прѣснаго теста, изжаренные въ салѣ. Приготовляютъ также „кужу“ или „буткѣ“ — пшеничную или просянную похлебку. Богатые киргизы любятъ угощаться пиявомъ, т.-е. свареннымъ въ бараньемъ салѣ рисомъ съ бараниной.

Главный напитокъ киргизовъ — кумысъ. Этотъ здоровый, питательный и пѣсколько опьяняющій напитокъ кисловато-вяжущаго вкуса приготовляется такъ: лошадиное молоко вливаютъ въ сабу и прибавляютъ къ нему небольшое количество кислого молока или крута. Смѣясь эту время отъ времени взбалтываютъ деревянной котушкой, на концѣ которой имѣется круглая дощечка съ просверленными въ ней дырочками. Чрезъ два или три дня кумысъ готовъ, и его начинаютъ пить, а въ сабу вливаютъ свѣжаго лошадинаго молока.

Кромѣ кумыса, многие киргизы пьютъ чай, заваривая его въ котелкѣ или на самоварѣ.

Ёдять киргизы сидя на землѣ, поджавши ноги. Пишу ставятъ, въ деревянной мискѣ, на низкій столъ, вокругъ которого помѣщается вся семья. Сначала береть себѣ кусокъ самый старшій, затѣмъ слѣдующій по старшинству и т. д. Если въ кругу семьи ёсть гость, то хозяинъ считаетъ своею обязанностью собственными пальцами положить ему въ ротъ кусокъ пищи. За такую любезность гость старается отплатить хозяину тѣмъ же. Ножей и вилокъ при ёдѣ киргизы не употребляютъ. Определенного времени для принятия пищи они не имѣютъ, а ёдять, когда захотятъ; большую же частью они принимаютъ пищу рано утромъ и вечеромъ. При изобилии пищи киргизъ съѣдастъ за троихъ, но зато при недостаткѣ ея терпѣливо переносить голодъ.

Скажемъ о важнѣйшихъ бытовыхъ обрядахъ киргизовъ.

При свадѣбѣ совершаются слѣдующіе обряды: отецъ жениха посыпаетъ къ родителямъ невѣсты сватовъ, которые условливаются о количествѣ калыма, т.-е. платы за невѣstu. Размеръ калыма опредѣляется состояниемъ жениха; иногда

онъ достигаетъ до сотни лошадей, рогатаго скота и верблюдовъ. Условившись насчетъ количества калыма, родители невѣсты въ свою очередь отправляютъ пословъ къ родителямъ жениха. Послы получаютъ часть условленнаго калыма и угоняютъ полученный скотъ въ ауль невѣсты. За ними слѣдуетъ женихъ съ подарками тестю. Передавши подарки, онъ помѣщается въ приготовленной ему юртѣ. Родственницы невѣсты оказываютъ ему возможныя услуги: приносятъ ему ёду, воду и т. п. За каждую услугу онъ низко кланяется, опустивши длинные рукава своего халата. Невѣста въ сопровожденіи подругъ и молодыхъ парней (джигитовъ) ѿдѣть прощаются со своими родными и знакомыми; тѣ угощаютъ ее и ея провожатыхъ. Въ это время къ тестю пригоняютъ остальную часть скота. По уплатѣ, такимъ образомъ, калыма и по возвращеніи невѣсты домой, совершаются обрядъ бракосочетанія. Жениха и невѣсту вводятъ въ юрту, при чемъ послѣднюю ставятъ за особую занавѣску. Мулла спрашиваетъ ихъ, желаютъ ли они вступить въ бракъ; они обыкновенно отвѣчаютъ въ прошедшемъ времени (я желалъ, я желала), или ничего не отвѣчаютъ. Молчаніе принимается за знакъ согласія. Мулла прочитываетъ молитву, при чемъ дуетъ на приготовленную воду и даетъ ее пить жениху, невѣстѣ и свидѣтелямъ. Послѣ брака отецъ невѣсты обращается къ ней со словами: „живи такъ, чтобы меня не проклинали“. Затѣмъ, обратившись къ зятю, говоритъ: „не оскорбляй жены, чтобы не омрачить моей славы“. Молодая уходитъ въ другую юрту и переодѣвается въ одежду замужней женщины (повязываетъ голову бѣльемъ покрываломъ). Вслѣдъ затѣмъ новобрачные отправляются въ ауль мужа; за ними везутъ приданое, размѣръ котораго соответствуетъ обыкновенно размѣру калыма. Оно состоитъ по большей части изъ юрты, постели, 9 рубахъ, 9 холстовъ, 9 халатовъ или шубъ, 9 ковровъ, головного убора съ серебряными бляхами и сѣдла. Все это укладывается въ арбы или навьючивается на лошадей или верблюдовъ. Чѣмъ больше арбъ, верблюдовъ и лошадей слѣдуетъ за новобрачной, тѣмъ больше славы и ей самой, и ея отцу, а мужу—прибыли. Съ приближеніемъ поѣзда къ аулу мужа, навстрѣчу молодой выходятъ ся свекровь и другія родственницы со своими знакомыми. Пока идутъ привѣтствія, нѣсколько женщинъ спѣшатъ поставить привезенную за молодой юрту и разложить въ ней необходимыя для хозяйства принадлежности. Когда юрта готова, въ нее вводятъ новобрачныхъ. Отецъ новобрачнаго разсыпаетъ по ауламъ гонцовъ съ приглашеніемъ на свадебныя пиршества. Чѣмъ онъ богаче, тѣмъ болѣе съѣзжается гостей и тѣмъ болѣе закалывается барановъ и лошадей для угощенія ихъ. Для съѣхавшихся гостей устраиваются игры (байга).

Дѣвушку у киргизовъ первѣдко пресматриваютъ задолго до свадьбы. Можетъ случиться, что просватанная невѣста умреть, или не захочетъ выйти за назначеннаго ей жениха, или родители выдадутъ ее за другого; тогда они обязаны выдать жениху вторую свою дочь; если же таковой нѣтъ, то должны возвратить калымъ и заплатить штрафъ. Если женихъ умреть или откажется отъ невѣсты, то на ней долженъ жениться его братъ, а если брата нѣтъ, то родители невѣсты возвращаютъ калымъ.

Разводъ у киргизовъ совершается довольно легко. Достаточно, чтобы мужъ въ продолженіи дня три раза сказалъ женѣ: „уйди прочь отъ меня“, чтобы разводъ состоялся. При разводѣ, совершенномъ по желанію мужа, калымъ, уплаченный имъ, ему не возвращается.

Жень себѣ киргизы стараются выбирать изъ семействъ, которыя сооствѣствовали бы имъ по роду, знатности и богатству: киргизъ, принадлежащій къ высшему сословію (бѣлой кости), съ трудомъ согласится жениться на дѣвушкѣ изъ семьи, принадлежащей къ низшему сословію (черной кости).

Къ дѣтямъ своимъ киргизы относятся ласково и заботливо. По рожденію ребенка, его обмываютъ, обвертываютъ въ тряпки и кладутъ въ колыбель, къ которой и привязываютъ тесьмой. Для удобства при ношевіи къ колыбелькѣ придѣзываются обручи. На пятый день ребенку даютъ имя, при чёмъ мать получаетъ подарки стъ отца и родственниковъ ребенка, а отецъ устраиваетъ угощеніе для родныхъ и знакомыхъ. Мать обыкновенно кормитъ своего ребенка очень долго, иногда до трехъ лѣтъ.

Похороны у киргизовъ совершаются при слѣдующихъ обрядахъ. О смерти покойника гонцы извѣщаютъ родственниковъ и знакомыхъ. Тѣ и другіе спѣшатъ навѣстить покойника; вошедши въ юрту, они прочитываютъ установленную молитву и отходять въ сторону. Трупъ обмываютъ, обвертываютъ въ бумажную матерію и бѣлый войлокъ и обвязываютъ тесьмой. Затѣмъ кладутъ его на коверъ и отдѣляютъ отъ остального пространства юрты занавѣской. Хоронятъ покойника въ день его смерти; если же этотъ день, по вѣрованію киргизовъ, несчастный (вторникъ, пятница, воскресенье), то похороны откладываются до слѣдующаго дня. Когда все готово для похоронъ, трупъ везутъ или несутъ на мѣсто погребенія. Могилу роютъ возлѣ дороги или рѣки, дабы удобнѣе было посѣщать ее. Жена и дочери въ погребальной церемоніи не участвуютъ; онѣ остаются въ особой юртѣ и во всю мочь голосятъ и причитываютъ. Вдова покойного, кроме того, въ знакъ своей глубокой печали, пара-наетъ себѣ до крови лицо и руки.

Покойника помѣщаютъ въ могилѣ лицомъ къ Меккѣ. Могилу закладываютъ досками и затѣмъ засыпаютъ ее землей. Надъ могилой прочитываютъ молитву и закалываютъ барана, а у богатыхъ лошадь.

Похороны кончены. Всѣ возвращаются въ юрту, гдѣ происходитъ угощеніе мясомъ заколотаго барана или лошади. Въ угощеніи не принимаетъ участія вдова покойного. Въ знакъ печали она въ первые дни послѣ смерти мужа не должна даже Ѳеть днемъ, а только ночью. Трауръ продолжается 40 дней, при чёмъ мужчины не бреютъ себѣ головы, а женщины снимаютъ съ себя украшенія—серьги и кораллы. На третій, седьмой и сороковой день бывають поминки по покойникѣ, при чёмъ бываетъ угощеніе приглашенныхъ гостей. Но главныя поминки справляются чрезъ годъ послѣ смерти покойника. Поминки эти называются „асѣ“. Онѣ продолжаются иногда до семи дней. Созываются родные и знакомые не только изъ близкайшихъ, но также и изъ отдаленныхъ ауловъ. Многіе, узнавъ о предстоящемъ „асѣ“, прїѣзжаютъ безъ приглашенія. Родственники покойного заготовляютъ, для угощенія гостей, много баранины, конины и кумыса. Нерѣдко сами гости привозятъ съ собою необходимые для угощенія мясо и кумысъ. Въ день, назначенный для аса, украшаютъ юрту покойного лучшими вещами: коврами, одѣялами, оружіемъ и проч. Возлѣ юрты стоятъ верблюды и лошади, которыхъ наиболѣе любилъ покойный. Мулла открываетъ праздникъ чтеніемъ молитвы. Кругомъ стоятъ разряженныя женщины; онѣ вспоминаютъ хорошия качества покойного, плачутъ и причитываютъ. Послѣ молитвы закалывается любимая лошадь умершаго. Собравшіеся на поминки Ѳятъ, а затѣмъ устраиваютъ игры и между прочимъ байгу.

Надъ могилою почетного лица возводится памятникъ ввидѣ глиняной пирамиды, конуса или четырехугольной ограды, съ башнями по угламъ, иногда весьма затѣйливой архитектуры.

Увеселенія киргизовъ состоятъ въ слушаніи разсказовъ и игрѣ въ бараны кости; главнымъ же ихъ увеселеніемъ служить байга. Байга устраивается по поводу свадьбы, поминокъ и вообще по поводу какого-нибудь важнаго случая въ жизни киргизовъ. Нерѣдко само начальство устраиваетъ для киргизовъ байгу.

Байга обыкновенно начинается борьбой киргизскихъ силачей. Выходятъ два киргиза, измѣриваются другъ друга глазами и начинаютъ бороться. Если силы у борющихся равны, они долго ходятъ кругомъ, стараясь свалить другъ друга. Толпа между тѣмъ подстrekаетъ ихъ всякаго рода насмѣшками, похвалами, крикомъ и гиканьемъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, улучивъ минуту, свалилъ противника. Одобрительныя восклицанія служатъ наградой победителю. Кроме борьбы, киргизы состязаются въ лазаніи на столбъ, на вершинѣ которого повышенъ призъ. Съ трудомъ достается степнякамъ этотъ призъ. Рѣдкий можетъ взобраться на столбъ. Иногда состязанія бываютъ и такія: ставить верблюда; кто, разбѣжавшись, перескочить чрезъ него, тому онъ и достается. Вѣшаютъ также на нитку серебряную монету; кто попадеть въ нее изъ винтовки, тотъ береть ее себѣ. Самая важная часть байги состоить въ скачкѣ лошадей-бѣгунцовъ. Для бѣга назначается разстояніе верстъ въ 25. По знаку судей или свидѣтелей всадники стремглавъ пускаются въ бѣгъ, стараясь определить другъ друга. Каждый изъ нихъ крикомъ, взвизгиваніемъ и ударами плести погоняетъ своего бѣгунца. Лошади мчатся, какъ стрѣлы, и бѣда тому, — будь то животное или человѣкъ, — кто встрѣтится на пути и не успѣеть посторониться.... Толпа съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда покажутся всадники. Вотъ вдали показалась пыль. Всѣ вскрикнули и замолчали, обративши вниманіе на приближающихся всадниковъ. Первая лошадь прискакала. Она вся въ мылѣ. Торжествующій всадникъ соскакиваетъ съ нея и представляется судье. Лошадь уводятъ. Всѣдъ за первымъ всадникомъ показывается второй, потомъ третій и т. д. Прискакавшій первымъ получаетъ самый дорогой призъ — или юрту, или конскую сбрую, или шелковый халатъ, или другую цѣнную вещь. Прискакавшій вторымъ получаетъ второй, менѣе цѣнный призъ. Полученный призъ въ прежнее время передавался, по существовавшему обычаяу, старшему въ родѣ, а не оставлялся выигравшимъ у себя. По окончаніи игрѣ и состязаній киргизы угощаются. Они усаживаются группами около котловъ, куда распорядители бросаютъ огромные куски вареной баранины или конины. Какъ только котель попадъ такой кусокъ, киргизы съ волчьей жадностью рвутъ его своими пальцами и ёдятъ.

Пляски у киргизовъ неѣтъ никакой. Игру на инструментѣ иногда приходится слышать. Изъ музыкальныхъ инструментовъ употребительны: *кобызъ* — родъ виолончели съ колышкомъ внизу, для упора въ землю; на немъ играютъ смычкомъ; *домбра* — родъ треугольной балалайки съ двумя или тремя бараными струнами; *зурна* — духовой инструментъ, вродѣ короткаго гобоя. Что касается пѣнія, то его тоже можно услышать у киргизовъ. Напѣвъ ихъ пѣсень — монотонный и протяжный. Тянетъ киргизъ до тѣхъ поръ, пока голосъ не оборвется; ему кажется, что чѣмъ дольше онъ тянетъ, тѣмъ лучше поетъ.

Киргизы большою частью импровизируют свои пѣсни. Пѣвецъ поетъ обыкновенно про то, что видитъ или что чувствуетъ въ данный моментъ. Вотъ вздумалось киргизу, ъдущему по степи на верблюдѣ, пѣть,—и онъ начинаетъ свое монотонное пѣсне. Увидѣлъ онъ птичку—запоетъ про нее, затѣмъ про то, что онъ чувствуетъ голодъ; наконецъ, переходить на что-нибудь другое. Иногда трудно уловить нить мысли его пѣсни; она такъ же быстро перебѣгаеть отъ одного изъ окружающихъ предметовъ на другой, какъ быстро смыняются впечатлѣнія пѣвца отъ этихъ предметовъ. Вотъ, для примѣра, переводъ одной импровизованной киргизской пѣсни: „Бросился ястребъ на утокъ, на стадо, стадо большое.... А я самъ боленъ, и ъда на умъ не идетъ“.

Между киргизами встречаются пѣвцы по призванию. Они приглашаются на празднества и здѣсь поютъ, аккомпанируя своему пѣнію игрой на домбрѣ. Пѣсни ихъ нерѣдко отличаются задушевностью и содержательностью. Слушатели, окружая пѣвца со вниманіемъ слушаютъ его, выражая иногда возгласомъ свое одобрение.

II.

САРТЫ.

Сарты произошли отъ смѣшанія древняго иранскаго населенія Туркестана съ позднѣйшими завоевателями и поселенцами тюрко-монгольскаго племени. Говорятъ они нарѣчіемъ тюркскаго языка. Всѣхъ ихъ насчитывается около 600 тысячъ человѣкъ.

Вслѣдствіе своего смѣшанного происхожденія, сарты носятъ въ своей физиономіи черты иранскія, или персидскія, и тюрко-монгольскія, при чемъ у однихъ преобладаютъ первыя, а у другихъ — вторыя. Вообще же говоря, сарты имѣютъ довольно правильный овалъ головы, смуглозватый цвѣтъ лица, черные, большие, продолговатаго разрѣза глаза, окаймленны густыми дугообразными бровями, прямой, а иногда съ горбомъ носъ и слегка выдавшіяся скулы. Волосы ихъ черны и борода густа. Они довольно высокаго роста и стройны; дородность ихъ иногда переходитъ въ тучность.

Обыкновенной одеждой сартовъ служить широкій цвѣтной халатъ. Желая похвастаться своимъ богатствомъ, сартъ надѣваетъ нѣсколько халатовъ, при чемъ нижній халатъ надѣвается въ рукава, а верхніе — на распашку. По нижнему халату онъ опоясывается широкимъ бумажнымъ или кожанымъ поясомъ, на которомъ сбоку виситъ кошелекъ и футляръ для ножа. Обувью служатъ пичиги, сверхъ которыхъ надѣваются калоши съ загнутыми вверхъ носками. Калоши обыкновенно снимаются при входѣ въ домъ, при молитвѣ и принятіи пищи. На голову надѣваются аракчишъ (ермолку), поверхъ котораго повязываются чалму. Многіе вмѣсто чалмы носятъ какъ лѣтомъ, такъ и зимой мѣховую шапку съ отогнутыми наружу краями.

Одежда женщинъ состоять изъ рубашки съ вышивкой, идущей со спины на грудь широкой полосой, и халата, отличающагося покроемъ отъ мужскаго. Халатомъ онѣ покрываютъ не только туловище, но и голову. Лицо закрываютъ черною вуалью, сдѣланною по большей части изъ конскаго волоса.

Слѣдуетъ вообще замѣтить, что сарты любятъ щеголять своею одеждой. Нарядившись въ свой нарядный пестрый костюмъ, сартъ въ праздникъ выходитъ на улицу пощеголять имъ передъ знакомыми.

Живутъ сарты преимущественно въ городахъ; занимающіеся же земледѣліемъ живутъ въ кишлакахъ (селеніяхъ). Вообще говоря, они предпочитаютъ скученную городскую жизнь деревенской, и, если представляется возможность, сартъ охотно перебирается жить изъ кишлака въ городъ.

Жилищемъ богатыхъ сартовъ служатъ дома восточной архитектуры, а бѣдныхъ — сакли. Какъ дома, такъ и сакли строятся большою частью изъ камней и глины и имѣютъ плоскую крышу, на которой хозяева проводятъ время въ теплую погоду.

Внутренность богатого сартовского дома разделена на несколько комнат, из которыхъ первая служить для приема гостей; въ слѣдующей комнатѣ помѣщается хозяинъ, а въ заднихъ — его семейство. Рядомъ съ комнатой хозяина находится помещеніе для склада товаровъ и домашнихъ принадлежностей. Комната, предназначенная для приема гостей, обыкновенно содержитъ чище другихъ: у стѣнъ ея разставлены красивые кожаные сундуки съ имуществомъ, въ нишахъ разставлена болѣе цѣнная домашняя посуда, на стѣнахъ висятъ ковры, халаты; тутъ же можно видѣть и изображеніе Мекки.

Сакля бѣдного сарта состоитъ обыкновенно изъ одной комнаты съ небольшимъ вверху окномъ. Въ нее ведетъ низенькая дверь. Посреди сакли вырывается яма, служащая очагомъ, надъ которымъ въ холодное время ставятъ табуретъ, покрытый одѣялами. Подъ эти одѣяла сарты прячутъ ноги и такимъ образомъ согрѣваютъ ихъ. Глинный полъ сакли выстилается коврами, на которыхъ сарты сидятъ, поджавши ноги.

Возлѣ своихъ домовъ и сакель сарты нерѣдко разводятъ огороды и садики съ плодовыми деревьями и цветами.

Домашній бытъ сартовъ отличается патріархальностью и простотой. Дѣти относятся съ почтеніемъ къ своимъ родителямъ и старшимъ родственникамъ и сами пользуются ихъ нѣжною любовью и заботливостью. Женщины у сартовъ не показываются постороннимъ мужчинамъ. У состоятельныхъ для женщинъ устраивается даже особое помѣщеніе, отдѣленное отъ мужскаго жилья.

Въ нищѣ сарты умѣрены. Преобладающая ихъ пища растительная: мучные лепешки, фрукты и т. п.; пищу приправляютъ пряностями; мяса употребляютъ мало.

Сарты занимаются всѣми промыслами, существующими въ краѣ. Такъ, многіе изъ нихъ занимаются земледѣліемъ, при чёмъ для обработки земли нанимаютъ рабочихъ. Для орошенія своихъ полей они проводятъ арыки. Съ большой охотой они занимаются также садоводствомъ. Владѣя значительными фруктовыми садами, они снабжаютъ фруктами не только Туркестанскій край, но и сѣверныя области страны, где фрукты не растутъ.

Ремесленная дѣятельность края сосредоточена преимущественно въ рукахъ сартовъ. Сарты — плотники, столяры, кузнецы, красильщики, шорники. На базарахъ въ Ташкентѣ и другихъ туркестанскихъ городахъ можно видѣть сѣдла, узелочки, посоны въ азиатскомъ вкусѣ, а также одежду, обувь и дѣтскія игрушки, сдѣланныя руками сартовъ. Ознакамливаясь съ издѣліями европейцевъ, сарты постепенно улучшаютъ свое производство.

Самымъ лѣбимымъ занятіемъ сартовъ служитъ торговля. Для сарта нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ сидѣть въ лавочкѣ и отпускать товаръ покупателямъ. Какъ только появились у сарта лишнія деньги, онъ сейчасъ же пускаетъ ихъ въ торговые обороты. Иногда онъ въ долгъ береть у купцовъ товаръ и разносить или развозить его по деревнямъ, промысливая на сельскіе продукты, которые продаётъ въ городѣ, получая нѣсколько копеекъ барыша. Изъ копеекъ онъ составляетъ рубли, изъ рублей — десятки, сотни, и затѣмъ обзаводится лавочкой, въ которой готовъ сидѣть по цѣльмъ днямъ. Въ торговлѣ сарты изворотливы и находчивы. Нерѣдко въ одинъ годъ сартъ-торговецъ сдѣлаетъ нѣсколько оборотовъ своему капиталу, ибо гоняется не столько за большими процентами, сколько за быстрой продажей товара.

Пока сартъ не пріобрѣль обеззначенного состоянія или не обзавелся лавочкой, онъ дѣятеленъ, подвиженъ, предпріимчивъ. Но чуть только онъ почувствовалъ себя обеззначеннымъ, онъ становится лѣнивымъ, малоподвижнымъ. Онъ или неподвижно сидитъ въ своей лавкѣ и безучастно смотритъ на окружающее, или безцѣльно ходить по базару, выслушивая всякаго рода новости, или же проводить время въ игорномъ домѣ за азартной игрой. Нужно замѣтить, что сарты охотно отдаются азартнымъ играмъ; они играютъ въ карты, кости, четь и нечетъ и друг. Не только въ игорныхъ домахъ, но также иногда и среди улицы можно видѣть сартовъ, играющихъ въ какую-нибудь азартную игру. Нерѣдко можно также видѣть сартовъ, потѣшающихся боемъ перепеловъ, барановъ и даже верблюдовъ. Иногда по цѣлымъ часамъ они внимательно слѣдятъ за ходомъ битвы.

Сарты исповѣдуютъ магометанскую религию суннитскаго толка. Муллы и вообще духовныя лица имѣютъ у нихъ важное значеніе; такое значеніе они пріобрѣтаютъ какъ исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ, такъ и обученіемъ дѣтей въ школѣ, куда каждый сартъ обязанъ посыпать своихъ сыновей, для изученія религіи, чтенія и письма. Самая дѣятельность духовныхъ лицъ у сартовъ признается почетной и прибыльной, а потому понятно, отчего многіе стремятся едѣваться муллой. Сыновья духовныхъ лицъ обыкновенно занимаются профессіей своихъ отцовъ; сыновья свѣтскихъ лицъ, т.-е. купцовъ, ремесленниковъ и т. п., охотно занимаются духовныя должности, если только окончаніемъ своего образования въ высшей школѣ (медрессе) получаютъ на то право.

Въ характерѣ сартовъ замѣчается скрытность и подозрительность. Эти качества у нихъ доходятъ до того, что если русскій, напр., попросить сарта разсказать что-нибудь изъ своихъ народныхъ преданій, то онъ станетъ божиться, что ничего не знаетъ и даже познакомъ съ человѣкомъ, который могъ бы разсказать прошисое; но если этотъ же русскій попотчуєтъ сарта и войдетъ въ довѣrie къ нему, то онъ разскажетъ не только просимое, но и много посторонняго. Кромѣ того, онъ станетъ часто посещать его и даже приводить къ нему своихъ родственниковъ и знакомыхъ, рекомендую ихъ съ самой хорошей стороны.

Къ начальствующимъ и вообще влиятельнымъ и богатымъ лицамъ сарты относятся обыкновенно услужливо и льстиво. При всякомъ удобномъ случаѣ они льстятъ влиятельному лицу, выражая свою лесть то прямо, то косвенно, разговаривая о немъ съ кѣмъ-нибудь другимъ. Ведя такой разговоръ, сартъ разсчитываетъ, что его льстивыя рѣчи дойдутъ по назначению.

Сарты хвастливы. Ни одинъ изъ нихъ не преминетъ случая похвастаться чѣмъ только можетъ: одинъ хвастается богатой или знатной родней, другой—своимъ знакомствомъ съ русскимъ чиновникомъ или влиятельнымъ и богатымъ лицомъ, третій—своимъ богатствомъ или удачно совершенной торговой операцией, четвертый—своимъ новымъ костюмомъ и т. д.

Въ своихъ отношеніяхъ къ лицамъ, съ которыми приходится сталкиваться, сарты хитры, изворотливы и подчасъ лживы. Сартъ не стѣснится сказать неправду, если увѣренъ, что чрезъ это осуществится какое-нибудь изъ его желаній.

Стремленіе къ наживѣ составляетъ существенную черту сартовъ; въ этомъ отношеніи они не уступаютъ евреямъ.

При всѣхъ изложенныхъ непривлекательныхъ качествахъ, сарты обладаютъ и хорошими качествами, къ числу которыхъ относится ихъ гостепріимство. Если зайти гость, сартъ постараєтъ его угостить чаемъ съ кисмишемъ (такъ называется туркестанский сушеный виноградъ), фруктами и, въ заключеніе, трубкой.

Если знатное или богатое лицо посѣтить сарта, послѣдній постараєтъ всячески выразить ему свое почтеніе; сосѣди, желая выразить ему такое же почтеніе, собираются на дворъ и, находя неприличнымъ войти въ комнату, становятся поодиночкѣ у дверей ея и, сложивши руки на груди или животѣ, кланяются въ поясъ, произнося: „ассаламъ-алей-кумъ“. На это привѣтствіе гость дѣлаетъ чуть замѣтный кивокъ головою и отвѣчаетъ: „алей-кумъ-ассаламъ“. Получивъ отвѣтъ, сартъ, не разгибаясь, пятится назадъ и входитъ въ толпу.

Любимымъ мѣстомъ препровожденія свободного времени у сартовъ служитъ базарная площадь. Здѣсь сообщаются и распространяются всякия новости... Базарная молва, какъ источникъ новостей, называется у нихъ характернымъ именемъ „узунъ-кулакъ“, т.-е. длинное ухо.

Въ праздничные дни знакомые сарты посѣщаются другъ другъ и по очереди устраиваютъ вечеринки. Будучи вообще степеннымъ и даже надменнымъ, гдѣ это требуется этикетомъ, сартъ среди близкихъ знакомыхъ, которыхъ не приходится стыдиться, охотно шутить, острить и проявлять живую веселость.

Сарты не могутъ быть названы храбрыми; изъ трусости они боятся войны и смотрятъ на нее, какъ на зло. Они сами о себѣ говорятъ: „мы не любимъ войны, ибо имѣемъ дома, землю, лавки; мы работаемъ и можемъ быть сыты своими трудами: война разоряетъ насъ“.

Изъ бытовыхъ обрядовъ сартовъ обращаютъ на себя вниманіе обряды при бракѣ и похоронахъ.

Сарты женятся рано. Въ выборѣ невѣсты принимаютъ участіе родители. Выборъ личный возможенъ, но просить руки невѣсты женихъ долженъ чрезъ родителей. Въ сватовствѣ перѣдко принимаютъ участіе муллы.

Сговорившись о калымѣ и приданомъ, пазначаютъ день свадьбы. Обрядъ брака совершается въ домѣ невѣсты, въ присутствіи брачующихся и родственни-

ковъ — мужчинъ. Мулла спрашиваетъ жениха: согласенъ ли онъ поступать и жить съ женой хорошо? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ объявляетъ о количествѣ калыма и приданого, читаетъ молитву и даетъ жениху и невѣстѣ съѣсть кусочекъ хлѣба, намоченного въ молокѣ или водѣ съ солью. Актъ бракосочетанія тѣмъ оканчивается. Гости, бывшіе въ другой комнатѣ, выходятъ, и начинается угощеніе. Приличіе требуетъ, чтобы гости не сидѣли долго. На другой день постѣ свадьбы бываетъ угощеніе у родителей жениха, а на третій — у родителей невѣсты. На третій же день вечеромъ молодая съ нѣсколькими пожилыми женщинами идетъ въ гости къ своему свекру, а мужъ въ то же время идетъ къ своему тестю. Подошедши къ дому свекра, молодая или одна изъ провожавшихъ ее женщинъ говорить: „поклонъ Богу“. Изъ дома сей отвѣчаетъ свекоръ: „Богъ поможетъ“. Снова молодая или провожающая ее женщина говорить: „поклонъ пророку“, — на что получаетъ отвѣтъ: „и онъ поможетъ“. Такимъ образомъ выражаютъ поклоны свекру, свекрови, родственникамъ и т. д. Послѣ отданія вѣхъ поклоновъ, пришедши садятся у порога. Молодой даютъ чай безъ молока. Она просить молока. Ей отвѣчаютъ, что корова еще пасется въ степи и, когда придетъ, ее пригонять къ ней. Съ того момента отецъ, мать, родственники мужа начинаютъ дарить молодой подарки. Мужъ въ то же время получаетъ подарки отъ родителей и родственниковъ невѣсты.

Послѣ смерти сарта, трупъ его обвертываютъ бѣлою матеріей, а голову повязываютъ чалмой. Трупъ выносятъ изъ дома въ закрытыхъ сверху и съ боковъ носилкахъ и несутъ въ мечеть, гдѣ происходитъ отпѣваніе, послѣ котораго несутъ его на кладбище.

Могилу копаютъ въ ростъ человѣка; на днѣ ся въ горизонтальномъ направлении дѣлаютъ нишу, въ которую вдвигаютъ тѣло покойника, головою къ сѣверу, а лицомъ къ западу, т.-е. въ сторону Мекки. Положивши въ нишѣ трупъ, отверстіе закладываютъ кирпичомъ, а могилу засыпаютъ землею. На похоронахъ бываютъ только мужчины. Поминки по покойнику справляютъ на третій, седьмой и сороковой день и по истеченіи года со дня смерти. На поминкахъ мулла читаетъ молитву надъ могилой покойника, и затѣмъ идетъ угощеніе родственниковъ и знакомыхъ. Траура по покойнику не носятъ.

Въ заключеніе изложенія о сартахъ приведемъ описание препровожденія праздничного для богатымъ сартомъ.

„Утромъ, около семи часовъ, сартъ начинаетъ одѣваться. Онъ сурмитъ брови, подводитъ глаза и облекается въ свой новый костюмъ. Жена или сестра помогаетъ ему одѣваться, прикрашиваться. Халатъ и поясъ не такъ сильно занимаютъ его, какъ чалма. Онъ повязываетъ ее передъ зеркаломъ, перемѣняясь повязку нѣсколько разъ, совѣтуется съ женой или сестрой, къ лицу ли ему такая-то повязка чалмы, и только убѣдившись, что она повязана совершенно къ лицу, выходитъ изъ дома. По улицамъ онъ идетъ закинувъ голову вверху, при чемъ сильно размахиваетъ руками, по шаги дѣлаетъ маленькие и идетъ медленно, что дѣлаетъ походку его неестественной и смѣшной. Встрѣчая знакомыхъ, хуже его одѣтыхъ, онъ не узнаетъ ихъ и проходитъ мимо. Дороги онъ никому не уступаетъ, почему то и дѣло стакивается съ проходящими. Выйдя на площадь, онъ напускаетъ на себя еще больше веселія. Зашедши къ знакомому купцу въ лавку, онъ садится въ ней и посыпаетъ за чаемъ въ чайную. Чай принесенъ. Сартъ пить его, презрительно посматривая

на проходящихъ. Халатъ у него полуспущенъ съ плечъ, видна бѣлая рубашка. /
Время отъ времени онъ снимаетъ чалму, потряхиваетъ тюбетейкой надъ головой и
опахивается рубашкой, какъ вѣромѣтъ: это все дѣлается для того чтобы показать
проходящимъ, что онъ не въ мѣру выпилъ чаю и чувствуетъ необыкновенную жару.
Проходящіе разсматриваютъ новый нарядъ сарта, любуются имъ,—чего только онъ
и добивался. Посидѣвъ въ одной лавкѣ, сартъ переходитъ въ другую, гдѣ повторяется то же самое. Подъ вечеръ, выпивши не одну дюжину чашекъ чая, вдоволь
натѣшивъ свое чванство и показавъ себя всѣмъ, сартъ идетъ домой. Дома, вертясь
въ своемъ нарядѣ передъ женой или сестрой, онъ, съ мелочкою подробностью и съ
прибавленіемъ противъ дѣйствительности, разсказываетъ имъ: какъ онъшелъ по
улицѣ, по площади, сидѣлъ въ лавкѣ, сколько выпилъ чаю съ сахаромъ (хотя, мо-
жетъ быть, пилъ и безъ сахара), какъ прохожіе удивлялись ему, костюму его и
важному виду, какъ онъ извѣстному лицу, за то, что тотъ не далъ ему дороги, на-
говорилъ дерзостей и заставилъ при всѣхъ его извиняться передъ собой и проч.
Жена только успѣваетъ дѣлать возгласы: „хайръ! хайръ!“ и временами прибавляетъ:
„да я всегда была увѣрена, что ты знаешь, какъ себя держать; ты не похожъ на
своихъ сосѣдей“,—а выслушавъ все отъ мужа, спѣшить къ сосѣдкѣ, чтобы съ
прикрасами передать ей замѣчательныя похожденія его.“

III.

ТАДЖИКИ.

Таджики своимъ бытомъ и образомъ жизни сходны съ сартами, такъ что Вамбери считаетъ тѣхъ и другихъ за одно и то же племя, утверждая, будто слово „сартъ“ есть турецкое название таджика.

Таджики родственны персамъ; языкъ ихъ — нарѣчіе персидскаго языка. Они имѣютъ высокій лобъ, выразительные глаза, осѣненные черными рѣчицами, тонкій прямой или горбатый носъ, густые темнорусые волосы и густую бороду.

Живутъ таджики въ селеніяхъ и городахъ; въ нихъ въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ у сартовъ, замѣчается стремленіе къ городской жизни. Занимаются они земледѣліемъ, скотоводствомъ, ремеслами и торговлей; послѣдней, впрочемъ, они занимаются съ меньшей охотой, чѣмъ сарты.

Таджики исповѣдуютъ магометанскую религию шіитскаго толка, чѣмъ они, между прочимъ, отличаются отъ сартовъ, послѣдователей суннитскаго толка. Нужно замѣтить, что у таджиковъ сохранились еще слѣды почитанія огня и солнца. Нѣкоторые изъ нихъ справляютъ даже праздникъ въ честь огня или солнца; на этомъ празднике они зажигаютъ костры, служащіе для очищенія и излѣченія тѣхъ, кто перепрыгнетъ чрезъ нихъ. Если больной слишкомъ слабъ, такъ что не въ состояніи перепрыгнуть чрезъ костеръ, то его водятъ вокругъ него или предлагають ему пристально смотрѣть на пламя въ то время, когда надъ послѣднимъ произносятъ заклинаніе. Изъ уваженія къ огню, таджикъ не задуетъ горящую свѣчку, а движеньемъ руки погасить ее.

Начальное образованіе у таджиковъ настолько же распространено, какъ и у сартовъ. Значительная часть магометанского духовенства въ Туркестанскомъ краѣ — таджики.

Бытовые обряды таджиковъ мало чѣмъ отличаются отъ обрядовъ сартовъ; только обряды при бракѣ у нихъ представляютъ нѣкоторыя особенности, а потому и скажемъ обѣ этихъ обрядахъ.

Женихъ, желающій вступить въ бракъ, посыпаетъ въ кишлакъ невѣсты сартовъ, которые условливаются относительно калыма. Затѣмъ ёдетъ въ кишлакъ и самъ женихъ въ сопровожденіи родственниковъ и друзей. Недѣлжая нѣсколькоихъ саженей до мѣстожительства невѣсты, онъ слѣзаетъ съ лошади и дожидаетъ встрѣчи; всѣ же, сопровождающіе его, ёдутъ къ невѣстѣ. Женщины и девушки выходятъ на встречу жениху и несутъ съ собою угощеніе. При встрѣчѣ всѣ другъ другу кланяются. Послѣ поклоновъ, женщины угощаютъ жениха и получаютъ отъ него подарки. Приблизившись къ сакѣ отца невѣсты, женихъ у самаго порога видѣть палку или веревку, переступить чрезъ которую, не уплативши за пропускъ, считается неприличнымъ. Онъ одариваетъ родственниковъ и подругъ невѣсты и, получивъ такимъ

образомъ пропускъ, приближается къ невѣстѣ. Начинается пирожка. Затѣмъ является приглашенный мулла. Посреди сакли разводятъ огонь и вокругъ него раскладываютъ платки, куски матеріи и другіе предметы. Отецъ невѣсты береть чашку съ водой и, опустивъ въ нее двѣ серебряныя монеты, держитъ ее до тѣхъ поръ, пока мулла не окончить чтенія молитвы. Затѣмъ чашку передаетъ муллѣ, который, глотнувъ изъ нея воды, передаетъ всѣмъ присутствующимъ. Всѣ отхлебываютъ воды. Этимъ обрядъ вѣнчанія кончается. Послѣ вѣнчанія слѣдуютъ угощеніе и игры. Между прочими играми видное мѣсто занимаетъ джигитовка, при чемъ молодой и другіе парни догоняютъ молодую, скачущую во весь духъ на отличномъ бѣгунцѣ.

УЗБЕКИ.

Узбеки разбросаны на пространствѣ оть Хивы и Бухары до Каспійскаго моря и Аральскаго озера; преимущественно же они живутъ по Сыръ-Дарьѣ, въ Ходжентскомъ уѣздѣ. Большая часть ихъ ведеть осѣдлый образъ жизни и живеть рядомъ съ таджиками и сартами въ кишлакахъ и городахъ; мѣньшая же часть ихъ ведеть еще полукочевой образъ жизни, т.-е. хотя и имѣть сакли и даже пашни, однако въ извѣстное время года перекочевываетъ со своими баранами и верблюдами съ мѣста на мѣсто.

Название свое узбеки производятъ отъ двухъ словъ: *узи* и *бекъ* — самъ себѣ бекъ, самъ себѣ господинъ.

Узбеки произошли отъ смѣшения тюркскихъ, монгольскихъ и иранскихъ народовъ центральной Азии. Они имѣютъ коричневый цветъ лица, широкій, приплюснутый носъ, продолговатые глаза, склоненный лобъ и жидкую бороду. Они большею частью высокаго роста, пропорционально сложены и мускулисты. Говорятъ они тюркскимъ языкомъ.

Всѣхъ узбековъ насчитывается до 350 тысячъ человѣкъ; они хотя и живутъ рядомъ съ таджиками и сартами, однако мало сближаются съ ними и уклоняются отъ вступленія съ ними въ бракъ.

Религию узбеки исповѣдуютъ магометанскую; они фанатики, и фанатизмъ ихъ поддерживается проповѣдями хаджей и муля. Образованіе между узбеками весьма слабо распространено; очень немногіе изъ нихъ умѣютъ читать и писать.

Узбеки, по наблюденію путешественниковъ, имѣютъ и хорошия, и дурныя черты въ своемъ характерѣ. Они честны, искренни, но вмѣстѣ съ тѣмъ жестоки и мстительны.

Съ древнихъ временъ узбеки раздѣляются на племена и роды, изъ которыхъ болѣе извѣстны кипчаки, джозы, карабчи, кырги и др. Узбеки, относящіеся къ знатному роду, гордятся своимъ происхожденіемъ, стараются сохранить родовые обычай и преданія и съ некоторымъ пренебреженіемъ относятся къ менѣе знатнымъ родамъ. Узбекъ знатнаго рода рѣдко рѣшился выдать свою дочь за женіха низшаго рода. Точно также и женихъ изъ знатнаго рода постараается найти себѣ невѣсту изъ такого же рода. При заключеніи брака у нихъ немаловажную роль играетъ и величина калыма, который, впрочемъ, не составляется необходимой принадлежности брака. Неимущіе обыкновенно не уплачиваютъ калыма. Случается, что лица, находящіеся между собою въ дружественныхъ отношеніяхъ, соглашаются безъ уплаты калыма сочетать бракомъ своихъ дѣтей, когда они придутъ въ надлежащей возрастъ. Женихъ въ такомъ случаѣ имѣеть право отказаться отъ предназначеннай ему еще въ дѣтствѣ невѣсты.

При свадьбе соблюдаются следующие обряды. Женихъ посыаетъ въ семейство своей невѣсты сватовъ. Получивъ согласіе родителей невѣсты, онъ, по обычаю, не долженъ видѣться ни съ отцомъ невѣсты, ни съ матерью ея и даже долженъ избѣгать встречи съ ними; если же нечаянно встрѣтится съ ними, то обязанъ, чтобы не парушить приличія, закрыться халатомъ и отворотиться, т.-е. сдѣлать то же, что дѣлаютъ женщины-мусульманки при встречѣ съ мужчинами.

Женихъ и его родители одариваютъ невѣсту и ея родныхъ. Для подарковъ служить все, что можетъ пригодиться невѣстѣ или ея роднымъ, именно: платки, гребенки, ленты, матеріи, лакомство и сѣбѣстные припасы—мясо, сало, рисъ, хлѣбъ и т. п. Стоимость всѣхъ подарковъ тщательно запоминается обѣими сторонами, дабы, если бракъ не состоится, дарившіе имѣли возможность потребовать обратно свои подарки.

День совершеннія брака, или „ломанія лепешки“, какъ выражаются узбеки, назначается родителями жениха и невѣсты. Бракъ совершается въ саклѣ отца невѣсты. Сначала перечисляются подарки, данные невѣстѣ, и калымъ, уплаченный за нее, затѣмъ мулла прочитываетъ надъ чашкой съ водой молитву. При чтеніи молитвы присутствуютъ женихъ, родители брачущихся и старики; невѣста не бываетъ; вместо нея присутствуетъ ея повѣренный. Послѣ молитвы начинается пироваріе, при чемъ гости и родные ёдятъ, поютъ, пляшутъ. Мужчины пирують отдѣльно отъ женщинъ. Послѣ угощенія женихъ и его друзья идутъ въ саклю, где угощаются невѣстѣ, ея подруги и родственницы. Навстрѣчу имъ выходятъ женщины. Послѣднія стараются отбить жениха. Когда имъ удастся овладѣть женихомъ, одна изъ нихъ беретъ его голову себѣ подъ мышку и тащитъ его къ молодой. Прочія женщины сопровождаютъ ихъ, а мужчины, лишившись молодого, уходятъ въ свою саклю, где продолжаютъ пировать. Молодой угощаетъ женщинъ лакомствами, а тѣ развлекаютъ его веселымъ разговоромъ и шутками.

На второй или третій день послѣ заключенія брака молодая переселяется въ саклю мужа, при чёмъ ее сопровождаютъ ея подруги. Случается, что мужъ, не имѣя возможности обзавестись своимъ хозяйствомъ, остается въ саклѣ родителей жены до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣтеть такого состоянія, которое дало бы ему возможность жить своимъ хозяйствомъ.

Узбеки, какъ магометане, могутъ имѣть болѣе одной жены. Если узбекъ имѣсть пѣсколько женъ, то держать ихъ обыкновенно въ особыхъ помѣщеніяхъ; въ противномъ случаѣ между ними происходили бы постоянныя ссоры и драки.

Воспитаніе дѣтей не требуетъ особыхъ заботъ или хлопотъ отъ родителей. Дѣти растутъ на свободѣ и сами собою, наблюдая за жизнью и дѣятельностью взрослыхъ, научаются тому, что нужно знать каждому узбеку.

Въ сынѣ или дочери цѣнится не столько красота, умъ, находчивость, сколько физическая сила, необходимая для выполненія работъ. Когда сынъ настолько укрѣпится, что можетъ быть помощникомъ отцу, на него начинаютъ обращать вниманіе, какъ на рабочую силу. Смотри на ребенка, какъ на будущаго помощника въ работе, отецъ, естественно, бываетъ болѣе доволенъ рожденіемъ сына, чѣмъ дочери.

Женатые сыновья обыкновенно отдѣляются отъ отца и составляютъ особья семейства; но случается въ некоторыхъ родахъ, что всѣ сыновья съ ихъ женами остаются при отцѣ, ведутъ общее хозяйство и питаются изъ общаго котла.

Занятия узбековъ обусловливаются местожительствомъ и образомъ ихъ жизни. Осѣдлые узбеки, живущіе въ кишлакахъ, занимаются земледѣліемъ и вообще сельскимъ хозяйствомъ; живущіе въ городахъ нанимаются въ услуженіе къ сартамъ или принимаются за ремесла. Кочевые узбеки занимаются скотоводствомъ.

Нужно замѣтить, что у узбековъ, какъ и у другихъ народовъ, находящихся на низшей ступени цивилизациі, большая часть работы по домашнему хозяйству взвалена на женщинъ: онѣ собираютъ топливо, прядутъ нитки, заготавливаютъ одежду для всей семьи, выѣлываютъ овчину и т. п. Даже полевые работы въ значительной мѣрѣ исполняются ими: онѣ не только жнуть или свозять снопы съ поля, но также иногда пашутъ и обрабатываютъ сады. Забота о прокормленіи семьи лежитъ тоже болѣе на женѣ, чѣмъ на мужѣ. Нерѣдко узбечка несетъ на базарь какое-нибудь свое издѣліе и на вырученныя отъ продажи деньги покупаетъ хлѣбъ или мясо для семьи.

Узбеки отличные наездники и любятъ лошадей. Не менѣе того они любятъ и даже почитаютъ собакъ. „Если вы, говорить Гельвальдъ, спросите узбека: не продасть ли онъ свою жену? то это нисколько не оскорбить его; но вы нанесете ему кровавую обиду вопросомъ: не продасть ли онъ свою собаку? Выраженіе: „торгующій собаками“ служить самимъ бранцымъ у узбековъ.“

Увеселенія узбековъ состоять въ конскихъ скаккахъ, борьбѣ и другихъ состязаніяхъ. Побѣдитель на этихъ состязаніяхъ получаетъ награду. Нечужды имъ поэзія и музыка. Они имѣютъ своихъ разсказчиковъ и пѣвцовъ. Музыкальными инструментами у нихъ служатъ *дютара* (двухструнная гитара) и *кобоза* (лютня). Играй на этихъ инструментахъ они сопровождаютъ свои пѣсни и пляски.

V.

ТУРКМЕНЫ.

Туркмены живутъ между Каспійскимъ моремъ и рѣкою Аму-Дарьей. Пространство это только по берегамъ рѣкъ (Атреку, Мургабу, Аму-Дарье и друг.) предста- вляетъ удобства для осѣдлой жизни и занятія земледѣльемъ; остальная же мѣста неудобны для осѣдлой жизни и земледѣлія: они состоять изъ степей, большою частью песчаныхъ, и солончаковъ, лишненыхъ прѣсной воды. Туркмены до такой степени свыклись съ своею степью, что испытываютъ чувство стѣсненія среди лѣса или горъ, лишающихъ ихъ возможности свободно скакать на своихъ быстрыхъ коняхъ и ози- рать безпределную ширь.

Туркмены — турецко-татарского происхожденія, что показываетъ уже и самое ихъ название. Название Туркмены или Тюркмены состоитъ изъ собственнаго имени „Тюркъ“ и суффикса „менъ“.

Туркмены, благодаря своей изолированности отъ другихъ народовъ, въ большой степени сохранили языки и наружный видъ того племени, отъ которого происходитъ. Только тѣ изъ туркменовъ, которые живутъ по сосѣдству съ персами, смѣшились съ послѣдними и потеряли свои племенные черты.

Туркмены имѣютъ косолежащіе блестящіе глаза, рѣзко очерченный посы, мало выдавшіяся скулы, черную, рѣлкую бороду и коротко остриженные черные волосы. Цвѣтъ лица ихъ желтовато-бурый. Видъ и осанка ихъ выражаютъ смѣлость и со- знаніе своей силы. Туркменки не уступаютъ туркменамъ въ красотѣ и стройности.

Одеждой туркменовъ служитъ цвѣтной халатъ; голову они покрываютъ мохнатой бараньей шапкой, которая перѣдко во время спа служить подушкой. На ногахъ — ичики или сапоги. Одежда женщины похожа на мужскую, съ тою только разницей, что голову онѣ покрываютъ не шапкой, а шалью. Если женщина хочетъ при愈加- диться, она опоясывается большою шалью, концы которой спускаются внизъ; на плечи надѣвается кофту, въ кошу вплетается ленту, ноги обуваетъ въ желтые или красные сапоги. Кроме того, она украшаетъ себя серьгами, кольцами и побрякушками, кото- рые при движеніи издаютъ звукъ, очень правящійся туркменамъ. Туркменская женщины не прячутъ своего лица подъ покрывало, какъ другія магометанки. „Куда намъ, бѣднымъ жительницамъ степей,— говорятъ онѣ,— сообразоваться съ городскими обычаями“.

Туркмены раздѣляются на нѣсколько племенъ (хальковъ), каковы, напр., пле- мена: Текке, Гомуды, Эрзари, Солори, Сарыки и друг. Племена раздѣляются на роды, а послѣдніе — на семьи. Между членами одного и того же племени или рода всегда замѣчалась тѣсная связь: за обиду, нанесенную одному члену рода или племени, обыкновенно мстили весь родъ.

Всѣхъ туркменовъ насчитываютъ до миллиона человѣкъ. Наибольшая часть ихъ живетъ въ юго-западной части Туранской низменности, на треугольникѣ, вершинами котораго служатъ на сѣверѣ заливъ Кара-Бугазъ, на востокѣ — верховье рѣки Атрека и на западѣ — устье рѣки Гюргеня, впадающей въ Каспійское море.

Значительная часть туркменовъ, именно тѣ, которые поселились на удобныхъ для осѣдлой жизни земляхъ, перешли уже къ осѣдлому образу жизни; остальные же, именно всѣ тѣ, которые живутъ въ степяхъ, неудобныхъ для земледѣлія, ведутъ еще кочевой или полукочевой образъ жизни.

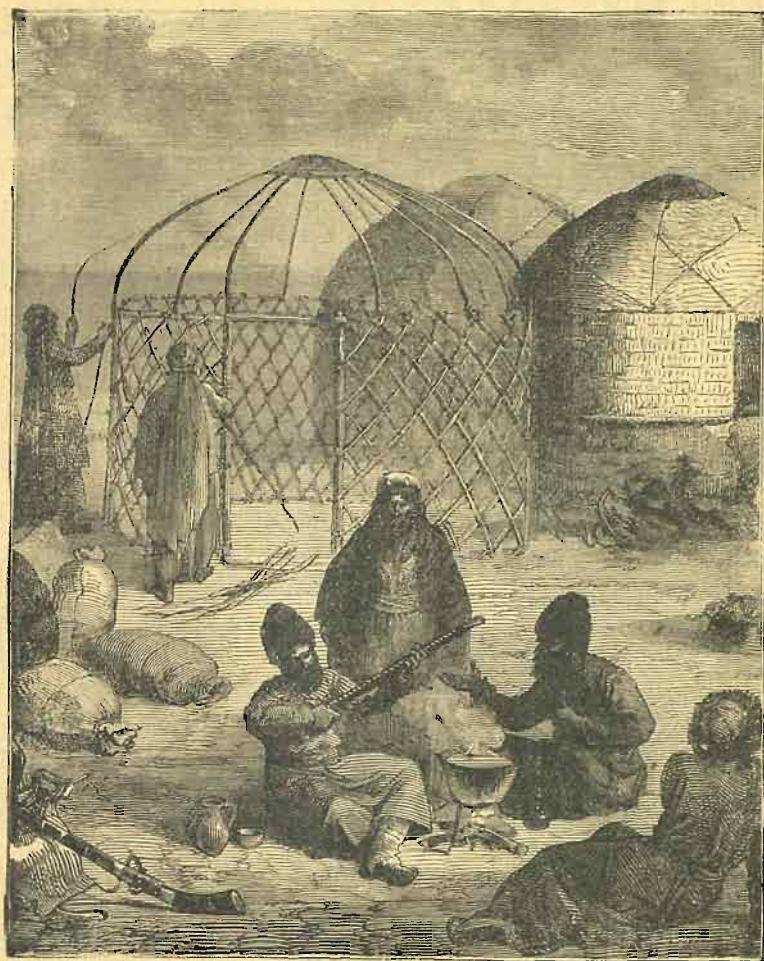

Жилищемъ для туркменовъ служитъ войлочная палатка или юрта. Палатки зажиточныхъ туркменовъ бывають устланы коврами; но вообще отъ рѣдко бывають чисты и опрятны. Нѣкоторые туркмены имѣютъ запасную палатку для пріема гостей; она обыкновенно бываетъ обтянута болѣе цѣнной бѣлой или цвѣтной кошмой и содержитя чище. Осѣдлые туркмены обзаводятся глиняными саклями или деревянными хижинами.

Туркмены исповѣдуютъ магометанскую религию суннитскаго толка. Муллы пользуются у нихъ почетомъ. Къ кому бы ни пришелъ мулла, онъ желанный гость. Умные муллы, обладающіе краснорѣчіемъ, нерѣдко приобрѣтаютъ въ народѣ особенное влияніе. Ихъ называютъ „ишанами“, т.-е. избранными и излюбленными Богомъ людьми, которымъ все удастся.

Нѣкоторые муллы обучаютъ дѣтей религіи и чтенію въ открытыхъ ими школахъ. Мулла пишетъ на грифельной доскѣ урокъ и заставляетъ ученика выучить его. Когда урокъ выученъ, мулла выслушиваетъ его, пишетъ дальше и снова приказываетъ ученику выучить написанное. Дѣти учатся въ школѣ обыкновенно до 10—12-лѣтняго возраста, а затѣмъ становятся помощниками отцу или матери.

Силой, определяющей поведение туркменовъ, отношение ихъ между собою и къ иночленамъ, служитъ не столько требование корана или ихъ правителей, сколько обычай (адатъ). Ни один туркменъ не рѣшится нарушить требование обычая. Нарушение его влечеть за собою негодование и даже презрѣніе сородичей. Такимъ образомъ обычай имѣеть у нихъ силу закона и ограничиваетъ произволъ ихъ.

Однимъ изъ такихъ обычаевъ служитъ обычай гостепріимства. Кто бы ни былъ гость, но пока онъ въ палатѣ туркмана, онъ въ безопасности. Хозяинъ не только накормить его и дасть ему мѣсто для отдыха, но и защитить его отъ обидъ со стороны другихъ лицъ. За обиду, нанесенную гостю, хозяинъ мстить, какъ за обиду, нанесенную члену семьи.

Месть въ прежнее время призывалась священнымъ долгомъ. За убийство обычай требовалъ смерти убийцы; за незначительное поврежденіе члена виновный подвергался такому же поврежденію. Если мстящій соглашался, онъ могъ получить за обиду выкупъ. За убийство полагался выкупъ въ тысячу тилятъ, или 2500 руб., за повреж-

деніе руки или ноги взыскивалось 500 тилль. Если виновный скрылся, между темъ всѣ улики въ его преступлениѣ были налицо, ищещь обращался съ жалобой къ старшинамъ, по определенію которыхъ родственники виновнаго вознаграждали истца; если же онъ не успѣлъ скрыться, обиженній, не прибѣгая къ суду, самъ старался отомстить ему, причинивши соотвѣтственное зло.

Въ настоящее время, подъ вліяніемъ русскихъ, обычай мести значительно ослабѣлъ; но все-таки онъ еще иногда проявляется.

Въ прежнее время разбои, грабежи и нападенія на сосѣдей не только не считались у туркменовъ преступленіями, но, напротивъ, признавались доблестными подвигами; отсюда происходило, что они постоянно вели борьбу то съсосѣдями, то между собою. Завидѣвъ гдѣ-нибудь куческій караванъ, или чужихъ верблюдовъ и лошадей, туркмены дѣлали засаду, чтобы овладѣть тѣмъ или другимъ. На напавшихъ возставалъ сосѣдній ауль, къ нему присоединялся родъ, и такимъ образомъ шла безконечная вражда между родами и племенами. Если же не было вражды между родами, то они нападали на сосѣднія государства, грабили и уводили людей въ плѣнъ. Плѣнныхъ они продавали въ рабство бухарцамъ или хивинцамъ, или же держали у себя, принуждая къ тяжелой работе и поджидая, пока родственники не выкупятъ ихъ.

Въ настоящее время, когда большая часть туркменовъ вошла въ составъ Русского государства, для нихъ прекращена возможность безнаказанно грабить и нападать на сосѣдей и продавать плѣнныхъ въ рабство.

Постоянныя войны сдѣлали туркменовъ храбрыми и отважными: въ храбрости и отвагѣ съ ними не можетъ сравняться ни одинъ среднеазіатскій народъ.

Отличаясь жестокостью и вѣроломствомъ на войнѣ, туркмены проявляютъ честность по отношенію къ своимъ близкимъ въ мирное время. У нихъ, напр., не заимодавецъ, а должникъ хранить у себя расписку въ полученіи занятой суммы, для того, чтобы помнить, какую сумму онъ долженъ возвратить заимодавцу.

Народная поэзія — эта выразительница народныхъ идеаловъ и стремлений — довольно богата у туркменовъ. По вечерамъ, особенно въ зимнее время, они любятъ слушать разсказы о быломъ. Иногда въ группѣ туркменовъ можно видѣть пѣвца, который подъ аккомпанементъ дютары (двухструнного инструмента) поетъ пѣсни. Въ пѣсняхъ этихъ большую частью разсказывается о военныхъ подвигахъ и набѣгахъ храбрыхъ предковъ. Понятно, что эти пѣсни воодушевляютъ молодыхъ туркменовъ и возвращаютъ въ нихъ желаніе прославиться такими же подвигами.

Грамотность между туркменами мало распространена: не многие изъ нихъ умѣютъ читать коранъ; но они и не заботятся о томъ, чтобы научить своихъ дѣтей грамотѣ. Главная ихъ забота при воспитаніи дѣтей сводится къ тому, чтобы сдѣлать ихъ храбрыми, сильными членами рода, умѣющими управлять конемъ и исполнять ту работу, которая кормить семью.

Занятіе осѣдлыхъ туркменовъ состоѣтъ въ земледѣліи; прибрежные занимаются рыболовствомъ и добываніемъ соли, а нѣкоторые изъ нихъ — торговлей. Женщины приготовляютъ пищу, выдѣлываютъ ковры, кошмы и шелковыя издѣлія.

Главное занятіе кочевыхъ туркменовъ состоѣтъ въ скотоводствѣ, при чемъ они разводятъ лошадей, верблюдовъ и овецъ. Наиболѣе любимымъ ими животнымъ служить лошадь. Туркменская лошадь красива, быстро бѣжитъ и выносила. Уходъ за нею составляетъ главное занятіе туркмана-кочевника, свалившаго большую часть работы по хозяйству на женщинъ. Нужно замѣтить, что у туркменовъ, какъ и у

другихъ инородцевъ, стоящихъ на низшей ступени цивилизациі, почти всѣ домашній работы выполняются женщинами. По ихъ убѣждению, мужчины неприлично заниматься какимъ-либо домашнимъ дѣломъ. Если туркменъ не имѣть работы виѣ палатки, то, досмотрѣвъ своихъ лошадей, отправляется къ знакомымъ, или присоединяется къ группѣ сородичей, сидящихъ на землѣ передъ палаткою и проводящихъ время въ разговорѣ и слушаніи рассказовъ о старинѣ.

Пищей туркменовъ служить мясо домашнихъ животныхъ (лошадей, верблюдовъ, ословъ и барановъ), рыба и хлѣбъ. Пилавъ служить у нихъ лакомыемъ блюдомъ. Такимъ же блюдомъ служить шура—родъ супа съ бараньимъ мясомъ, солью и перцемъ. Напиткомъ служить кумысъ, кислос овечье молоко и иногда чай безъ сахара; хмельныхъ напитковъ не употребляютъ, и пьяныхъ между ними нельзя встрѣтить.

Кушанья подаются въ деревянныхъ чашкахъ. Ідя молча, мужчины отдельно отъ женщинъ.

Туркмены устраиваютъ по поводу важныхъ въ своей жизни событий игры, на которыхъ главную роль играетъ проявленіе силы и ловкости. Изъ такихъ игръ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующая, устраиваемая при бракѣ. Невѣста, сидя на отличномъ бѣгуниѣ, беретъ черезъ сѣдло ягненка или коаленка и пускается во весь галопъ; за нею верхомъ гонятся женихъ и его друзья. Она ловкими поворотами избѣгаетъ преслѣдованій и не даетъ ни одному изъ нихъ возможности приблизиться настолько, чтобы схватить ягненка. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что эта игра бываетъ и у другихъ среднеазіатскихъ инородцевъ.

По смерти любимаго въ семѣи человѣка, туркмены правятъ поминки, при чёмъ ежедневно въ часъ его смерти члены семьи госятъ. Имъ иногда вторятъ нанятые плакальщики. Во время плача они продолжаютъ свои обычныя занятія, такъ что женщины, напр., ткуть коверъ, а мужчины чистятъ лошадей, и при этомъ тѣ и другое госятъ. На могилѣ знатнаго туркмена набрасываютъ большой холмъ, для чего каждый изъ присутствующихъ при погребеніи обязанъ бросить не менѣе семи горстей или корзинъ земли. Такіе холмы нерѣдко встрѣчаются въ Туркменскихъ степяхъ.

ДУНГАНЕ.

Дунгане въ числѣ около 25 тысячъ человѣкъ вышли изъ Китайскихъ владѣній и поселились въ Семирѣченской, Сырь-Даринской и Ферганской областяхъ. Возлѣ русскихъ городовъ они построили особяя слободы, обыкновенно называемыя „дунгансими городками“. „Городки“ эти состоятъ изъ одноэтажныхъ глиняныхъ сакель съ маленькими окнами, обращенными на дворъ. Крыша сакель большею частию плоская. Между сакелями выдѣляется мечеть; она больше сакель и носить на себѣ отпечатокъ китайского стиля, чѣмъ отличается отъ мечетей прочихъ магометанскихъ народовъ. Улицы „городковъ“ обыкновенно широки и чисты; онѣ немноголюдны и поражаютъ тишиной. Внутри сакель обыкновенно бываетъ чисто и опрятно. Полъ въ нихъ глиняный, по стѣнамъ устраиваются полки и ниши для склада имущества. Сакля обыкновенно раздѣляется на два отдѣленія — общую и женскую.

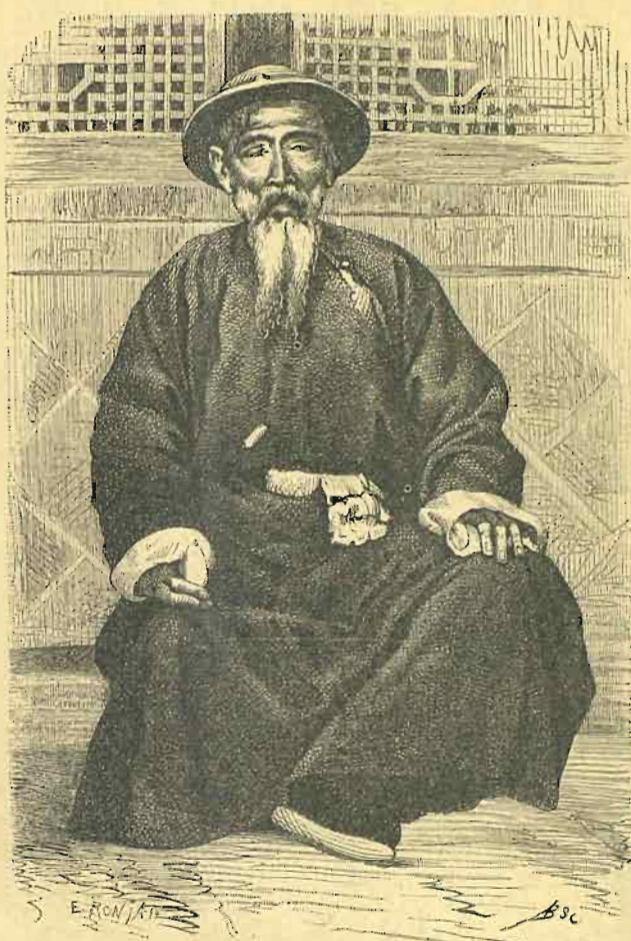
Внѣшній видъ дунганъ носить отпечатокъ монгольского типа. Цвѣть лица ихъ желтый. Они, подобно китайцамъ, бреютъ голову, оставляя на макушкѣ длинную косу. Если собственная коса коротка, то дунганъ прицѣпляетъ къ ней шелковую косу. Дернуть за косу дунгана значитъ нанести ему большое оскорблѣніе. Тѣло-сложеніе дунганъ крѣпче и мускулистѣе, чѣмъ китайцевъ. Ростъ ихъ довольно высокій, осанка величавая, мужественная. Во время работы дунгане большею частью сосредоточены, даже угрюмы; они рѣдко улыбаются, а еще рѣже смеются.

Одежда дунганъ состоитъ изъ короткой куртки безъ рукавовъ, называемой „курмой“, и холщевыхъ шароваръ. Обувью обыкновенно служатъ чулки и туфли. На головѣ носятъ ермолку темнаго цвѣта; ермолка бѣлаго цвѣта означаетъ трауръ. Сверхъ ермолки надѣваются, смотря по времени года, войлочную или большую соломенную шляпу. Верхнюю одежду составляетъ халатъ. Одежда женщинъ длиннѣе, чѣмъ мужчинъ; къ тому же женщины любятъ украшать себя кольцами, серьгами и браслетами. Преобладающій цвѣтъ одежды дунганъ — синій. По этому цвѣту одежды, да по длинной косѣ отличаютъ дунганъ отъ другихъ народовъ, встрѣчающихся въ среднеазіатскихъ городахъ.

Дунгане трудолюбивы. Они занимаются хлѣбопашествомъ, при чемъ сѣять рисъ, просо, кукурузу и пшеницу. Кроме того, они очень успѣшно занимаются огородничествомъ и садоводствомъ. Многіе изъ нихъ занимаются ремеслами и торговлей; они изготавливаютъ металлическія издѣлія, шьютъ обувь, дѣлаютъ посуду и вѣера и раскрашиваютъ ихъ причудливыми изображеніями птицъ, животныхъ и другими картинами. Картины дунганъ, какъ и китайцевъ, отличаются яркостью красокъ и отсутствиемъ перспективы. Такими картинами они нерѣдко украшаютъ свои жилища и даже устраиваютъ изъ нихъ панорамы для показыванія за деньги.

Женщины у дунганъ исполняютъ домашнія работы: приготавлиютъ пищу, ухаживаютъ за домашніми птицами и животными и смотрятъ за огородами.

Дунгане трудолюбивы; у нихъ все работаютъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ не въ состояніи работать, его прокармливаютъ родственники или знакомые. Отсюда и происходитъ, что въ дунганскихъ „городкахъ“ не замѣчается нищихъ.

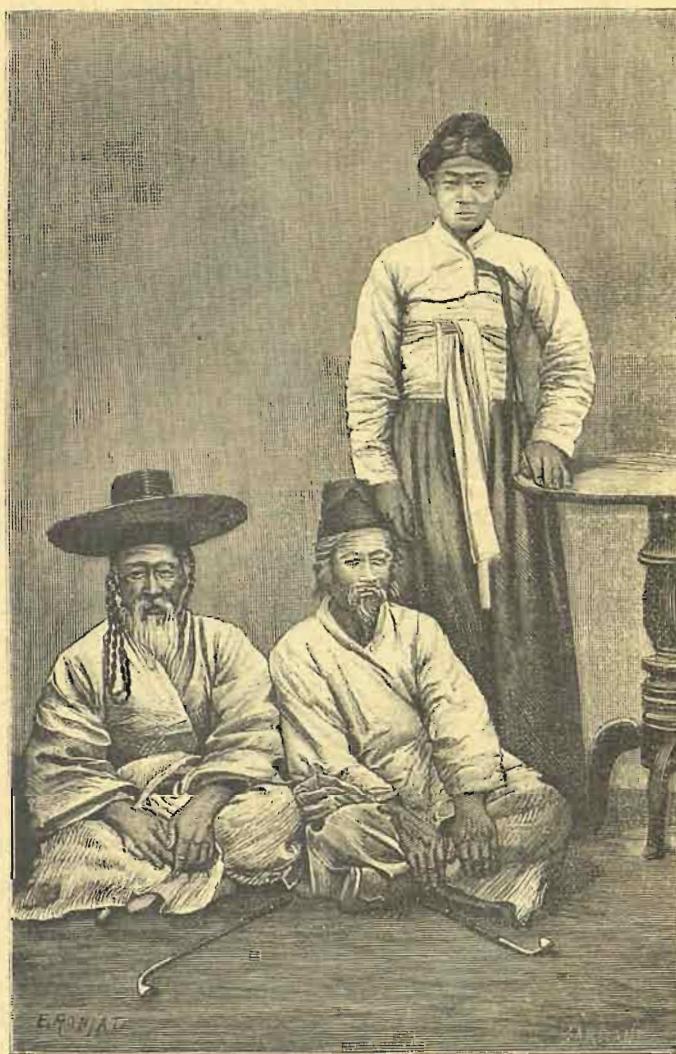
Дунгане исповѣдуютъ магометанскую религию. Они строго соблюдаютъ посты и религиозные обряды, но менѣе фанатичны, чѣмъ другіе народы, исповѣдующіе ту же религию. Муллы хотя и пользуются у нихъ почетомъ, но не имѣютъ сильнаго вліянія на нихъ дѣла.

Начальное образованіе у дунганъ, какъ и у китайцевъ, значительно распространено. Почти все дѣти обучаются въ школахъ подъ руководствомъ мулль. Мальчики обучаются отдельно отъ девоочекъ. Кругъ школьніхъ занятій ихъ узокъ. Грамота у нихъ китайская.

Дунгане имѣютъ своихъ докторовъ, которые подготавливаются къ своей профессии въ Китаѣ.

Дунганде честны; у нихъ рѣдко случается воровство. Кромѣ того, они тверды и настойчивы. Разъ дунганъ задумалъ что-нибудь сдѣлать, онъ свое намѣреніе доведетъ до исполненія. Далѣе, они выносливы и терпѣливо переносятъ случающіяся физическая страданія.

Кромѣ названныхъ хорошихъ чертъ, въ характерѣ дунганъ замѣчаются и нехорошія черты. Такъ, они мстительны и раздражительны. Если дунганъ въ ярости гнѣвѣ вынуль ножъ, онъ навѣрно пустить его въ ходъ. Къ иностранцамъ

дунгане относятся недовѣрчиво и необщительны съ ними; мало сблизжаются и съ russkimi, хотя съ уваженіемъ относятся къ нимъ. Къ китайцамъ относятся съ враждебною ненавистью. Такая ненависть сложилась исторически, вслѣдствіе притесненій со стороны китайцевъ, когда дунгане находились въ зависимости отъ нихъ.

Дунгане живутъ большими семьями и неохотно выдѣляютъ дѣтей. Къ старшимъ, особенно къ родителямъ, они относятся съ полнымъ уваженіемъ. За неупоминаніе родительской власти виновный строго наказывается.

Высшее управление дунганами лежитъ на обязанности русскихъ властей; ближайшее же управление ими возложено на выборныхъ старшинъ и судей (казиевъ).¹⁵³ Эти послѣдніе налагаютъ наказаніе за неважные проступки, въ которыхъ не замѣщаны русскіе. При наложеніи наказаній они руководствуются обычаемъ. Обычай допускаетъ тѣлесное наказаніе, которое иногда и примѣняется. Примѣняется еще и такое наказаніе: виновнаго, а иногда и цѣлое виновное семейство садятъ въ яму, которая имѣеть въ глубину сажени полторы и сверху покрывается павѣсомъ такъ, что свѣтъ проникаетъ въ нее съ трудомъ. Пищи даютъ заключеннымъ въ умѣренномъ количествѣ. Наказываютъ виновныхъ также и денежнымъ штрафомъ.

Бракъ у дунганъ совершаются послѣ уплаты за невѣсту калыма. Мужчины моложе 18, а женщины моложе 15 лѣтъ не вступаютъ въ бракъ. Старость не служить препятствиемъ къ вступленію въ бракъ. Близкое родство служить препятствиемъ къ браку. Бракъ совершаются муллой, который прочитываетъ установленную молитву. Послѣ брака родные олариваютъ новобрачныхъ. Многоженство допускается у дунганъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по двѣ и даже по три жены.

Покойниковъ дунгане зарываютъ въ землю, при чемъ мулла читаетъ установленная молитвы. По смерти близкаго родственника полагается трауръ, который продолжается 40 дней. Наружнымъ признакомъ траура служить бѣлый халатъ и бѣлая ермолка. Женщины въ знакъ траура носятъ на головѣ что-нибудь бѣлое и подолъ платья обшиваютъ бѣлою тесьмой.

Дунгане любятъ играть въ кости. Кости, употребляющіяся при игрѣ, бывають до четверти аршина длины и около дюйма ширины. Одна сторона ихъ бываетъ окрашена въ красный цветъ, а на другой разрисованы условные зваки. Игра въ кости нерѣдко становится азартной.

Пицци дунганъ служатъ плоды, мясо и хлѣбъ. Чаще всего подается лапша и „джусай“, приготовляемый изъ муки, мяса и яицъ. Вдѣять обыкновенно два раза въ день. Чай пьютъ не менѣе китайцевъ. Отъ водки отказываются, но въ праздникъ иногда пьютъ опьяняющій напитокъ „джюнъ“, приготовляемый изъ проса и подаваемый подогрѣтымъ. Опьянѣвшіи отъ излишне выпитаго „джюнна“, дунгане поднимаютъ скору, которая нерѣдко оканчивается дракой. Опіума и табаку дунгане не употребляютъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ добываютъ опіумъ, но не для своего употребленія, а для сбыта китайцамъ.

VII.

ТАРАНЧИ.

Таранчи — народъ монгольского племени; они, подобно дунганамъ, перешли, въ числѣ 40 тысячъ человѣкъ, изъ китайскихъ владѣній и поселились въ Семирѣченской области. Цвѣтъ ихъ лица желтый, лицо продолговатое, глаза прямые, узкие, большей частью черные, уши оттопыренныя, носъ длинный, въ большинствѣ случаевъ широкій и приплюснутый въ срединѣ; волосы на головѣ и бровяхъ черные, густые; голову бреютъ, но усы и бороду носятъ; борода большей частью рѣдкая. Женщины носятъ длинные волосы, заплетая ихъ. Дѣвушки — въ нѣсколько, а замужнія, не имѣющія дѣтей — въ одну, имѣющія же ихъ — въ двѣ косы.

Тѣлосложеніе ихъ слабѣе, чѣмъ дунганъ; мускулы ихъ вялы. Ростъ они средняго или ниже средняго; руки ихъ, сравнительно съ вышиною тѣла, длинны, а ноги коротки. Изъ вѣнчанихъ чувствъ у нихъ лучше другихъ развиты зрѣніе и послухъ.

Таранчи живутъ въ глиняныхъ сакляхъ, не отличающихся чистотой. Въ стѣнахъ сакли вѣланы ниши и полки, а посерединѣ — углубленіе для очага; въ немъ зимою постоянно горить каменный уголь. Сидѣть и спать таранчи большей частью на полу, подкладывая войлоки или сѣнники и круглые подушки, набитыя шерстью или ватою. При сакляхъ устраиваются сады и огороды; чрезъ дворъ нерѣдко проходитъ канавка (арыкъ) съ проточной водой, служащей для поливки огородовъ и для домашняго употребленія. Вода въ этихъ арыкахъ большей частью бываетъ нечиста.

Одежда таранчинцевъ похожа на одежду дунганъ, т.-е. состоить изъ рубашки, шароваръ и халата, а зимою тулуза; на ноги надѣваются ичиги, а зимою — теплые сапоги; на голову, сверхъ тибетскіи, надѣваютъ мѣховую шапку. Женщины любятъ наряжаться, при чемъ подкрашиваются брови и ногти. Выходя на улицу, нѣкоторыя изъ нихъ закрываютъ лицо бѣлою, легкою тканью.

Таранчи исповѣдуютъ магометанскую религию, суннитскаго толка. Муллы пользуются у нихъ огромнымъ вліяніемъ. Установленный религіей постъ соблюдается строго, при чемъ отъ поста освобождаются только старики, малолѣтніе и больные.

Грамотность у нихъ распространена настолько же, какъ и у дунганъ. Они, подобно послѣднимъ, трудолюбивы, терпѣливы, трезвы и довольно честны. Любятъ они музыку, пѣніе и танцы.

Таранчи занимаются преимущественно земледѣліемъ, при чемъ сѣютъ пшеницу, просо, овесъ и кукурузу; на огородахъ они разводятъ огурцы и другіе овощи; на

бахчахъ разводятъ дыни и арбузы. По окончаніи полевыхъ работъ они занимаются охотой и торговлей, а нѣкоторые принимаются за ремесла—плотничное, кузничное и другія. Занимаются также рытьемъ арыковъ и извозомъ. Для перевозки тяжести они употребляютъ арбы, въ которыхъ впряжены воловъ или лошадей;ѣздятъ также на ишакахъ. Домашнія работы производятся преимущественно женщинами: онѣ прядутъ шерсть, ткутъ ковры, носятъ воду, ухаживаютъ за огородами и т. п.

Преобладающая пища таранчинцевъ — растительная; они питаются лапшой, мучными лепешками, плодами и овощами. Мясо єдятъ не болѣе одного раза въ недѣлю. Напиткомъ служить чай съ солью и молокомъ; утромъ пьютъ чай съ пшеничными лепешками, которыхъ обыкновенно бросаютъ въ чашку съ чаемъ. Пить холодную воду избѣгаютъ, замѣня ее чаемъ. Табаку они не курятъ, но многіе изъ нихъ его нюхаютъ или кладутъ за щеки.

Бракъ совершаются у нихъ при такихъ же обрядахъ, какъ и у сартовъ и дунганъ. Бракъ между близкими родственниками запрещенъ; разводъ совершается очень легко.

Молодая обязана въ продолженіе года послѣ свадьбы ежедневно бывать у своихъ родителей, и первыя роды должны совершиться у нихъ въ саклѣ. При родахъ бываютъ только женщины, которыхъ оказываются рождающей помошь. При тяжелыхъ родахъ кто-либо изъ близкихъ родныхъ взлѣзаетъ на крышу, стучитъ и спрашивается: „принесла ли женщина?“ Снизу отвѣчаютъ: „Богъ далъ“, хотя въ дѣйствительности никто еще не родился; это дѣлается съ цѣлью ободрить рождающую. Иногда при трудныхъ родахъ мулла пишетъ на краю чашки стихъ изъ корана, наливаетъ въ нее чаю и этотъ чай даетъ рождающей. Женщину, умершую во время родовъ, почитаютъ за безгрѣшную. Новорожденаго купаютъ въ теплой водѣ, при чемъ въ корытце бросаютъ золотыя и серебряныя украшения и кольца. Новорожденныхъ не пеленаютъ, а завертываютъ въ тряпки и кладутъ въ узкую колыбель, поверхъ которой обвертываютъ бинтомъ, такъ что ребенокъ не можетъ выпасть.

О рождениіи ребенка чрезъ посланного извѣщаютъ родственниковъ и знакомыхъ. Если кто изъ нихъ спроситъ: сынъ или дочь родилась, то посланный отвѣчаетъ: „волкъ“, если родился сынъ, и „лисица“, если родилась дочь. Родственники и знакомые поздравляютъ отца. Поздравленія принимаются только въ первые два дня послѣ рожденія; на третій день мулла даетъ новорожденному имя. Мать кормить своего ребенка до трехъ лѣтъ.

Съ семи лѣтъ мальчики и девочки начинаютъ посещать школу, въ которой обучаетъ мулла. Приведши сына въ школу, отецъ обыкновенно, подобно тому, какъ и у киргизовъ, говорить муллѣ: „кости мои, а мясо твое“, разрѣшая этимъ наказывать мальчика, сколько ему заблагоразумится, лишь бы не повредилъ его костей. Въ школѣ дѣти обучаются чтенію, письму, счету и молитвамъ; тутъ же мулла наставляетъ ихъ въ правилахъ житейской мудрости и честности.

Отъ дѣтей требуется безусловное повиновеніе старшимъ, особенно родителямъ. Каждый молодой человѣкъ за неповиновеніе старшимъ или родителямъ строго наказывается судьями. Кроме того, отецъ, по обычаю, имѣеть право лишить своего сына, замѣченного въ неповиновеніи, участія въ наслѣдствѣ не только благопріобрѣтеннымъ, но и родовымъ имуществомъ.

Послѣ смерти таранчина, тѣло его обвертываютъ въ три ряда тонкою бѣлою матеріею, при чемъ лицо оставляютъ открытымъ. Духовное лицо на крыщѣ читаетъ молитву и тѣмъ даетъ знать родственникамъ и знакомымъ, что въ сакѣ покойника. Собираются родственники и плачутъ. Хоронятъ безъ гробовъ. Покойника выносятъ въ закрытыхъ сверху и сбоковъ носилкахъ. Въ могилѣ дѣлаютъ нишу, куда кладутъ покойника. Нишу закладываютъ кирпичомъ, а могилу засыпаютъ землею.

На третій, седьмой и сороковой день и чрезъ годъ послѣ смерти совершаются поминки, при чемъ угощаются знакомыхъ и родственниковъ; мулла читаетъ на могилѣ молитвы.

По смерти близкихъ родственниковъ носятъ трауръ, при чемъ мужчины не бреютъ головы и носятъ бѣлую ермолку и чалму, а женщины снимаютъ съ себя всѣ украшенія и обшиваютъ верхъ шапочки бѣлой тесьмой.

Къ русскимъ таранчи относятся подобострастно, даже униженно. Нѣкоторые изъ нихъ вступаютъ въ военную службу и несутъ ее безупречно.

- 1) П. ПОЛЕВОЙ. Учебникъ по Русской Исторіи въ очеркахъ и біографіяхъ съ картами и портретами въ текстѣ, для городскихъ училищъ. Ц. 40 к.
- 2) П. ПОЛЕВОЙ. Учебная Русская Хрестоматія съ толкованіями, въ трехъ частяхъ I-я часть—50 к., 2-я часть—70 к. и 3-я часть—75 к. б) Методическая Русская Грамматика Ц. 40 коп.
- 3) Прот. ПЕВЦОВЪ: а) Евангельскіе рассказы съ большимъ количествомъ рисунковъ въ текстѣ. Ц. 50 к. б) Священная Исторія Ветхаго Завѣта, съ картинами и картами въ текстѣ. Ц. 50 к. и в) Священная Исторія Нового Завѣта, съ картинами и картами въ текстѣ. Ц. 40 к.
- 4) А. ПАВЛОВЪ. Городская Школа. Книга для класснаго чтенія, съ материаломъ для письменныхъ упражненій и съ картинами въ текстѣ, примѣненная къ обученію родному языку въ городскихъ училищахъ, въ двухъ частяхъ: Часть первая—Первый годъ обучения. Ц. 30 к. Часть вторая—Второй годъ обучения. Ц. 45 к.
- 5) А. ПАВЛОВЪ. Городская школа. Русская хрестоматія, съ материаломъ для письменныхъ упражненій, съ картинами въ текстѣ: а) Третій и четвертый годъ обучения. Ц. 75 к. б) Пятый и шестой годъ обучения въ городскихъ училищахъ.
- 6) А. ПАВЛОВЪ. Біографіи русскихъ образцовыхъ писателей, съ портретами. Учебное пособіе для городскихъ училищъ. Ц. 25 к.
- 7) А. БАРАНОВЪ: а) Наше Родное. Русскій и церковно-славянскій букварь и книга для чтенія для народныхъ училищъ съ трехъ годичнымъ курсомъ. Первый годъ обучения—Ц. 30 к. второй годъ—Ц. 40 к. и третій годъ—Ц. 60 к. и б) Книга для чтенія, примѣненная къ обученію родному языку во 2-й и 3-й года обучения. Ц. 45 к.
- 8) Н. БУНАКОВЪ: а) Русская и церковно-славянская Азбука. Ц. 25 к. б) «Первника» первая послѣ «Азбуки» книжка для чтенія. Ц. 15 к. в) Книга для чтенія «Въ школѣ и дома» примѣненная къ обученію родному языку въ народныхъ школахъ. Первая часть—курсъ 2-го года обучения. Ц. 40 к. Вторая часть—курсъ 3-го года обучения. Ц. 60 к. и г) Грамматическая и орфографическая упражненія въ начальной раздной школѣ. Ц. 15 к.
- 9) Н. БУНАКОВЪ: а) Въ Школѣ и дома: часть III. Хрестоматія для городскихъ училищъ Ц. 75 к. и б) Учебникъ Русской грамматики для городскихъ училищъ. Ц. 40 к.
- 10) А. ГОЛЬДЕНБЕРГЪ. Сборникъ задачъ и примеровъ для обучения начальной Ариѳеметики, въ двухъ выпускахъ: Выпускъ I—Задачи и примеры на числа первой сотни и на простейшія дроби. Ц. 15 к. Выпускъ II—Задачи и примеры на числа любой величины. Ц. 15 к.
- 11) А. ВОРОПОВЪ: а) Руководство практической Ариѳеметики. Ц. 75 к. б) Собрание ариѳеметическихъ задачъ, въ двухъ частяхъ: 1-я часть (цѣлые числа). Ц. 30 к. и 2-я часть (дроби). Ц. 30 к.
- 12) В. ЕВТУШЕВСКІЙ. Сборникъ ариѳеметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ въ двухъ частяхъ: Первая часть—Цѣлые числа. Ц. 35 к. Вторая часть—Дроби. Ц. 40 к.
- 13) А. БАРАНОВЪ. Географія Российской Имперіи, съ картами и рисунками въ текстѣ Курсъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Ц. 50 к.
- 14) И. МИХАЙЛОВЪ. Краткая Отечественная Географія. Руководство для городскихъ училищъ. Въ текстѣ этой книги помѣщено 33 рисунка, 21 географ. карта, 4 плана важнейшихъ городовъ и большая карта Европы. Россіи. Ц. 60 к.
- 15) «Картинный Учебный Атласъ». Въ этомъ Атласѣ помѣщено 183 картинки, большая часть которыхъ исполнена лучшими заграчными и русскими художниками и граверами: 1) Виды городовъ, монастырей, деревень и вообще различныхъ жилищъ—21 картинка. 2) Замѣтательные зданія, памятники, соборы и т. п.—13 картинокъ. 3) Главные типы народовъ, живущихъ въ Россіи—29 картинокъ. 4) Различные картинки, служащія для выясненія географическихъ понятій и для характеристики извѣстной местности—52 картинки. 5) Наиболѣе распространенные въ Россіи деревья и растенія—38 картинокъ. 6) Наиболѣе распространенные въ Россіи животные—28 картинокъ. и 7) Землемѣрческія орудія и способы обработки земли—3 картинки. Цѣна 2 руб. 50 коп. Примѣчаніе: Объясненіе къ этому атласу. Ц. 40 коп.
- 16) П. ПЛЕТЕНЕВЪ. Учебникъ Всеобщей Географіи, составленный примѣнительно къ программамъ городскихъ училищъ. Ц. 60 к.
- 17) А. ВОРОНЕЦКІЙ: Учебникъ Всеобщей Географіи, съ картами и картинами въ текстѣ, а) въ трехъ курсахъ: Курсъ первый—Общий обзоръ земного шара. Ц. 45 к. Курсъ второй—Вѣтевро-европейскія страны. Ц. 45 к. и Курсъ третій—Европа. Ц. 40 к. б) Иллюстрированная Учебная Географическая Хрестоматія, въ трехъ частяхъ. Часть первая—Общий обзоръ земного шара. Ц. 1 р. 35 к. Часть вторая—Вѣтевро-европейскія страны. Ц. 2 р. и Часть третья—Европа. Ц. 1 р. 65 к.
- 18) А. ГЕРДЪ. Учебникъ минералогіи для городскихъ училищъ. Ц. 80 к.
- 19) В. ГЕРБАЧЪ. Русскія прописи. Ц. 40 к.
- 20) Прот. Д. СОКОЛОВЪ: а) Начальное наставление въ Православной Христіанской вѣрѣ. Ц. 20 к. б) М. литвы, Заповѣди и Символъ вѣры. Ц. 15 к. и в) Ученіе о Богослуженіи Православной Церкви. Ц. 45 коп.
- 21) А.Ф. СОКОЛОВЪ. Первые уроки церковно-славянского языка. Практический учебникъ для низшихъ училищъ. Ц. 45 коп.
- 22) И. ГАРЧИНСКІЙ. Краткій очеркъ строенія человѣческаго тѣла и его отправленій съ изложеніемъ главныхъ правилъ для сохраненія здоровья. Руководство для городскихъ училищъ Ц. 75 коп.